

Б. Н. Вампилов

ОТ АЛАРИ ДО ВЬЕТНАМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Б. Н. Вампилова представляет собой воспоминания автора о своем детстве, учебе, участии в гражданской и Отечественной войнах, а также о своей работе но Вьетнаме. Кроме того, автор дает основанное на документальном материале описание путешествия Г. Цыбикова в Тибет, рассказывает о поисках рукописей «Ганжура» и «Данжура» в Бурятии.

- Базыр Вампилов
  - Семья Вампиловых
    - Моя родина — Аларь
    - Дедушка Сыден
    - В летнике
    - Отец и мать
    - Батрак дядя Вася
    - Мой родственник Александр Вампилов
    - В няньках
    - В школу
    - Охотники
    - Ссыльные поселенцы
  - Первая империалистическая
    - Война приходит в Аларь
    - Возвращение с фронта
    - После Февральской революции
  - В огне гражданской войны
    - Аларские большевики
    - Конец адмирала Колчака
    - Аларь в первые годы Советской власти
    - Первые комсомольцы Алари
    -
    - Возмездие
    - Пособники белогвардейцев
    - Ярослав Гашек в Политотделе 5-й армии
    - Последние бои
  - Годы учёбы и военных испытаний
    - От совпартшколы до университета
    - От берегов Вислы до Праги
    - Мои земляки — участники войны
  - Социалистическая Бурятия
    -
    - Путешествие в загадочную страну
    - История одной находки

- На древней земле Вьетнама
- Библиография
- Е. И. Аюева, Г. М. Карнаухов
- Фото
-
-
-
-
-

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

- 79
- 80
- 81
- 82

- notes
  - 1
  - 2

Базыр Вампилов
От Алари до Вьетнама

Семья Вампиловых

Моя родина — Аларь

В XVII в. на юго-западе от озера Байкал, невдалеке от Саянских гор, жил род Хонгодоровых, позднее от него отпочковались Вампиловы.

Обосновались они на постоянное жительство в селении Аларь. Известный бурятский этнограф Л. Е. Элиасов записал об этих местах следующую легенду:

«На берегу Байкала, против острова Ольхона, жила великая шаманка по имени Хусыхан. Она днем и ночью молилась, чтобы небо послало ей сына, такого же умного и великого, мудрого и сильного, как она сама…

Через несколько лет шаманка убедилась, что от ее молений никакого толку нет, что сына надо искать на земле, а не просить у неба. Ходила она по берегу Байкала долго, стала умываться и начала походить на настоящую женщину. В это время счастье само пришло к ней.

Однажды, проснувшись, она увидела, что рядом с ней лежит охотник; в руках у него лук и целый пучок стрел с медными наконечниками. Шаманка Хусыхан спросила, откуда он. Охотник ответил, что он пришел оттуда же, откуда все люди, т. е. забрел сюда „с теплой стороны“, чтобы посмотреть белый свет и где-нибудь поселиться.

Хусыхан преобразилась, обворожила охотника, и стали они жить вместе. Великая шаманка призвала все земные и небесные силы и вскоре родила сына, похожего на своих родителей. Когда мальчик подрос и стал на ноги, они посадили его в выдолбленное корыто и отправили странствовать по Байкалу. Много лет плавал их сын по Байкалу, но ни на его островах, ни на берегах не нашел ни одной живой души. Потом он вспомнил, что на берегу Байкала живут его родители, и решил навестить их. Добравшись с попутным ветром до родителей, он застал их еще живыми, но они так состарились, что не могли уже охотиться и питались только кореньями и листьями. Сын набил им зверей, птиц, наловил рыбы, и родители смогли прожить еще много лет. Вот за то, что он спас их от преждевременной смерти, родители и прозвали его спасителем (по-бурятски „алаир“). Так и стали они называть его Алаиром.

Когда родители умерли, Алаир поселился около Ангары. Там он нашел себе жену, и от него пошло племя алаирских бурят. Поэтому их пращур Алаир и считается родоначальником всего этого племени»[{1}].

Улус Аларь расположен на Иркутско-Черемховской равнине,

в 180 километрах от Иркутска и в 40 километрах от города Черемхово — центра угольной промышленности Восточной Сибири. В 12 километрах от Алари находится русское село Голуметь в 1000 дворов. В Голумети когда-то было несколько купеческих магазинов, из них самые большие — М. Рамзанова и И. Семенова. Кроме того, Рамзанов и Семенов занимались торговлей пушниной. Купцы выдавали промысловикам ссуды в виде охотничьего снаряжения и припасов, а затем скупали пушнину за бесценок, увозили ее в Иркутск и там реализовывали, получая большие прибыли. Наживаясь, купцы добивались общественного влияния и фактически держали в кулаке все население в округе.

В те далекие времена в Балаганском и Черемховском уездах губернии, почти у самых Саян, в Голуметской тайге, обитали тунгусы-охотники, занимавшиеся охотой на пушных зверей. Русские селились, как правило, на берегах рек Голуметь, Ireть, Бажей, а буряты — в степи, где легче было обеспечить животных кормами.

Уклад жизни русских крестьян и бурят был разный, хотя жили они в близком соседстве. Русские вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, имели лошадей, молочный и мясной скот, обеспечивавший их мясом, молоком, шкурами, шерстью. Буряты, хотя и испытывали на себе влияние русских, в основном вели кочевой образ жизни. Зимой жили в зимниках, в рубленных по русскому обычаю домах, имели все надворные постройки (амбары, сараи, кладовые, загоны для скота). Летом же женщины с детьми и скотом перебирались в летники. Зимники и летники отделялись друг от друга поскотинами — городьбой, не позволявшей скоту, находившемуся в летниках на общественных выпасах, переходить в зимники — на покосы или поля, засеянные хлебом.

С конца мая и до сентября мужчины-буряты жили в зимниках, занимаясь пахотой, боронованием и вспашкой паров, сенокосом, и лишь изредка выезжали в летники на день-два для проведения религиозных обрядов.

В летниках, в степи у костров устраивались скачки па лошадях, национальная борьба, пляски, в которых принимала участие бурятская молодежь. Веселье, как правило, продолжалось до утра. Жизнь в летниках сближала соседей, так как юрты ставились здесь недалеко друг от друга. В Западной Бурятии бурятские улусы перемежались с русскими селами и деревнями, что позволяло бурятам усваивать многие элементы русской культуры. Под влиянием русского населения буряты постепенно переходили к оседлому образу жизни, строили дома русского

типа, заимствовали более совершенные орудия производства, осваивали новые ремесла, учились говорить по-русски. Русские крестьяне передавали бурятам опыт обработки полей, учили их сеять хлеб и сажать овощи, а переселенцы из центральных губерний России рассказывали им о борьбе крестьян России за землю и свободу.

Города Иркутск и Черемхово тоже сыграли свою роль в жизни населения Западной Бурятии. Они являлись экономическими, административными, культурными и революционными центрами. В период столыпинской реформы сюда было переселено много украинцев, преимущественно беднота, которые жили на отдельных хуторах.

В начале XIX столетия располагалось три больших прихода: Бажейский, Голуметский и Кутуликский — с семью церквами, в том числе и в самой Алари, и буддийским монастырем — дацаном. Губерния, в которую входили приходы, управлялась губернатором, на местах были учреждены городские думы и управы. Царское правительство опиралось здесь, как и по всей Сибири, на чиновников из дворянской среды, купечество, нойонов{2} и духовенство.

Царские чиновники вносили в управление сибирскими окраинами империи нравы помещичьей вотчины. Неограниченные полномочия, бесконтрольность, удаленность от промышленных центров — все это создавало почву для административного произвола и злоупотреблений, возведенных в систему. Поборы, вымогательства как с отдельных лиц, так и с целых обществ стали обыденным явлением.

Несмотря на жестокие преследования и полицейский надзор, население Сибири выражало свой протест против злоупотреблений чиновников.

В это время в Иркутске вокруг востоковеда А. В. Игумнова сгруппировался небольшой кружок местной интеллигенции, недовольной действиями генерал-губернатора Сибири И. Пестеля, губернатора Трескина и других чиновников. В письмах к своим друзьям, жившим в Петербурге, А. В. Игумнов сообщал о грабительских порядках, установленных иркутскими властями. Его послания нашли, в частности, поддержку поэта Г. Р. Державина. Среди передовых представителей петербургского общества росло возмущение действиями «сибирского Аракчеева» — генерал-губернатора И. Пестеля{3}. В 1818 г. в Петербург тайком пробрался иркутский мещанин Саломатов, подавший царю жалобу на сибирских администраторов.

Все эти события привели к тому, что император Александр 1 был вынужден отстранить от должности Пестеля и издать указ от

22 марта 1819 г., согласно которому генерал-губернатором Сибири назначался М. М. Сперанский, получивший широкие полномочия по ревизии сибирских дел.

Проведенная ревизия даже при всей ее необъективности вскрыла многочисленные преступления сибирской администрации. Всего обвинялся 681 человек, в том числе 255 бурятских нойонов.

Однако и после ревизии Сперанского положение в сибирских окраинах продолжало оставаться прежним; взяточничество и поборы даже усилились. Причем в таких отдаленных местах, как Аларь, вымогательства чиновников усугублялись еще злоупотреблениями возглавлявших бывшие думы тайшей{4}. Они облагали местное население податями и повинностями по собственному произволу и взимали дополнительные сборы в свою пользу.

Передовые представители русской и бурятской интеллигенции не раз выступали в защиту бурятского населения. В середине XIX века расследование дел о злоупотреблениях бурятских чиновников проводил известный бурятский ученый и государственный деятель Доржи Банзаров{5}.

Царями и богами бурят Алари были старосты, а также голова инородческой управы, он же тайша Аларской степной думы. Аларские буряты вынуждены были время от времени подносить чиновникам бронзовых бурханчиков{6} с вложенными в них кредитками.

Не менее тяжелые притеснения терпели буряты от духовенства. Один из мелких полицейских чиновников как-то сказал, имея в виду слухи, распускаемые миссионерами, о закрытии дацанов:

— Храни нас бог, если дацаны закроют. Помилуйте! Одними дацанами только живем.

Так что бурятам-шаманистам приходилось чтить всех богов: христианских, ламаистских, шаманских.

Справляли шаманские *тайлаганы*{7} — коллективные жертвоприношения, ходили на ламаистский *обо*{8} и аккуратно посещали в улусе Аларь дацан и церковь.

Чтобы удовлетворить алчность чиновников, старост, тайшей, представителей духовенства, аларские крестьяне и скотоводы вынуждены были работать на них не покладая рук.

Дедушка Сыден

Дымки над юртами, синеватая цепь Голуметских гор на горизонте, а где-то у самого их подножия вьется по травянистой, прогретой солнцем долине река Иреть…

Такова степь вокруг Алари, старинного бурятского села, где я родился. Места эти мне запомнились навсегда: юрты, отары овец, пасущиеся неподалеку, редкие всадники, время от времени возникающие на горизонте… Память ведет меня в глубь времен, к началу века, воссоздавая живые образы моих предков и земляков.

Хорошо помню своего деда Сыдена: худощавого, высокого, с белым, совсем не тронутым солнцем лицом, подвижного и резковатого на язык. Дед ненавидел людей кичливых, всегда заступался за робких; обидчики побаивались его, но все уважали.

От отца к сыну, из рода в род на протяжении столетий передается в Бурятии семейная «генеалогия». Мне вспоминаются рассказы деда Сыдена об истории нашего, вампиловского рода.

У старого Вампила было два сына: старший — Пуха и младший — Вандан. Младшего отец любил и баловал, и не случайно. Это был веселый, ловкий парень, который везде старался быть первым. При разделе имущества он остался с отцом и впоследствии получил наследство.

У Пухи судьба сложилась по-иному. Он рано отделился от отца, обзавелся семьей и хозяйством. И сразу же хлебнул лиха. Жилось ему трудно. Так до конца дней своих Пуха и не смог одолеть нужду, выбиться «в люди».

А Вандан женился на красивой и сильной женщине. Жена народила ему много дочерей и сыновей, а это для бурята всегда считалось большим счастьем.

Пуха и здесь отстал от брата. Был у него только один сын — мой дед Сыден, унаследовавший от своего отца довольно строптивый нрав и независимый характер. Из всех детей Сыдена, пятерых сыновей и четырех дочерей, в живых остался только один сын Нихо — мой отец; остальные умерли.

Родители баловали Нихо и даже сумели отдать в церковноприходскую школу, которую он окончил с похвальной грамотой. Говорят, у него был хороший почерк и его собирались отправить на учебу в Петербург вместе с сыновьями Вандана — Баяртоном и Романом. Однако Сыден решительно воспротивился этому, и мой отец так и остался в Алари.

Дед жил бедно. Он не сумел обзавестись ни отарой овец, ни приличным домом и оставил сыну лишь юрту да кое-какую утварь. Однако он успел сделать самое важное: привил ему

любовь к учению, к книгам. Эту любовь Нихо пронес через всю жизнь…

Правда, осуществить мечту Сыдена — получить образование — Нихо так и не сумел. Кроме церковноприходской школы, других учебных заведений ни в самой Алари, ни поблизости не было.

Безрадостно проходили детство и юность Нихо. Он не видел ни добра, ни ласки от своих более удачливых земляков. Будучи по натуре гордым и независимым, Нихо сам сторонился сверстников, живших лучше его. Он часто вступал в споры, и не только со своими сверстниками, но и со старшими. От этого жизнь его, конечно, не становилась легче. Ссоры и драки, враждебное отношение соседей — вот среди чего проходило детство Нихо. Поэтому и отец, человек, по существу, добрый, большой любитель книг и путешествий, был угрюмым и замкнутым, а к концу жизни и вообще его характер стал очень тяжелым. Теперь, год за годом прослеживая нелегкую судьбу отца, я понимаю, почему так произошло…

Незадолго до смерти дед стал частенько приходить домой навеселе, а потом и вовсе пропадать на несколько дней. Как-то деду стало плохо. Уложили его, напоили чаем. Врач сказал, что ему надо полежать несколько дней, да и вообще «вести себя потише», если он собирается еще пожить на этом свете.

А утром встаем — глядь, а деда нет. И опять до поздней ночи его не было.

Однажды зимой дед отправился в дальний улус Бадархи по какому-то делу, а заодно и навестить давнего друга. Засиделся он там до позднего вечера. К ночи повалил снег, поднялась настоящая метель… Друг уговаривал деда остаться ночевать, но тот заупрямился и решил во что бы то ни стало вернуться домой.

Дорогу совсем замело, когда он наконец выехал. Сыден погнал коня прямо по бездорожью, не обращая внимания на буран. Снег валил все гуще, слепил глаза. Вскоре конь выбился из сил, еле тащился, с трудом выбираясь из глубоких сугробов. Прошел час, другой. Дед понял, что заблудился… Он уж было совсем отчаялся, как вдруг заметил какой-то большой сугроб в темноте — это оказался занесенный снегом стог сена. Забыв про коня, Сыден тут же забрался поглубже в стог и заснул. А когда проснулся, разгреб сено и вылез наружу, уже светало. Метель утихла. Одна лишь ровная снежная пелена вокруг, да торчит около стога голова коня из-под снега. Конь погибал. Как ни поднимал его дед, как ни гладил, ни толкал, ничего не помогло.

Пришлось возвращаться без коня. Снял дед с мертвой лошади потник, взвалил на плечи седло и поплелся по глубокому снегу.

Оглядевшись, он обнаружил, что находится всего в пяти-шести верстах от родного улуса.

Для нашей семьи потеря коня была непоправимым несчастьем. Мать рассказывала потом, что после этого случая дед не являлся домой несколько дней, затем приплелся совсем больной. До весны он никуда не выходил, даже к соседям не заглядывал. В мае Сыден уехал в Черемхово — шахтерский городок, в тридцати семи верстах от Алари, — и стал чернорабочим. Но уже через год он вернулся домой: ему запретили спускаться в шахту из-за обострившегося туберкулеза. И все-таки деду удалось заработать на покупку лошади.

В это время в селе начали готовиться к переезду в летники. Я всегда радовался этому событию: жить в юрте мне нравилось больше, чем в избе. Я охотно расставался с кособокой зимней избушкой, в которой наша семья проводила долгие осенние и зимние месяцы. Впереди нас ждало обилие молока, сметаны, варенца — *тарака*.

Дед оживился, повеселел и вместе со всеми стал собираться в летник. Задолго до переезда начали приводить в порядок сбруи, телеги, арбы и весь домашний скарб, необходимый для жизни в летнике. В зажиточных семьях шили новую одежду, в бедных — перекраивали, перешивали и чинили старую. Каждая семья в летнике старалась выглядеть как можно лучше, нарядней и праздничней.

В то время большинство аларских бурят одевались почти одинаково: бедняки и крестьяне среднего достатка шили одежду из дешевых хлопчатобумажных тканей, преимущественно темно-синего цвета. Зимой носили овчинные шубы (*дэгэл*). Штаны шили из шкуры домашней или дикой козы. В летнике собирались жители нескольких улусов, и каждый старался показать свою семью с самой лучшей стороны.

И вот наконец после томительных сборов мы рассаживаемся в телеге. Позади остались дацан, церковь… Прощай, зимник!

В летнике

Наша семья весной всегда перебиралась в летник. В то время аларские буряты, владея небольшими стадами, кочевали мало. У каждой семьи на сенокосе были летники. Их раскидывали обычно верстах в пяти от улуса. Наш летник находился в местечке Бурухтан, на берегу реки Хига. Сюда в конце мая съезжались буряты из ближних и дальних улусов (Хига, Зудэй, Улахан, Хужир, Зона, Отора). Слева от нас раскинули свои юрты харганайские буряты, справа — буряты Верхнего и Нижнего Алазабея и Дубуна.

С переездом в летники менялся и характер людей. Они становились добрее и веселее, более спокойными и добрыми. Хозяйки побогаче, которые нас, оборвышей, в зимниках и к дому близко не подпускали, могли даже собак на нас натравить, в летнике почему-то привечали малышей, забегавших к ним в юрты, и кормили их вместе со своими детьми.

Громады гор Шулутая и Сорготоя сплошной цепью протянулись на десятки километров; по ущельям проносились воды горных речушек Хиги и Сорготоя. А дальше открывался необъятный простор степей, красивое озеро Саган-Нур, сосновые леса, березовые рощи, сливающиеся с тайгой. Все казалось мне тогда каким-то таинственным, все привлекало мое внимание. Только хмурые тучи, приносившие проливные дожди, гром да молнии пугали меня.

В летниках все жили в юртах. Наша юрта была деревянная, рубленная из сосновых бревен. Посередине деревянного настила вырезалось отверстие квадратной формы (*гуламта)* для очага — треугольного сооружения из камней для котла. Отверстие в потолке служило для выхода дыма.

Юрта держалась на четырех опорных столбах — *тээнгах.* В отверстие на потолке залетали ласточки и вили себе гнезда на *матицах*, образующих под потолком четырехугольник, соединяющий опорные столбы.

Гостей принимали в *хойморе* — северной части юрты. Западная сторона ее *(баруун),* по шаманским поверьям, считалась мужской половиной; вход замужней женщине был туда запрещен.

Полки для посуды и деревянных крынок *(тоорсэг),* в которых держали молоко, и чан-холодильник тарасунной аппаратуры — *хибэр*[{9}] — помещались в левой половине юрты. Двери деревянной юрты располагались на южной стороне *(урда*).

В летнике у меня тут же появились друзья-одногодки, среди них были и дети из богатых семей. Мы вместе играли, рыбачили.

Ловили самодельными крючками из иголок мелкую рыбешку. Потом всей гурьбой ходили в рощу за земляникой.

Очень быстро рубашка моя разорвалась, штаны превратились в лохмотья. Я переживал, плакал. Обуви же у меня вообще не было. Среди своих сверстников я выглядел оборвышем. Из этой беды меня выручил мой дядя Василий. Он сшил мне штаны и рубаху из чертовой кожи *(далембы)*.

Появление в летнике Василия всегда было для меня и моих родителей радостью. В нашей юрте тотчас собиралась молодежь. Вечер начинался обычно с песни: мама и дядя пели чудесно. Приходили соседи и мои маленькие друзья. Получалось настоящее представление, завершавшееся вечерним хороводом *(ехором):* все шли на поляну к речке и становились в круг. Заводилой, как всегда, был Василий.

Мама обычно брала меня на ехор. Шли мы не спеша, позади всех. В круг мама никогда не входила. Глаза у нее горели, на щеках выступал румянец, казалось, будто вот-вот она войдет в середину круга и начнет петь. Когда же хор пел недружно, мама морщила лоб и тяжело вздыхала.

Я часто просил ее что-нибудь спеть, но мать всегда отвечала:

— Дорогой, мне здесь петь нельзя. Почему, узнаешь, когда подрастешь. Я могу петь только с гостями у себя дома. Или в гостях.

И я ждал гостей. Отец же петь не умел. Говорил, что ему медведь на ухо наступил. Иногда, впрочем, запевал:

Ты ж меня підманула,
Ты ж меня підвела…

И сразу же заканчивал:

Ну, ек! Ну, ек! Підвела.

Эту песню, как мне говорили, отец перенял у друзей — ссыльных поселенцев, и за ним прочно закрепилась кличка «Ну, ек. Ну, ек».

— «Ну, ек. Ну, ек» в гости к нам идет, — говорили соседи, завидев издалека отца.

Отец не обижался.

Вскоре мое беззаботное существование было омрачено обрушившимся на нашу семью несчастьем.

Произошло это в православный праздник Петров день, совпавший с шаманским тайлаганом. Обычно этот праздник

буряты отмечали целыми улусами. К празднику готовились заранее. Гнали молочную водку, резали баранов, телок, свиней или молочных кобылиц, смотря по достатку. Буряты-бедняки продавали даже свои сенокосные угодья, пашни или же на сезон нанимались работать на богачей. В этот день каждый хозяин обязан был принять гостей и хорошо угостить их. Почетные гости садились в юрте за столики, все остальные оставались на улице.

Праздник отмечали весело, участвовали в нем и старые и молодые. За день успевали обойти тридцать-сорок юрт. Редко кому удавалось дойти до последней юрты. На летних пастбищах их насчитывалось до восьми десятков.

Буряты трех улусов — Хиги, Зудэя и Улахана — мужчины, женщины и дети — собрались и начали обходить юрты. Подошли они и к вместительной восьмиугольной юрте богача Буглана…

Это был человек маленького роста, с бегающими глазками и редкой бороденкой. Одевался он в не по росту сшитую рубаху и широкие штаны, которые висели на нем, как на огородном пугале. Жадность Буглана была беспримерной, все батраки от него плакали. Жена Буглана, Самбар, слыла женщиной распутной, однако никто из односельчан не осмеливался сказать ей об этом, за исключением моего деда и дяди. Поэтому Самбар всегда смотрела на них косо. Рослая, в два обхвата толщиной, она могла протиснуться через дверь лишь боком. Лицо ее с тройным подбородком обрамляли иссиня-черные волосы, ниспадавшие до плеч. Платья она носила добротные, до пят. Материала, который шел на шитье одного такого платья, хватило бы, пожалуй, чтобы покрыть целую юрту. Ела она много, не уступая мужчинам. Дядя говорил, что Самбар похожа на медведя-шатуна, огромного и лохматого. Муж боялся ее как огня.

Когда Буглан и Самбар шли рядом, он доставал ей только до плеча, и она поглядывала на него сверху вниз.

Летом Буглан с сыном Базыром обычно жили в зимнике, а Самбар — в летнике и наслаждалась полной свободой. Она была моложе мужа лет на двадцать. Когда Буглан, находясь в основательном подпитии, ругал ее, вспоминая все ее похождения, она брала его за шиворот и запирала в дровяном сарае. Там он визжал как поросенок, что, впрочем, не производило на Самбар никакого впечатления. Она выпускала пленника лишь рано утром, перед дойкой коров.

Особенно часто ее навещал Жаргил Мотроев, молодцеватый парень, родственник мужа. Он постоянно батрачил у Буглана, но находился на привилегированном положении. Жаргил даже перестал ходить на сходы. Если же он появлялся там, то за ним сразу приходила Самбар и уводила домой…

Буглан и его жена долго спорили, кого из гостей принять в юрте, а кому поднести угощение на улице.

Самбар кричала:

— Пустить батраков?! Да у них не то что овцы, даже собаки несчастной на дворе не сыщешь! Что ж, они будут сидеть рядом с нами? Не выйдет!

Однако, когда гостей стали приглашать в юрту, среди них все же затесался один батрак. Но Буглан его заметил, и парня тут же вышвырнули из юрты.

Тут-то и вступился за него мой дед, который только что вместе с отцом вернулся с зимника. Я уж как-то говорил, что он всегда горой вставал за бедняков, но особенно доставалось от него зачинщикам драк.

Дед вытащил Буглана на улицу. Но за ним с топором в руках выбежала Самбар. Не успел дед увернуться, как она обухом с размаху ударила его по левой руке. Друзья повели его в ближайшую юрту, женским головным платком обмотали перебитую руку, подвесили на широком кушаке и отвезли в больницу в Черемхово. Руку пришлось ампутировать по локоть. После этого дед уже не вставал с постели. Лечение обошлось очень дорого. Отец, чтобы покрыть расходы, продал корову.

Буглан с женой, стремясь оправдаться, начали распускать слухи о том, что мой дед — завзятый хулиган, что он и раньше частенько врывался к ним в дом и избивал хозяина. Он-де бездельник, пропойца, промотал все свое имущество и скоро пустит по миру единственного сына. Кроме того, деда обвиняли в том, что он якшается с поселенцами — политическими ссыльными, которые часто собираются в его доме и доме его сына.

Наступил голодный год. Травы не уродились. Особенно постпадали аларские и унгинские буряты. Положение нашей семьи еще более ухудшилось. Обращаться за помощью было не к кому. Только дядя Василий беспокоился о нас и помогал, чем мог, несмотря на то что сам постоянно батрачил.

Дед протянул недолго. Его положили на грубо сколоченной деревянной кровати, с левой стороны у входа в юрту. На нем — пестрая рубаха, на ногах — поярковые катанки с красными точечками и заплатами из сыромятной кожи. Руки вытянуты вдоль туловища, глаза прикрыты, лицо темное. Мать деловито хлопочет вокруг покойника. У изголовья стоят наш родственник Елосой и отец. Оба тихо переговариваются. Никто не плачет. В ногах — дядя Василий. Обращаясь к матери, он говорит:

— Уведи отсюда Базырку, хватит ему тут торчать…

Мать, взяв меня за руку, уводит за перегородку. Отсюда мне

слышен голос дяди.

— Ох уж эти мастера! — сердито говорит он. — Не Нашли даже подходящих тесин для гроба… Придется сколачивать из гнилых дранок. Хоть бы заранее предупредили, я бы как-нибудь приспособил хозяйские дранки для такого дела… Ведь он как-никак был главой этого дома! Да и из родственников пришел только один Елосой. Куда это годится! Ладно уж, при случае я им все припомню…

Хмурым декабрьским днем деда свезли на кладбище. Поминки были скромные. Место, где дед лежал на смертном одре, тщательно промыли керосином. Родители боялись, как бы я не заразился. Они вообще возлагали на меня большие надежды и старались уберечь от любой напасти.

Отец и мать

Мой отец был не похож на других бурят. Он был высокого роста, волосы его были черны как смоль, а когда он смеялся, на смуглом лице сверкали белоснежные зубы.

Мы унаследовали от отца не только любовь к книге и родному краю, но и большой оптимизм, доброе отношение к людям. А это немало, если учесть, что жили мы в бедности и горя хлебнули достаточно.

Отец никогда не ругался и не повышал голоса. Даже когда сердился, всегда избегал бранных слов. Он был моим лучшим наставником и советчиком, всегда старался хоть чем-нибудь порадовать меня. В этом отношении отец отличался от матери. По характеру они вообще были людьми разными. Отец всегда отмалчивался, а мать говорила не переставая и в сильном гневе не стеснялась в выражениях. Поэтому родственники и соседи старались с ней не ссориться. Особенно доставалось от нее Самбар. Мать славила ее на всю округу. Она всегда защищала отца, меня и дядю от обидчиков, так как была человеком волевым и не знала страха. Находчивая, ловкая, острая на язык, моя мать была к тому же на редкость хороша собой.

Родилась она в селе Верхняя Иреть среди русских; там и научилась говорить по-русски. В Алари она всегда дружила с русскими женщинами и помогала им общаться с бурятками. К ней постоянно обращались за советами.

Когда в Алари в 1925 г. образовался первый колхоз, лучшим агитатором за неги стала моя мать. Если на собрании она критиковала какого-нибудь разгильдяя, то тому приходилось не сладко.

В моей памяти хорошо сохранились некоторые события детства, связанные с отцом и матерью.

Как-то ранним утром, в жгучие январские морозы, к нам в избу ввалилось семеро мужчин во главе с сыном богатея Барданая Амаланова — Тэхэ. Среди них был родственник отца Елосой. Последний приказал отцу немедленно открыть амбар.

Мы все опешили. Никто не понимал, в чем дело. Хорошо, что в это время в избе оказался дядя, который посоветовал отцу побыстрее открыть амбар.

— Ну что ж, пошли! — сказал он.

Однако незваные гости не торопились идти в холодный амбар. Теперь уже дядя настаивал на своем. И тут в присутствии десятского, сотского и понятых Тэхэ заявил, что ночью кто-то украл из их амбара две бараньи туши. Следы ведут в сторону

нашей избы. Самого Нихо Тэхэ не подозревал, но, может быть, знакомые отца, ссыльные поселенцы, спрятали эти туши у него в амбаре.

Лишь теперь до моих родителей дошло, что их подозревают в краже. Перерыли весь амбар, избу и усадьбу. Ничего, конечно, не нашли. Но на этом дело не кончилось. Мама и дядя настояли на том, чтобы был составлен акт. Десятский и сотский стали уговаривать отца не обострять конфликт. Куда там! Мать закрыла дверь на крючок, дядя Василий стал у двери, и оба в один голос требовали составить акт. Но все присутствующие оказались малограмотными или вообще неграмотными. Тогда взялся за дело отец. Акт был составлен, все подписались — кто как умел.

Мать, обращаясь к Тэхэ, сказала:

— Надо искать следы вора.

— Верно! — обрадовался дядя. — Давай, Тэхэ, снимай свои валенки!

Тэхэ неохотно снял валенки, а вслед за ним то же самое сделали мои родители и дядя. Подошвы валенок тщательно измерили, и первая часть розыска на этом закончилась.

Мать с копией акта, прихватив с собой подружек, Василия и понятых, присутствовавших при обыске, направилась к Амаланову в улус Улахан. Вернулись они домой только перед обедом. И мать и дядя сияли, торжествуя победу.

Оказывается, с помощью друзей им удалось поймать вора, которым оказался… сын Барданая — Тэхэ. Следы его валенок остались возле амбара и в самом амбаре, где штабелями было сложено до полутора десятков бараньих и говяжьих туш. Там, где раньше лежали две бараньи туши, тоже видны были следы Тэхэ. Припертый к стене, он вынужден был сознаться.

У Барданая Амаланова была большая усадьба с высоким забором, наглухо отгороженная от посторонних глаз. Кроме Тэхэ, с ним никто не жил. Всем своим видом Барданай вызывал отвращение: кривоногий, сутулый, с бесцветными глазами навыкате; он чем-то напоминал гориллу. Но хозяин он был расчетливый: имел молотилку, жатку, сенокосилку, конные грабли, плуги и другой инвентарь. Все родичи и соседи были у него в долгу. В дом его захаживали женщины, или же он уезжал повеселиться в Черемхово и даже в Иркутск, не жалея на это денег. Сам Барданай в гости не ходил и к себе никого не приглашал, не пил и не курил. В Алари Барданай слыл самым жадным человеком.

Однажды он привез из Черемхова к себе на постой ссыльную — молодую интеллигентную женщину, которая была определена в Аларь на поселение.

Приехали из Черемхова ночью. Барданай устроил гостью в своей спальне, а сам ушел в комнату Тэхэ. Когда спустя некоторое время он вернулся, женщина уже спала. Барданай зажег свечу и, держа в левой руке двадцатипятирублевку-«екатеринку», полез под одеяло. Но женщина оказалась не робкого десятка, да притом еще очень сильная. Она как следует отколотила насильника и потребовала, чтобы он указал ближайший дом, где она могла бы переночевать… Барданай предложил ей наш дом, сказав на прощание:

— Деньги эти ваши. За вещами зайдете днем. Теперь мы квиты…

Женщина оделась и направилась к нашей избе. В это время у нас сидели друзья дяди и отца. Узнав о том, что случилось в доме Барданая, они решили составить жалобу в земское волостное управление. Бумагу отнес отец. Чиновники вывели Барданая из управы, но под суд он не попал, по-видимому, сумел откупиться.

Как только народ узнал, что Барданай оказался в опале, на него посыпались жалобы в управу. Он решил пока не показываться на улице, и даже Тэхэ перестал ходить на гулянки и играть в карты, опасаясь, как бы его не избили, что в Алари не было редкостью.

Ссыльная, сбежавшая от Барданая, преподавала иностранные языки. Вскоре она стала давать частные уроки детям аларских учителей, богачей и чиновников. Учительница нередко захаживала к нам и подружилась с мамой…

После истории с вором богачи нашего улуса стали косо смотреть на отца. Говорили, что он много читает и якшается с поселенцами.

Когда мать начинала, бывало, жаловаться на нашу тяжелую жизнь, отец отвечал ей:

— Если бы все балаганские буряты были богатыми, а только мы бедными, вот тогда можно было бы кричать караул!

Все наше хозяйство состояло тогда из одной лошади да двух коров с телками. В те времена просуществовать с таким достатком семье из пяти человек было очень трудно.

Когда я пошел в школу, отец стал уже разговаривать со мной как со взрослым.

— Я, — говорил он, — бедняк-однолошадник. Деньги на жизнь зарабатываем мы вдвоем — я да мать! Иногда приходится залезать в долги к купцам да к своим, местным богачам. Пока они не отказывают, а что дальше будет — увидим. Наша мать — молодец. Зарабатывает не хуже любого мужчины, мастерица на все руки. Будем помогать тебе учиться, пока не встанешь на ноги. Правда, не знаю, сможешь ли ты продолжить учебу, — конечно,

не в Иркутске, но хотя бы в Черемхове.

Помню, в те времена у бурят женщину вообще не считали за человека. Поэтому мне казалось странным слышать такие слова отца о матери. При встрече после обычного приветствия всегда справлялись, сколько у вас детей и сколько из них *албата* (буквально: податных, т. е. мальчиков). Дочери же во внимание не принимались.

Само слово «албата» уже говорило о значении родившегося в семье мальчика, ибо он сразу же наделялся землей.

Буряты гордились своими сыновьями, рождение же девочки никого особенно не радовало. У моей матери была дальняя родственница, которая имела четырех дочерей. Когда родилась пятая, вернувшийся с работы муж, узнав об этом, уехал, даже не взглянув ни на разрешившуюся от бремени жену, ни на новорожденную.

Уважительное отношение отца к матери всегда вызывало во мне восхищение.

Отец очень любил рассказывать, а мы — слушать. Я помню его рассказы о Сибири, ламаистском духовенстве, жизни и быте бурят. Обычно по вечерам мы все садились вокруг отца, который лежал на деревянной кровати за печкой, и он, обхватив кого-нибудь из нас за плечи, начинал свой рассказ. Я пристраивался у него в ногах и очень сердился, когда мне мешали слушать. Мать в это время хлопотала по дому.

Я много слышал от отца о шаманах. Только в Алари и примыкающих к нему улусах их насчитывалось более двух десятков. Мужчину-шамана у нас называли буо, а женщину — удаган.

Распространение ламаизма там, где существовал шаманизм, неизбежно сопровождалось столкновениями. Как-то в 1883 г., рассказывал отец, в Тункинский район приехал «большой лама». Он приказал собрать в мешки с деревьев из лесов кости умерших шаманов, которых обычно не зарывали в землю, а привязывали к крепким сучьям вековых деревьев. (Такой сверток, висящий на дереве, назывался *аранга.)*

Собирание костей началось с Шимковского, а потом охватило и другие улусы. Инициаторами этой кампании стали ламы Кыренского дацана. Поддерживала их местная степная дума.

Однако родственники умерших шаманов не пожелали отдавать их останки ламам. Началась драка. Затеяли ее ламы, забыв о своем принципе «непротивления злу насилием»; они с остервенением набросились на своих противников. Отец рассказывал, что ламы иногда даже сжигали шаманов живьем. Впрочем, последние распространяли свою веру не менее

жестокими методами.

От отца мы услышали о том, как он, будучи уже взрослым, крестился без ведома родителей.

Произошло это так. Однажды ранним утром отец бродил по берегу Ангары. Река в эту пору бурная, возле нее и стоять-то близко страшно: того и гляди, захлестнет вола, особенно в ветреную погоду…

Со стороны отца можно было принять за неудачливого рыболова, медленно бредущего вдоль берега. Но буряты в это время рыбу не ловили: по шаманским поверьям, это считалось великим грехом. Отец просто вышел к Ангаре посмотреть, что за люди скопились на ее берегу.

В центре пестрой толпы он увидел казаков на лошадях с длинными пиками в руках. Здесь же находились бывший тайша Олдушкин и сотский Татышкин в нарядных *терликах*{10}, увешанных медными и железными бляхами — знаками различия нижних чинов царской администрации.

Татышкин стоял растерянный и оглядывался по сторонам. Заметив моего отца, сотский поманил его пальцем:

— Эй ты! Ну-ка поди сюда. Ты чей?

— Сыдена, — ответил отец нерешительно.

— Что здесь делаешь?

— Да вот… отгоняем табун лошадей в Аларь.

— Когда?

— Дня через два.

Сотский довольно хмыкнул, и отец почувствовал неладное.

— Есть ли здесь, кроме тебя, еще кто-нибудь из Алари?

— Да вот еще Габан.

Габан сидел на арбе. Одну ногу он закинул за оглоблю, а другую вытянул вдоль колеса: казалось, будто он уселся на оглобле — так ездят почти все здешние буряты.

— Позови-ка сюда Габана, — приказал сотский. В это время к нему подошел пристав.

— Ну что ж, пора начинать крещение, — медленно перекрестившись, сказал он.

Татышкин подозвал отца:

— Это хорошо, что вы с Габаном оказались здесь. Сегодня крестят ангарских бурят, больше двадцати человек, а от наших, выходит, вы с Габаном будете. Я о святом крещении не знал до вчерашнего дня, да и в Аларь послать некого, расстояние-то нешуточное, шестьдесят верст с гаком. Сегодня, Нихо, здесь большой праздник: трехсотлетие царствования дома Романовых, шибко большой праздник! Всем, кого окрестят, дадут подарки, угостят красным вином.

Услышав слова сотского, Габан хлестнул со всей силой коня и был таков.

— Стой, холера! Остановись! — орал сотский.

Но Габан уже был далеко. Даже если бы он и захотел остановить лошадь, то уже не смог бы: она была резвая и пугливая, хозяин ее никогда не бил.

Позже выяснилось, что Габан принял сотского за священника, который некогда крестил в Ангаре бурят. Старики часто вспоминали об этом разбойнике с большой дороги. Он как-то согнал к проруби бурят, приказал казакам привязать их к жердям и окунать в прорубь. Это должно было означать крещение…

Отец не успел опомниться, как его и других бурят окружили казаки и погнали к реке, как стадо баранов. Сзади торжественно шествовали священник, чиновники и сотский. Не успел отец подойти к берегу, как какой-то казак столкнул его в воду; хорошо еще берег был отлогим, да и глубина всего по грудь. Отец выскочил из воды и бросился бежать, но кто-то дернул его за руку, и он упал. Поднявшись, отец увидел рядом с собой одетого по-городскому бурята.

— Куда летишь как очумелый? — спросил незнакомец. — Слушай, что я тебе скажу. Тебя уже внесли в список крещеных. Посмотри туда! — Кивком головы он показал в сторону белого шатра. — Там сидят вершители наших судеб. Советую тебе, разыщи своего сотского, пусть сведет тебя к батюшке, там тебе дадут три ложки «священного» вина, а может быть, даже рубаху. Да не бойся, иди! Нарекут тебя Николаем. Им надо набрать сегодня триста Николаев, не больше и не меньше! Я тоже крещеный, иначе не окончил бы университет. Не тужи, иди получай свои подарки.

Так отец получил новое имя — Николай.

Как-то раз в Алари на празднике *обо* отец вновь встретился с этим человеком. Фамилия его была Михайлов. Он рассказывал собравшейся вокруг него молодежи о том, что попытка распространить христианство среди бурят, несмотря на насильственное их крещение в Иркутской губернии в 1889 г., окончилась неудачей.

Меня крестили уже в девятилетием возрасте. Весь обряд священник совершил очень просто: подвел меня к купели и сказал:

— Нагнись и трижды окупи лицо в воду.

После этого он помахал передо мной серебряным крестом и дал маленький нательный, который я тут же положит в карман. Потом священник сказал:

— Пей! — и трижды зачерпнул чайной ложкой сладкую

водичку.

Правда, крещение мое было несколько омрачено. Поп отослал меня к другим детям, а сам крикнул псаломщику, чтобы быстрее несли в церковь гроб для отпевания. Гроб поставили с левой стороны, недалеко от царских врат. Когда сняли крышку, я увидел в гробу мальчика моего возраста с почерневшим лицом. Мне стало так плохо, что я выбежал на улицу и стоял там, пока гроб не вынесли. Тут поп снова привел меня в церковь и произнес:

— Отныне твое имя — Борис.

Некоторые буряты крестились по нескольку раз. Дело в том, что крещеным попы давали новые рубахи, пояса, кресты, иконы и даже деньги. Разумеется, крещеные буряты отнюдь не становились христианами по своим религиозным убеждениям, а сами попы-миссионеры, отчитавшись о числе «новообращенных», не особенно заботились о дальнейшем распространении христианства.

Буряты нашего рода ухитрялись чтить всех богов: христианских, ламаистских и шаманских. Справляли шаманский тайлаган, ходили на ламаистский праздник *обо* и аккуратно посещали в улусе Аларь дацан и церковь. Тогда наш улус славился на всю округу красивым дацаном и белокаменной церковью, расположенными неподалеку друг от друга. И я ходил на *обо,* в дацан и в церковь.

Рассказы отца заставляли меня задумываться, и я стал многое понимать.

Батрак дядя Вася

В детстве я всегда стремился подражать героям-батырам. В моем представлении, это были борцы из Алари — Ильины, Зодбоевы и Мотроевы, а также мой дядя по матери Василий Мухлуев — круглолицый, невысокий, с сильными мускулистыми руками. По натуре он был весельчак, балагур, хорошо пел песни — в общем, человек, без которого не обходится ни одно гулянье.

Василий был четвертым и последним ребенком моего деда и бабушки. Он нигде не учился, так как в его родном улусе Елотуй школы не было, да и жили его родители бедно. Одно время Василий работал батраком у Баторова — бывшего тайши Аларской степной думы. Баторов по тем временам был человеком образованным, широких взглядов. Огромный лесной массив у Алари он превратил в заповедник, а позднее занялся и серьезной научно-исследовательской работой по этнографии. Аларские. буряты доверяли ему. К Василию он относился хорошо и частенько охотился с ним на гусей и уток.

На степном озере Саган-Нур Василий устроил засаду на гусей. В марте, когда озеро было еще сковано льдом и птицы не было, дядя на санках привез на берег сорокаведерную дубовую бочку. На другой день с помощью двух батраков выкатил бочку на середину озера. Над неглубоким местом, где находился подводный островок, они продолбили большую прорубь. Затем привезли лиственничные сваи и забили их в грунт, а между ними закрепили бочку. В конце апреля, когда лед вскрылся, над засадой Василий соорудил легкий камышовый козырек, а на дне бочки поставил маленькие табуретки.

На вечерней заре Баторов с Василием разместились в засаде. Вспоминая об этой охоте, дядя Вася говорил, что Баторов за каких-нибудь полчаса подстрелил больше двадцати гусей.

После этого к Баторову стали наезжать охотники, его друзья из Алари и Иркутска. Дяде Васе приходилось частенько их переправлять на лодке к месту засады. Но Баторов поставил перед охотниками условие: зараз отстреливать не более трех гусей и четырех уток. Да и сам он твердо придерживался этих правил.

Василий был неграмотным, но Баторов часто передавал через него для нас книги, вырезанные из «Нивы» и других журналов иллюстрации. Отец по вечерам читал нам короткие рассказы. Мама, дядя и я внимательно слушали.

У Баторовых Василий познакомился с поварихой, украинкой Оксаной. Цветущая, с пышными, как лен, светлыми волосами, она

была очень хороша собой.

Как-то на пасху он приехал с Оксаной к нам в гости. Повариха привезла сладостей, а дядя — барана. Под вечер пришли гости: русский поселенец, знакомый отца, с женой. Оксана запевала русские песни, а мама и дядя Василий — бурятские. Я долго не мог заснуть, слушая эти красивые, мелодичные, порой очень грустные песни.

Потом, когда я уже стал взрослым, Василий с грустью рассказывал мне, что Оксана так и не решилась выйти за него замуж.

Дядя любил работать, делал все быстро и ловко, был мастером на все руки. Однако из-за неуживчивого характера на одном месте долго не задерживался. Был он справедлив, держался с достоинством, не боялся никого и не подхалимничал, а это мало кому нравилось.

Василий частенько проводил со мной время, рассказывал о своей жизни.

— Ты, племяш, учись! — говорил он. — Не будь таким, как я. Надо искать правду! Запомни крепко, как погиб дед твой Сыден. Его убили, да еще и оклеветали… А все потому, что он был бедняком. Мы с твоим отцом и помочь-то ему ничем не смогли. Ну да ладно, у меня пока еще крепкие руки и ноги и голова на месте. Поживем — увидим, чья возьмет!

В начале 1920 г. Василий принимал участие в свержении колчаковской земской управы в Алари. Вскоре он стал милиционером при Аларском волостном ревкоме. С 1922 г. дядя — милиционер в улусе Зоны.

В один из воскресных летних дней Василий сидел за своим столом в ревкоме и изучал букварь. Неожиданно в контору вбежал мальчик, в руках у него была шипевшая граната. Еще можно было успеть выбросить ее в окно или в дверь, но вокруг дома собралось много народу: молодежь играла в городки и лапту. Поэтому дядя выхватил у мальчугана гранату, сел на стул и прижал ее к себе. Мальчик испуганно бросился на пол, и в тот же миг раздался взрыв…

Мой родственник Александр Вампилов

В 1898 г. в Алари родился троюродный брат моего отца Валентин Вампилов. Отец его Будихал был неутомимым тружеником, работал не покладая рук, благодаря чему и сумел поставить на ноги своих детей. По характеру Будихал был человек прямой, не любил кривить душой.

Ростом он был выше среднего, сухопарый, смуглый, глаза большие, а волосы черные как смоль, подстриженные ежиком. Мои детские впечатления о Будихале и его семье подтвердились впоследствии и воспоминаниями односельчан.

Умер Будихал от туберкулеза, когда ему не было и сорока пяти лет.

Старшим в доме после смерти отца остался семнадцатилетний Валентин. Вся тяжесть работы по хозяйству легла на его плечи. Лечение Будихала обошлось очень дорого. Вдове его Тапханю, чтобы покрыть расходы, пришлось продать лошадь и двух коров. В довершение всего наступил голодный год. Травы не уродились. Во многих улусах начался массовый падеж скота. Особенно пострадали от него аларские и унгинские буряты.

Тапханю управляла домом и поддерживала в нем порядок, тратя много сил, чтобы накормить, одеть, обуть и вырастить младших сыновей. Она сама шила унты, ичиги, выделывала овечьи шкуры и мяла кожу.

Валентин стал теперь главой семьи. Он учился в иркутской гимназии. Особенно увлекался Валентин русским языком и литературой. Помню, приезжал он домой в гимназической форме, па нас — улусных ребят — это производило особенно сильное впечатление.

В гимназии Валентин много читал русских классиков. Любимыми его книгами были произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова. Другим увлечением Валентина был театр. В Иркутском драматическом театре тогда шли пьесы А. П. Чехова, Н. А. Островского и других выдающихся русских драматургов. От Валентина мы впервые услышали о Митрофанушке, Чичикове, Собакевиче, Хлестакове. Позднее, работая в Аларской школе, Валентин принимал участие в постановке таких пьес, как «Злоумышленник», «Бедность не порок» и др. В каникулы, с июля по октябрь, он занимался хозяйственными делами: косил сено, пахал, убирал урожай. Помогал ему брат Володя, который к этому времени уже заканчивал Аларскую двухклассную школу.

Я любил играть с младшими братьями Валентина Аюшей и Цыбеном. Мы отгоняли скотину с покоса, ловили бабочек, бегали по лужайке, лазали по заборам, забирались на крыши домов. Умаявшись, мы шли в дом к Вампиловым, где меня всегда ласково встречала Тапханю. В знак благодарности я присматривал за Аюшей, тогда он был совсем маленьким и ходил хвостом за мной, и Цыбеном, который был на два года моложе меня. Изредка с нами занимались Валентин и Володя; они показывали нам картинки из старых журналов и открытки.

Володя на четыре года был старше меня. Иногда он играл с нами в бабки и городки, но больше всего любил пугать нас. Володя показывал нам рисунки, на которых были изображены черти со страшными глазами, рогами и широко открытыми огнедышащими пастями. Кроме того, он рассказывал нам по вечерам страшные истории о шайтане, лешем, дьяволе, сатане, колдуне и бабе-яге, летающей на метле.

Однажды после одного из таких вечеров мне приснились черти, и я со страху упал с лавки, на которой спал. Я пожаловался на Володю матери. По-видимому, она рассказала об этом Валентину, который утром заходил к нам по каким-то делам. Когда на следующий день я играл с Цыбеном и Аюшей, к нам подошел Валентин и пообещал после обеда показать веселые картинки.

Я с трудом дождался конца обеда и пулей полетел к Валентину. Весь вечер мы слушали веселые сказки и смешные рассказы. Они захватили нас. От него впервые узнал я «Сказку о рыбаке и рыбке», «Конька-горбунка» и другие. Валентин был добродушным и зеселым человеком. Дети его очень любили. Он уделял нам много внимания, учил читать, пробуждал интерес ко всему происходящему вокруг. Он разительно отличался от других взрослых, которые зачастую приучали подростков пить водку и курить табак, считая себя «воспитателями» подрастающего поколения. Валентин же в свободное от работы время ходил с нами купаться на речку, играл в городки, лапту. Умел слушать наши незатейливые рассказы, сам рассказывал, охотно и обстоятельно отвечал на вопросы.

На плечи Валентина легли почти все хозяйственные заботы. Хозяйство было бедняцким. Хлеба сеяли немного. Собранного урожая едва хватало до следующего года. О продаже излишков и говорить было нечего.

Валентин становится сельским учителем. Он преподает русский язык и литературу в Аларской школе. Однако зарплата была слишком мала, чтобы разрешить проблему материального обеспечения семьи. В поисках выхода из материальных

затруднений Валентин занялся промысловой охотой на пушного зверя в тайге.

Однажды на совещании учителей Валентин познакомился с русской учительницей — Анастасией Прокопьевной Копыловой. Они поженились и поселились в старинном русском селе Кутулик Аларского хошуна Иркутской губернии.

В Кутулике Валентин много занимался вопросами истории культуры и просвещения местного края, в частности интересовался тем, как передовая русская культура через политических ссыльных проникла в Сибирь и Иркутский край. В личной библиотеке Валентина хранились произведения деятелей науки и культуры Сибири, сочинения декабристов, труды известного бурятского этнографа М. Н. Хангалова. Он собрал также интересный материал о политических ссыльных, которые сеяли семена революционных идей, давшие всходы на сибирской почве.

19 августа 1937 г. у Валентина и Анастасии родился четвертый ребенок — сын Александр. Мальчику не исполнилось еще и семи месяцев, как умер отец. Анастасия Прокопьевна осталась одна с тремя детьми (второй их сын, Володя, умер в возрасте десяти лет). Она много занималась с детьми, сумела привить им интерес к искусству, литературе. Все они хорошо окончили кутуликскую среднюю школу. Несмотря на все невзгоды — голод, холод и нищету, Анастасия Прокопьевна сумела поставить своих детей на ноги: Михаил стал геологом, Галина — педагогом, а Александр — известным писателем-драматургом.

Александр Вампилов как внешне, так и по характеру был очень похож на отца. Воспитанный, добрый, отзывчивый, он обладал удивительной памятью. Как и отец, Александр любил пошутить, уже в детстве он сочинял веселые стихи- и юмористические рассказы. По-видимому, ему передался в какой-то мере талант отца. Кроме того, следует отметить, что в кутуликской средней школе, когда там учился Александр, преподавали прекрасные учителя, такие, как А. П. Копылова, Ст. Иванов, Г. Бадиев и другие. В настоящее время среди ученых, деятелей культуры, просвещения и здравоохранения Иркутской области и Бурятии можно встретить немало питомцев кутуликской школы. Много книг Александр прочел в районной библиотеке Кутулика. Он интересовался бытом и культурой аларских бурят и русских — все это обогащало творческое воображение юного Александра.

После окончания средней школы Александр Вампилов поступил на литературный факультет Иркутского

государственного университета. Еще будучи студентом, он начал писать короткие юмористические рассказы. Когда Вампилов принес на читинский семинар творческой молодежи несколько юмористических рассказов, профессиональные литераторы сразу же обратили на них внимание. Уже тогда в этих рассказах очень сжато и ярко были раскрыты характеры, дан точный и образный диалог. Александр владел лаконичным и выразительным диалогом, прекрасно строил сюжет и — главное — проявлял самостоятельность и самобытность.

После окончания университета Александр учился в Центральной комсомольской школе, пять лет работал в иркутской областной газете «Советская молодежь». За это время он много бывал в командировках: в городах, на новостройках — Ангарстрое, Братской ГЭС, Усть-Илиме, в северных селениях. За пять лет корреспондентской деятельности он основательно изучил Иркутскую область, ее природу, экономику, историю, культуру, быт и нравы своих земляков-сибиряков.

Писал он тогда о многом: о быте, культуре, театре, фабриках и заводах, ударных стройках, электрификации железных дорог, о сельском хозяйстве.

В газете «Советская молодежь» в 60-е годы публиковались важнейшие партийные, комсомольские документы, а также очерки, рассказы и статьи па злобу дня. Это очень интересная и боевая газета иркутской молодежи.

Из многочисленных рассказов и очерков Александра Вампилова, опубликованных в «Советской молодежи», следует отметить такие зрелые и актуальные произведения, как «Зиминский анекдот» (№ 231 от 22 ноября 1962 г.) и «Станция Тайшет» (№ 146 от 25 июля 1962 г.).

В 1961 г. был напечатан сборник юмористических рассказов «Стечение обстоятельств», затем Александр увлекся драматургией, начал писать пьесы.

Заведующий кафедрой журналистики Иркутского государственного университета П. В. Забелин так рассказывает об этом периоде творчества Александра Вампилова:

«Однажды через несколько месяцев после публикации „Стечения обстоятельств“, встретив меня возле университета, Александр неожиданно заговорил о том, что ему хочется писать пьесы…

Мы прошлись с ним до угла улицы. Вампилов спешил в редакцию. „Пьесы писать, однако, труднее всего. Какая-то другая литература“. С этими словами он зашагал по улице своей валкой энергичной походкой. Это были трудные, но еще не самые трудные годы в его жизни, когда он писал свою пьесу „Прощание

в июне“.

Через несколько лет, в 1965 г., на читинском семинаре Александр Вампилов получил путевку в литературу как драматург. Вскоре он был принят в члены Союза писателей СССР…

Теперь остается вспомнить и осмыслить те редкие встречи.

Прежде всего портрет. Среднего роста, с юношески развернутыми плечами, быстрый в движениях. Смуглое, простоватое по чертам лицо, оживляемое открытым выражением карих глаз. Глаза и голова в пушкинском обрамлении кудрей останавливали внимание.

Он любил улыбаться. Губы его всегда были полуоткрытыми и чуточку поджимались, если собеседник, что называется, гнул не туда. Правду он говорил в глаза и с кем надо был очень деликатным. Несведущего человека мог поправить полунамеком.

Любя городскую жизнь, он, кажется, не любил городского лоска, костюмов, рубашки носил такие, чтобы без галстука, с открытым воротом…

О своей работе он почти никогда не говорил. Лишь однажды, осенью 1971 года, когда мы случайно столкнулись на садовой тропинке возле университета, он вскользь заговорил о том, что написанные быстро страницы приходится, как правило, выкидывать. „Трудно это дело идет“, — ответил он на мой вопрос, как пишется…»{11}.

Драматургией Вампилова заинтересовались Георгий Товстоногов и Олег Ефремов. Один за другим театры Москвы и Ленинграда, Риги и Красноярска стали ставить его «Старшего сына», «Прощание в июне», «Провинциальные анекдоты», «Прошлым летом в Чулимске».

А Александр продолжал ездить по стране. И в каждой его пьесе, в каждой реплике героев отражались раздумья, которые возникали от встреч с сотнями людей, чьи собирательные образы выносил он на театральные подмостки.

Герои произведений Вампилова — Колесов из «Прощания в июне», Шаманов из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» — привлекают своим стремлением быть выше житейских обстоятельств, жаждой бороться за право человека, активно, творчески влиять на все происходящие вокруг события.

Александр Вампилов трагически погиб в тридцать пять лет.

В конце лета 1972 г. Александр с другом выехал на Байкал. Отправились они из Иркутска 16 августа с ТеМ расчетом, чтобы уже на другой день утром наловить рыбы и 19 августа свежими омулями отметить день рождения Александра.

В Лиственничном Александр разжился моторной лодкой и

небольшими сетями. Начали готовиться к выходу на озеро с восходом солнца.

Ночью на Байкале был сильный шторм, бушевал он почти до утра, но, несмотря на это, Александр и его друг решили отправиться на рыбную ловлю.

Александр стал заводить моторку. Он был знаком с мотором и управлять лодкой умел.

Все это происходило как раз напротив Музея байкаловедения Лимнологического института.

Александр посадил друга в лодку и сам сел за руль. Отъехали от берега метров триста и пошли вдоль него. Вот-вот должна была показаться заветная бухточка, где Александр решил попытать счастья.

Вдруг лодка обо что-то ударилась и перевернулась вверх дном, выбросив в озеро несчастных рыбаков. Оказывается, она угодила носом в огромный лиственничный топляк, поднятый штормом со дна Байкала.

Александр не растерялся. Он велел товарищу, не умеющему плавать, держаться за опрокинутую лодку, а сам поплыл к берегу за помощью. Плавал он хорошо, но вода Байкала была ледяной, да и расстояние немалое.

С крыльца музея, стоявшего на возвышенности, люди увидели опрокинутую лодку и человека, плывущего к берегу. Сразу же на выручку бросились спасатели. «Пловца», дрейфующего с лодкой по Байкалу, спасли.

Александр упорно приближался к берегу. Он был уже совсем рядом, всего в нескольких метрах, как вдруг его слегка подбросило, и тут же пловец пошел ко дну. Его подняли, но уже мертвого{12}.

Друг Вампилова, Анатолий Андреевич Сопкинов, секретарь Нукутского РК КПСС, в своем воспоминании пишет: «Есть среди людей скромные и даже ничем не приметные, не кичливые, но очень способные, даже талантливые. Их жизнь словно молния озарит окружающих, заставит посмотреть на жизнь и на себя по-новому, лучше осмыслить ее, познать с другой стороны. Такой мне запомнилась жизнь А. В. Вампилова. Он многое знал и много дал людям».

В настоящее время в Иркутске, Черемхове и во всех районах Усть-Ордынского Бурятского национального округа ежегодно проводятся Вампиловские чтения. В поселке Кутулик, в помещении школы, где учился Александр Вампилов, а также при школе в улусе Аларь, где родился, жил и работал отец Александра, его деды и прадеды, открыты мемориальные музеи Александра Вампилова.

В няньках

Как-то в один из погожих летних дней мы с матерью поехали в улус Отор в гости к ее старшей сестре Агруне Болсоевой.

Путь был долгим. Мы ехали до Отора по хорошо накатанной лесной дороге через Аларь, Кукунур, Готол и мелкие русские селения. Наконец к вечеру показался Отор с его добротно поставленными домами. Усадьба Болсоева находилась на окраине. В центре ее стояла изба с плоской крышей, а рядом с ней старая, крытая полупрогнившей корой юрта.

Хозяйка, двое сыновей и дочь собрались в юрте. Было темно, грязно и душно. Мебели почти никакой, лишь старая деревянная кровать, стол да две скамейки. На земляном полу стояла зыбка-качалка, которую в ту пору можно было видеть в каждой бурятской семье, где лежал ребенок, завернутый в овчину и крепко перевязанный поперек тонким ремнем.

Болсоевы встретили нас радушно, угостили чаем. Сестры разговорились о житье-бытье. Тетя Агруня жаловалась матери на свою тяжелую жизнь, на то, что ей с трудом приходится сводить концы с концами.

Через некоторое время домой вернулся дядя, а поздно вечером мы сели ужинать. Я быстро поел и убежал с двоюродными братьями спать в юрту.

На другой день мать с тетей куда-то ушли, и мы с двоюродным братом Петей остались нянчить ребенка. Молонтай, так звали малыша, проснувшись, сразу же начал плакать. Петя взял тонко нарезанное курдючное сало и засунул малышу в рот. Молонтай успокоился и стал энергично сосать его.

Когда я рассказал об этом случае родителям, они пришли в ужас. Однако Молонтай, несмотря на это, вырос здоровым и крепким. Он здравствует и поныне, работает в Аларском совхозе.

Позднее пришлось и мне выступить в роли няньки. У меня появилась младшая сестра — Дулгар. Как-то родители чуть свет пошли косить траву. Я остался присматривать за сестренкой. Она лежала в такой же зыбке, как и Молонтай.

Сестра была беспокойной и очень крикливой, не чета Молонтаю, которому знай только подсовывай сальце. Дулгар выводила меня из себя. Чтобы развлечь ее, я стучал поварешкой по дну сковородки и колотил по печной заслонке. Но что бы я ни делал, она не унималась и продолжала кричать во все горло. Тогда я налил из самовара воды в рожок и сунул ей в рот, но она и не думала его брать. Я выбежал в сени, где на полке стоял открытый горшок с курдючным бараньим салом не первой

свежести. Оно было густо облеплено крупными темно-зелеными мухами. Отогнав их, я вынул из горшка сало, немного почистив его ножом, отрезал тоненький кусочек и сунул сестренке в рот. Она сразу же умолкла и начала сосать.

Через некоторое время я услышал на улице голоса. Это возвращались родители. Я мигом вытащил сало изо рта девочки и забросил его за печь.

Войдя в избу, мать удивилась, увидев ребенка плачущим: ведь, подходя к дому, она не слышала крика. Легли спать поздно. Я моментально заснул.

Разбудил меня какой-то шум. Родители были на ногах; у сестренки от сильной рвоты начались судороги. Все перепугались, особенно я, поскольку чувствовал себя виновником несчастья. Рано утром привезли фельдшерицу, которая определила, что малышка отравилась. Глотая слезы, я рассказал все. Фельдшерица сразу же сделала девочке промывание желудка, и через три дня Дулгар начала поправляться. Отец отругал меня, а мать отстегала ремнем. На этом дело и кончилось.

Позднее в нашей семье появился еще один мальчик, которого назвали Бадма. Его тоже качали в бурятской зыбке.

Сейчас в улусах Бурятии уже не найти зыбки-качалки. Она стала этнографической редкостью.

В годы моего детства детей воспитывали по старинке. Подростки были предоставлены самим себе. Мальчишек прежде всего обучали борьбе. Кто-либо из взрослых собирал их где-нибудь на поляне вблизи юрт и выстраивал по росту. Сюда же подходили все свободные от работы жители улуса. Начиналась борьба подростков. Играли в такую игру: один из участников сидит на табуретке и держит возле правого уха подушку, второй наносит по ней удар кулаком. Если противника не удавалось свалить, то приходилось занимать его место.

Мать запретила мне участвовать в кулачных боях, разрешив заниматься только борьбой. А отец предостерегал меня от водки, советуя не пить, даже если будут уговаривать родственники. Такое предупреждение отца было вполне разумным, если учесть, что в нашем улусе некоторые старики, да и старухи приучали мальчишек с трех-четырех лет пить молочную водку и курить.

В школу

Осенью родители не пустили меня в школу: не во что было одеться, а они не хотели, чтобы я ходил оборванцем. Мне же было обидно, что дочь соседа Мархандаева, Дарья, уже училась, а я нет.

Я частенько забегал к Дарье, чтобы посмотреть на школьные принадлежности. Особенно нравился мне букварь. Я с большим интересом перелистывал его страницы. Очень хотелось иметь и такую книжку, и тетради, и карандаши, и ручку. Огорченный, возвращался я домой и умолял мать, чтобы она поскорее отвела меня в школу.

Наконец долгожданный день наступил. Школа наша находилась в двух верстах от дома — приземистое, одноэтажное, выкрашенное в светло-зеленый цвет здание. Школа произвела на меня большое впечатление: длинный коридор, два вместительных класса и еще одна комната поменьше, учительская, куда мы и вошли с отцом. Я крепко держался за его руку, боялся отстать. К нам навстречу поднялся директор Даниил Владимирович Манзанов — высокого роста, чуть полноватый, с добрыми глазами.

Директор посмотрел на меня и спросил:

— Хочешь учиться?

— Да, — ответил я.

— А сколько тебе лет?

— Восемь.

Тут директор быстро сказал:

— Сколько у тебя пальцев на левой руке?

— Пять.

— А на правой?

— Пять.

— А если взять их вместе? — Он сложил ладони.

— Десять.

Даниил Владимирович улыбнулся. Так меня приняли в школу.

Нас, новичков, директор познакомил с учительницей Галиной Павловной Колесниковой. Начался урок, затем прозвенел звонок на большую перемену. Я выскочил из класса в коридор, стал спиной к подоконнику и наблюдал за тем, как мимо меня проносились мальчишки. Тут Колька Баданов с ходу толкнул меня в грудь и закричал:

— Эй, смотрите, кто здесь стоит! Пузатый Нихо! Тоже учиться захотел!

Я слегка оттолкнул его, но он полез на меня с кулаками.

Тогда я решил проучить Кольку, размахнулся и… в тот же миг позади меня со звоном разлетелось стекло. Сразу же в коридоре наступила тишина. Колька замер и очумело завертел головой.

Из двери учительской вышли директор с учительницей. Все ученики мигом расступились и замерли. У разбитого окна остались только Колька и я. Директор сказал:

— Ну что же, начали вы учиться довольно активно…. Так кто же разбил стекло?

Я сразу во всем признался. Даниил Владимирович сказал:

— Придешь домой и скажешь отцу, что разбил стекло. И завтра же принеси пятнадцать копеек на новое. Понятно? Утром, перед началом занятий, отдашь эти деньги Галине Павловне. Ну вот, пожалуй, и все. А сейчас ступай в класс.

Придя домой, я чистосердечно рассказал обо всем отцу. Он только тяжело вздохнул и сказал матери:

— Дай ему деньги, пусть отнесет учительнице.

После этой истории я больше никогда не бил стекол.

В школьные годы мне много приходилось помогать родителям по дому. С мая по сентябрь я работал с отцом в поле на сенокосе. Иногда он посылал меня на работу к богатым бороновать или возить копны.

Охотники

Отец учил меня охотиться, хотя сам ничего с охоты не приносил. В наших лесах водилось много зайцев, тетеревов, не говоря уже о лисицах и козах. На узкой горловине, соединявшей реку Голуметь с озером Орхол, мы с отцом ставили бредень. Попадались небольшие окуни и щуки; в удачливые дни мы ловили до двух ведер рыбы.

Ружье у нас было старое, шомпольное. Оно заряжалось с дула: порох и дробь вместо специальных охотничьих пыжей забивали скомканной газетной бумагой, не в пример нашим богатым соседям, которые имели ружья центрального боя, заряжавшиеся патронами. За весеннюю охоту они добывали по пятидесяти и более гусей и уток. Иногда и мне перепадало от них, когда по вечерам я сопровождал охотников к ближайшим озерам на зори. Я подбирал убитую дичь, догонял подранков и добивал их палкой. Я так пристрастился к охоте, что готов был пропадать на ней дни и ночи.

Охотники в Алари были разные. Аюша, Будда, Намсарай стреляли по чиркам, куликам, турпанам. Я их недолюбливал и старался держаться подальше. Но жили-то они по соседству, ружья у них были хорошие, особенно у Намсарая; иногда они брали меня с собой. Другое дело такие опытные охотники, как Сагадор Ильин, Базыр Бугланов, Валентин Вампилов, Константин Баторов. Эти по пролетной птице зря не били и каждым выстрелом сбивали гуся или утку. Они не признавали засидок, считая, что с них стреляют только плохие охотники, и предпочитали «скрадывать» дичь из-за лошади. Выезжали они на охоту только на утреннюю и вечернюю зори. Мы же носились по степным озеркам целыми днями, но в основном без толку. Только зря пугали птиц и доводили себя до изнеможения. Я предпочитал бродить по тем местам, где уже побывали хорошие охотники, искать подранков.

Однажды вечером зашел я к Ильину, который только что вернулся с охоты с большими трофеями. Его племянник Даши раскидал на крыльце добытую дичь, а я помог занести ее в чулан.

Сагадор Ильин был очень высокого роста, обладал недюжинной силой. В улусе никто не отваживался с ним ссориться. Он мог побороть любого противника. Жена его Сыбык была хороша собой, но детей у них не было. Поэтому Сагадор приютил у себя племянника Даши с его отцом — своим старшим братом.

Полюбовавшись на битую дичь, я помчался домой. В избе

сидели дядя Вася и Бата Мархандаев, наш сосед, тоже охотник.

— Бата! — стал просить я его. — Дайте мне, пожалуйста, ваше ружье. Хочу сбегать на Орхол, может быть, там подобью гуся.

— А стрелять-то ты умеешь?

— Конечно, умею.

Тут, как всегда, меня выручил дядя.

— Бата, дай ты ему ружье да расскажи, как из него стрелять.

Бата сжалился. Сняв со стены нашу шомполку, спросил:

— А ну, Базыр, где на твоем ружье мушка?

Я показал.

— А прорезь?

Я опять показал.

— Как будешь целиться в гуся?

— В спину.

— Нет, так не пойдет, промажешь… Вот как надо!

Тут Бата показал мне, как надо прицеливаться, рассказал, как выбирать место для стрельбы и подбирать подбитую добычу.

Дядя Вася предложил сейчас же сходить к Бате за ружьем. Я был на седьмом небе от счастья и думал только о том, как бы поскорее взять ружье и отправиться на охоту.

У Баты было одноствольное ружье двенадцатого калибра, курковое, заряжалось оно медным патроном. Как заряжать ружье, я освоил быстро, но надо было еще научиться стрелять прицельно.

Наконец наступил долгожданный момент. Сердце у меня колотилось, забыв про еду и про все на свете, я пулей понесся к озеру. Отдышался, примостился в камышах и замер. Над озером парили ястребы-тетеревятники, и один из них, пролетев надо мной, начал кружить над камышами. В это время до моего слуха донесся шум и хлопанье крыльев.

Вижу, на маленькую прогалину между камышами переваливаясь вышел гусь. Его распластанное левое крыло волочилось, задевая камыши. Он неожиданно остановился. Я буквально прирос к месту, впервые увидев живого дикого гуся так близко. Потом взял себя в руки, прицелился и выстрелил. Это была моя первая охотничья удача.

Подобрав гуся, я вернулся на старое место. Посмотрел на другой берег озера и сразу же заметил, как какая-то крупная птица подплывает к камышам. Я не спеша скинул ичиги, перешел на другой берег и с подветренной стороны подполз к гусю на верный выстрел, примерно на расстояние десяти-двенадцати сажен. Раздался выстрел, и гусь, перевернувшись вверх лапками, застыл на месте.

Я бросил ружье и кинулся в воду. Подобрав птицу, вылез на берег и, быстро надев ичиги, с двумя гусями помчался домой. Не помню, как добрался до своей избы, так велико было желание поскорее показать добычу. К моей радости, дома я застал всех: отца, мать, малышей, дядю Васю и Бату.

На меня эта охота произвела большое впечатление, а самое главное — Бата стал доверять мне ружье.

Но вскоре ему пришлось в этом раскаяться. Как-то, захватив с собой ружье, я снова побежал на болото, притаился в камышах и стал высматривать дичь. Скоро заметил, что в мою сторону летит стая гусей. Когда они пролетали надо мной, я выстрелил. Один из гусей камнем упал на лужайку. Я бросился искать его. Бродил больше часа, пока не заметил наконец между кочками гусиное перо, которое чуть-чуть шевелилось. Подошел вплотную к еще живой птице и сначала хотел добить ее выстрелом, но передумал: ведь у меня оставался всего один патрон. Тогда я повернул ружье стволом к себе и ударил ее прикладом.

Гусь был мертв, но и казенная часть ружья оказалась разбита. В ужасе я опустился на землю, кое-как выправил ружье и поплелся в улус.

Вечером того же дня, забрав у меня ружье, Бата отправился поохотиться. Но ружье не стреляло, и Бата ни с чем вернулся домой. По дороге он зашел к своему родственнику — кузнецу. Осмотрев ружье, кузнец спросил, не давал ли его кому-нибудь Бата, и добавил, что оно неисправно: боек не доходит до патрона. Бата, конечно, понял, кто всему виновник, и мои охотничьи «подвиги» на этом пока закончились.

Охота, однако, настолько увлекла меня, что я продолжал и в дальнейшем использовать каждую возможность походить по лесу с ружьем. Особенно запомнилась мне охота с дедом Барданаем.

Как-то раз мы выехали с ним в тайгу. Ехали верхом, по пути переночевали в родном улусе моей матери — Елотуе. С рассветом переправились через реку Белую, местами почти совсем обмелевшую: вода доходила до брюха лошади. Весной же, во время дождей, Белая даже выходит из берегов, и для многих охотников переправа через нее окончилась плачевно.

Мы с дедом благополучно перебрались через реку и оказались на самом краю саянской тайги. Стояла страшная жара: июль — самый лучший сезон для охоты на изюбра.

Я оказался в тайге впервые и восторженно глазел по сторонам. К этому времени у меня уже было хорошее ружье — бельгийский дробовой пятизарядный «браунинг». Его уступил нам Валентин Вампилов.

Прибыв на место охоты, мы решили заночевать в добротном

шалаше — здесь всегда останавливались охотники. Внутри шалаша было прибрано, пахло свежей травой. В центре находился очаг, по краям расставлены топчаны. Возле них, на стенах, — железные костыли для вешалок. Стульями служили толстые чурки, врытые в землю. Массивный стол покоился на трех столбах. Справа и слева от входа в шалаш были отрыты погребки с крышками. В таком шалаше чувствуешь себя как дома.

Лошадей расседлали, пустили пастись. Дед Барданай принялся хлопотать в шалаше. Он просверлил дырку в стенке шалаша, что выходила в сторону поляны, где паслись лошади. В дырку дед просунул заряженное ружье, объяснив мне, что делает это на случай, если появится медведь.

Ночь прошла спокойно. Утром дел напоил лошадей и привязал к коновязи. После завтрака мы двинулись к месту, где была зарыта соль для приманки изюбра.

Шли долго, минут сорок, по тропе, которая вела между сопок, вдоль горных ручейков, через заросли малинника и боярышника. Перебрались вброд через два-три ручейка, и перед нами открылась небольшая поляна, окруженная с двух сторон оврагами, поросшими густыми зарослями камыша и кустарника. С третьей стороны возвышалась скала, у подножия которой я увидел деревянный сруб, крытый берестой.

Показав на него, дед сказал:

— Вот здесь будешь ночью караулить зверя.

Мы обошли кругом засидку и заглянули внутрь. Здесь было устроено удобное сиденье — кругляш, отпиленный от толстой сосны. На уровне плеч — бойница — небольшое квадратное отверстие. Отсюда отлично был виден бугорок, где зарыта приманка — соль в мешочке.

Возвращались мы той же тропой. Дед по пути оставлял на деревьях зарубки. Их получилось около пятидесяти. Сделал это он для того, чтобы я не сбился с тропы, добираясь до засады.

Наловили рыбы в реке, не торопясь позавтракали. Весь день дед занимал меня охотничьими рассказами. Небылиц он знал предостаточно: Барданаю шел семьдесят второй год.

Пристроившись на топчане, дед начал свою очередную байку. Но тут на самом интересном месте заржал Гнедко. Я выскочил из шалаша и привязал лошадь к коновязи. Пока я бегал, дед уже забыл про рассказ и занялся осмотром моего ружья, проверил патроны. Ружье ему понравилось.

— Из него, — авторитетно заявил дед, — по зверю можно сделать пять выстрелов. Такое ружье следует заряжать так: первый патрон — трехрядной картечью, второй — двухрядной, третий, четвертый и пятый — жаканами.

Барданай замолчал. Но мне уж очень хотелось дослушать его рассказ, и я не отставал от деда, пока тот не уступил:

— В канун рождества охотники решили погонять косуль в тайге, вдоль реки Белой. На первом же загоне я уложил двух косуль. Соседи ранили трех, но их косули скрылись в тайге. Стали собираться домой. Тут я на радостях так расхвастался, что поставил ружье между колен вверх дулом и, не заметив этого, полез в карман за трубкой. В этот момент ружье неожиданно выстрелило. С криком «Убили» я упал. Рука оказалась вся в крови. Пришлось мне праздновать рождество на больничной койке. Через месяц рана уже зажила как на собаке, но я так и остался на всю жизнь сухоруким.

Другой случай произошел с дедом в тайге на солонцах. Напарником у него был охотник, готовый слушать его байки часами. И дед сам увлекся так, что за разговором не заметил, как зашло солнце, а когда спохватился, на дворе было уже темно. А надо было еще верст пять с гаком добираться до засады.

Дед решил бежать коротким путем, через заросли малинника. В темноте чуть было не сбил с ног медвежонка, который, зарычав, забрался под куст. И тут на его пути встала огромная медведица. Дед замер, а медведица так двинула его лапой, что Барданай полетел кубарем в кусты, выронив ружье. Медведица кинулась на деда, но тот не растерялся: успел зажечь сразу несколько спичек. Это спасло его от верной гибели: медведица испугалась и скрылась в лесу вместе с медвежатами.

Дед, придя в себя, разыскал ружье, благо оно валялось неподалеку, и острастки ради выстрелил два раза в сторону убежавшей медведицы.

Долго потом Барданай проклинал медведицу за любовь к малине, а себя — за болтливость. Щека, распоротая медвежьими когтями, не заживала более двух месяцев.

Вообще-то Барданай был не трусливого десятка. Отличался он и громовым голосом — один мог перекричать целую компанию охотников, хотя ростом не вышел и казался неказистым.

Охотничал он с малолетства, прекрасно знал тайгу, повадки хищных и пушных зверей и любил рассказывать об этом. Надо признать, что и рассказчиком он был отменным. И на этот раз дед так заговорил меня, что пришлось уже в сумерках бежать до засады с тяжелым ружьем и овчинным тулупом. Я все же успел до темноты добраться до сруба и расположиться в засидке. Закрепил ружье в бойнице, уложил тулуп у ног, а патронташ пристроил на коленях. Так, не шелохнувшись, просидел я до рассвета, но к засидке никто не подошел. Под утро меня стал одолевать сон, и я задремал, а проснувшись, увидел трех изумительных по красоте

косуль, которые, опустившись на колени, лизали соленую землю.

Косули подошли так близко, что я мог бы одним выстрелом уложить их всех, но дед предупреждал меня, что с засады по косулям стрелять не положено: пропадет приманка. Наказ деда был для меня законом, и я только полюбовался косулями. Они ходили у засидки до самого восхода солнца, а потом гуськом углубились в заросли боярышника. Изюбра я так и не дождался.

Утром несолоно хлебавши, испытывая двойное чувство — удовлетворение от того, что не убил этих прекрасных животных, и досаду, что упустил богатую добычу, — пошел в шалаш. Оттуда вкусно пахло вареным мясом. Дед вышел мне навстречу, как-то странно поглядывая и пощипывая при этом свою козлиную бородку.

— Ну что, заявился, главный охотник? Как дела?

Я рассказал деду, что косули до утра лизали соль, а я тихо наблюдал за ними. Дед успокоил меня. Если на приманку вышли косули, значит, завтра надо ждать главную добычу — изюбра.

Я спросил деда, где он добыл свежего мяса.

— Да вот, из засады подстрелил косулю.

Я удивленно посмотрел на него.

— Но ведь ты еще вчера вечером строго наказал мне не стрелять косулю из засады!

Дед, замявшись, ответил, что его засада слишком близка от шалаша и поэтому «недобычлива». Другое дело — моя, расположенная на перекрестке звериных троп.

Поведение деда показалось мне странным, но я не стал допытываться, а лишь с ехидцей поддел его, заявив, что во всем следую его наставлениям.

Дед понял это по-своему и дал очередной совет:

— В засаде не курить и не кашлять. Стрелять только в изюбра с большими ветвистыми рогами, но не в медведя и не в косуль. Изюбру целиться в левый бок, под лопатку, и не горячиться. При стрельбе курок спускать мягко, без рывка. Тогда все будет отлично.

Мы пообедали и устроились на отдых в шалаше. Дед опять принялся развлекать меня охотничьими байками и рассказами о своих похождениях в молодости. Со смехом поведал он о том, как ухаживал сразу за тремя девушками и всем обещал жениться. Невесты, узнав о его проделках, чуть было не утопили Барданая в реке. Дело было летом, река обмелела — только это и спасло неудачливого ухажера.

Вечером я опять чуть было не опоздал на засаду. Наступили сумерки. Я отправился в путь, навьючив на себя снаряжение. К вечеру жара не спала, в тайге было очень душно, и я хлебнул

ледяной воды из родника.

В засаде поудобнее устроился на тулупе и замер… Кругом темно, ни зги не видать, тихо… Решил часок-другой соснуть, но комары и мошкара так одолели, что не дали и глаз сомкнуть. Вдруг невдалеке раздался треск, послышался топот, как будто кто-то проехал верхом на лошади вокруг засады. Я насторожился, взял ружье на изготовку. Уже рассвело, и все было прекрасно видно. Из-за бугра выросло какое-то ветвистое деревце. Оно поднималось все выше. Меня охватило волнение… Наконец показалась величавая голова сказочного красавца изюбра. В этот миг я закашлялся от холодной воды, которой напился перед тем, как отправиться в засаду. Что есть силы попробовал сдержаться, но все же не утерпел и… кашлянул. Этого было достаточно, чтобы изюбр мгновенно скрылся из глаз.

С досады я чуть не заплакал. А ведь мечтал, что если добуду изюбра, то панты продам и на эти деньги одену всю семью и запасу еды на целый год. Мечты, мечты… Я тогда так расстроился, что разворотил всю засидку и пошел к шалашу, не разбирая дороги.

По дороге немного успокоился, присел на бревно и… заснул: все-таки не спал две ночи подряд. Вдруг сквозь сон слышу: «Фу! Фу! Фу!» Открываю глаза, оглядываюсь… Рядом со мной стоит огромный медведь. Весь облезлый, лохматый, страшный.

Я с криком вскочил с бревна, почему-то подбросив вверх тулуп, висевший *у* меня через плечо. Гляжу… и медведь бросился от меня в сторону. Испугался, видимо, не меньше. С перепугу я выстрелил три раза в сторону медведя, но руки дрожали, и я, конечно, в него не попал.

Перезарядив ружье жаканами, я быстро пошел к шалашу. Думы были невеселые: видно, повезло мне только в том, что не крепко заснул на бревне, иначе достался бы на обед мишке. И хорошо не ранил его, ведь раненый зверь очень опасен — сразу же нападает.

Выехали мы с дедом из тайги с пустыми руками, понурые и грустные. Охота не удалась. Деду крепко досталось от его сына Бадмы за то, что он сам не пошел на дальнюю засаду, а послал туда мальчишку, который из-под носа упустил изюбра.

С тех пор в тайгу я никогда не беру ружье, а предпочитаю охотиться с фотоаппаратом.

Впрочем, умение стрелять мне впоследствии очень пригодилось.

Ссыльные поселенцы

Наша семья продолжала расти. Всего с родителями нас было десять душ. Малышам я уже казался взрослым, командовал ими как хотел. Они меня слушались и никогда не жаловались родителям.

Мы выделывали кожу, а на сезон я нанимался к соседям коноводом и бороновщиком.

Как-то утром мы всей семьей собрались пить чай. Малыши заняли свои места за самодельным, грубо сколоченным столом, на котором стоял большой самовар. В это время раздался странный треск, стол с самоваром скрылся в облаках пыли. Малыши, сгрудившись за печкой, завизжали от страха. Когда пыль над столом рассеялась, мы увидели, что часть потолка обвалилась.

Вечером к нам пришел дядя Василий с дальними родственниками матери и приятелями отца. Среди них — Михаил Кобзев и Иннокентий Хрусталев. Оба они отбывали ссылку в Алари примерно с 1910 г. Это были мастера на все руки, промышляли они тем, что рыли по улусам колодцы — работа, требовавшая большого навыка: надо было знать место, где рыть колодец, чтобы вода в нем была ключевая, а не солончаковая, непригодная для питья. Этим секретом они владели в совершенстве. Хорошо делали они и колодезные срубы. В общем, работа у них была трудная, но доходная, так как в Алари рытьем колодцев никто, кроме них, не занимался.

И тот и другой были людьми общительными, умели находить с бурятами общий язык и ненавидели богачей. В нашей семье они были частыми гостями, за что местное начальство косилось на отца с матерью.

Гости осмотрели дом снаружи, потолок, пол и пришли к выводу: жить в таком доме опасно. Решили обратиться к соседу, продававшему дом. Сосед согласился продать дом по сходной цене. Все присутствующие тут же собрали половину суммы. (Потом нам, конечно, пришлось долго выплачивать долг.)

Покончив с этим делом, гости не ушли и надолго засиделись за столом. Пошли разговоры о царе, о тяжелой жизни бедняка-бурята, о войне.

— А что, если я скажу волостному старшине, что буряты войны не хотят? — заявил дядя Вася.

— Тебя и не спросят, — ответил Кобзев. — Ты, Николай, да и другие буряты — все вы царские слуги. Не можете одолеть даже Оболова! (Оболов был старшиной волости). Он в бараний рог вас

согнет. У нас с тобой, Вася, еще кишка тонка.

Тут мой дядя вскочил из-за стола и заявил, что он-то не боится никого и убьет Оболова.

Усмехнувшись, Кобзев сказал:

— Свято место пусто не бывает. Убьешь, вместо него найдется много оболовых. Нужно оторвать голову самому царю!

За столом стало тихо. Отец пробормотал:

— Хорошо, что здесь все свои, а то сидеть бы нам всем завтра в волостной кутузке.

Василий недоуменно посмотрел на Кобзева и спросил:

— Как это… оторвать?

— А очень просто — свергнуть с трона! Все теперь к тому и идет. Наш «царь-батюшка» всю Россию уже успел разорить.

— Выходит, Николашке осталось хозяйничать недолго.

Гости стали расходиться по домам. И тут родители вспомнили, что за печкой лежит соседка Варвара, жена богача Бухи. Она за чем-то пришла к матери, но внезапно почувствовала себя плохо, и мать уложила ее на кровать.

Мать проводила соседку до дому и несколько дней обхаживала ее, упрашивая не говорить никому, особенно мужу, о том, что слышала.

Как-то утром, когда все мы были дома, в нашу избу забежал батрак Бухи — Бажей Лопоров. Поздоровавшись с отцом, он сел без приглашения на табурет у двери и стал внимательно осматривать углы избы. Затем устремил взгляд на брешь в потолке, наспех заделанную дранкой.

— Николай Петрович, — обратился он к отцу, — хорошо, что никого из вас не придавило бревном. Ведь изба-то ваша еще прадедовская. Говорят, ее строили кержаки. Брали бревна одинакового размера для стен, пола и потолка. Если попадешь под такое, прищемит, как мышонка, а там и поминай как звали. Жаль, вы не позвали меня тогда. Я бы тоже смог помочь — И добавил: — А я о вас кое-что слышал.

— Что такое? — испуганно спросила мать.

Но тут отец сделал матери знак, и она ушла хлопотать по хозяйству. Вскоре был накрыт стол. Все сели, предварительно удалив из избы малышей.

За столом Бажей стал более разговорчивым: выразил нам сочувствие, одобрил поступок наших гостей, которые помогли по сходной цене купить дом. И потом уже рассказал о том, что Варвара все же передала Бу-хе разговор с ссыльными. Мои родители изменились в лице. Бажей, заметив это, успокоил их:

— Да вы не бойтесь, разговоры такие ходят уже давно… Да и сам Оболов о них знает.

Бажей рассказал о том, как он останавливался в Зимовье, небольшой деревушке, где живут одни русские. И вот там Бажей услышал, что у царя плохи дела.

Возвращаясь домой в Аларь с попутчиком, Бажей, не долго думая, рассказал ему о тяжелой жизни аларских бурят, о притеснениях, которые те терпят от богатеев. Незнакомец оказался углекопом. Около десяти лет работал он на Черемховских угольных копях. За выступления против царя сидел в Александровском централе. Он спросил Бажея, не слышал ли тот о большевиках в Алари. Вот тут-то батрак и рассказал ему о ссыльном Кобзеве и его разговорах. Попутчик поинтересовался, можно ли увидеть Кобзева.

— В улусе Бурково, — ответил Бажей. — Примерно в двенадцати верстах отсюда. Там он с Хрусталевым копает колодец.

Когда пришло время расставаться, углекоп посоветовал Бажею держать язык за зубами, когда говоришь с незнакомым человеком. Бажей обиделся и ответил, что если бы ничего не понимал в людях, то не рассказал бы ему о Кобзеве.

Прощаясь с нами, Бажей сказал, что виделся с Кобзевым и передал ему свой разговор с углекопом.

Я слушал разинув рот. Да и мои родители, затаив дыхание, ловили каждое слово Бажея. Ведь впервые за их долгую жизнь сюда, в Аларь, за тысячи верст от столицы, стали проникать слухи о революционных событиях, начавшихся в России; впервые узнавали они о людях, которые не боялись открыто высказываться о несправедливости того государственного строя, который, как внушали тогда бурятам, был вечным.

Мне шел тринадцатый год, но я еще не подозревал, что детство мое в Алари уже кончилось.

Первая империалистическая

Война приходит в Аларь

Вспыхнувшая в 1914 г. первая империалистическая война тяжким бременем легла на плечи трудящихся России, в том числе и на «инородцев», на которых с 1 января 1915 г. уже было распространено «положение о военном налоге». Конфискация скота, одежды, отправка на тыловые работы — все это сказалось и на населении Восточной Сибири.

По определению В. И. Ленина, «война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»{13}.

Весть о войне дошла до Алари в начале августа 1914 г., когда в русских и бурятских селениях кончали сенокос и готовились к уборке урожая.

Наша семья в это время, как всегда, жила в летнике. Здесь мы, подростки, весело проводили время: играли в городки, бабки и лапту, ловили мальков на речке, ходили в лес за ягодами. Вечерами на берегу реки устраивали посиделки, где собиралось все население летников. Здесь было всегда весело: пели песни, до самозабвения танцевали *ехор*. А мы, мальчишки, до одури носились наперегонки по лужайке.

Известие о войне сразу оборвало наше веселье. Его принесли в Аларь крестьянки из Голумети. Страшное слово «война», словно топор, рубило все пополам. Мирные дни оставались где-то позади, впереди нас ждали только тревоги и страдания.

Крестьяне рассказали, что объявлена мобилизация. К ним подходили женщины с заплаканными глазами, молча слушали и также молча возвращались в свои юрты.

В первые военные годы в жизни Алари мало что изменилось. Только потянулись через Аларь в Черемхово на мобилизационные пункты беговые дрожки, брички, телеги с солдатами для «царя-батюшки». Бурят пока не трогали. Их стали брать в армию на третий год войны, да и то на тыловые работы.

«Несколько тысяч бурят Иркутской губернии, по преимуществу бедняков, еще в 1916 г. было реквизировано в прифронтовые районы. Царизм рассчитывал этой даровой рабочей силой как-то покрыть огромные расходы, затрачиваемые на войну.

Но мобилизация, как было сказано в царском указе

„реквизиция“, инородцев обернулась иными последствиями: передвижения огромной массы людей по железной дороге через всю Сибирь и Россию, общение с фронтовиками раскрыли людям глаза на происходящие события. Буряты увидели, какие непоправимые бедствия принесла народу всей России первая империалистическая война и какие тягостные испытания их ждут в будущем»[14].

Царские чиновники шныряли по улусам, собирая деньги, забирая для военных нужд лошадей, овчины якобы для отправки на фронт мобилизованным бурятам.

Экономическая разруха по всей Российской империи, вызванная войной, отрицательно сказалась на хозяйстве бурят, особенно от этого страдали бедняки и середняки, так как реквизиция тягловой силы подорвала сельское хозяйство. В русских селениях и бурятских улусах не хватало рабочих рук. Трудоспособные мужчины ушли на фронт или на работы в прифронтовую полосу. Началась спекуляция хлебом. Торговцы и лавочники прятали излишки товаров, а потом втридорога продавали их крестьянам.

По указу царского правительства мобилизации подлежали лица, родившиеся в 1885–1897 гг., в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года. Сыновья нойонов и кулаков под теми или иными предлогами уклонялись от мобилизации: одни давали взятки военным чинам или врачам, другие нанимали вместо себя батраков и бедняков.

На следующий день после проводов мобилизованных у нас в избе собрались дядя Василий, Иванов, Кобзев, Хрусталев и Коровкин. Начались обычные разговоры, а потом все попросили ссыльного Иванова рассказать о войне. Мы с мамой и малышами устроились за печкой на кровати: за столом сесть было негде. Об Иванове мы уже раньше знали от дяди, что он хороший рассказчик и интересный человек. В тот вечер мы услышали о положении на фронтах, о том, что русская армия терпит поражение за поражением, народ разоряется и кое-где уже начинаются выступления против войны. Ведь наживаются на войне богатые, а остальным она несет только смерть и несчастье.

Наступил 1916 год, а война все продолжалась. И конца-краю ей не было.

Отца взяли на заметку в волости как злостного неплательщика военного налога. Пригрозили, что если в ближайшее время он не заплатит, то его отправят с очередной партией мобилизованных на фронт — рыть окопы. Лишился он и временной работы на почте, где какое-то время развозил по улусам корреспонденцию и посылки.

Чтобы уплатить налог, отец и мать решили было продать поросенка, телку и сдать в аренду пашню и покосные угодья, оставив себе лишь лошадь и корову. Больше денег неоткуда было взять. А как прокормить малышей? Мы и раньше считались бедняками, а в тот год неделями сидели на хлебе и воде. А зима была лютая! Улус. Бурухтан, где мы тогда жили, до самых крыш завалило снегом. От Алари, стоявшей на тракте Черемхово — Голуметь, до нас можно было добраться только пешком: санную дорогу всю замело. Мы надеялись, что утонувший в снегу улус, куда даже соседи давно не заглядывали, будет обойден суровым начальством в лице станового пристава и урядника, поэтому радовались метелям и заносам.

Окна в нашей полуразвалившейся хатенке занесло так, что свет едва просачивался в комнату. Мы с двумя младшими братишками все вечера просиживали на печи, развлекаясь как могли. Родителям было не до нас.

В один из таких вечеров дверь неожиданно распахнулась и за клубами холодного воздуха показались двое мужчин в овчинных тулупах. Это были Михаил Кобзев и Иннокентий Хрусталев.

Они разделись и сели на скамейку возле стола. Тут же подошел и Василий.

Отец пожаловался на жизнь, стал было рассказывать, как гоняется за ним урядник Порфирий, требуя уплаты военного налога, но скоро умолк. И Кобзев и Хрусталев и без того хорошо знали о нашем положении: дома было пусто, голодно, да и порой холодновато — окна заткнуты всяким хламом, с крыши половину дранок снесло бураном. Дня через два, поздно вечером, когда все мы уже улеглись спать, раздался громкий стук в дверь и два голоса, на русском и бурятском языках, потребовали немедленно ее открыть.

От шума и криков мы тоже проснулись и высунули головы из овчин, как галчата из гнезда. Дверь между тем ходила ходуном. Видя, что медлить больше нельзя, мама откинула крючок. В облаке пара, как джинн в сказке, появился наш урядник Порфирий. Вид у него был грозный: на левом боку — сабля, на правом — наган. Его сопровождал десятский Елосой.

Порфирий не торопясь устроился на табуретке и положил ногу на ногу. Тут следует сказать несколько слов о самом уряднике.

Порфирия все знали на много верст вокруг. Родом он был из Голумети и, как местный житель, знал всю подноготную крестьян окрестных улусов — как русских, так и бурят. Любил выпить на дармовщину. От стариков в улусе я еще раньше слыхал, что в отличие от других полицейских Порфирий не гнушался гостить у

«братских» — так называли бурят русские чиновники. Он всегда знал заранее, где намечаются свадьбы, какие предстоят праздники и когда кто из крещеных местных жителей справляет именины, и являлся одним из первых.

В то время Порфирию было лет сорок. На вид это был человек неуклюжий и неповоротливый, но обладал недюжинной силой. Маленькая рыжая бороденка торчала у него клином вверх, а узкие глаза из-под насупленных бровей всегда глядели сердито. Мы, ребятишки, его страшно боялись.

Урядник так поздно появился в нашем доме все из-за того же — военного налога. А кроме того, он хотел припугнуть отца, чтобы он не принимал в доме политических ссыльных.

Сидя на табуретке, большой и важный, как китайский божок, Порфирий не торопясь выговаривал отцу, перечисляя все его прегрешения. Десятский Елосой, наш дальний родственник, стоял рядом.

Наконец Порфирий закурил папиросу и заявил отцу, что тот арестован и должен сейчас же следовать за ними. Отец был простужен, чувствовал себя плохо, но Елосой начал торопить его, понимая, что, если урядник задержится, добром это не кончится.

Отец быстро оделся, накинув на себя первое, что попалось под руку, и вышел во лвор. Урядник и Елосой сели на лошадей, а отцу, у которого лошади не было, пришлось идти за ними пешком в Аларь шесть верст по бездорожью.

Не успели мы прийти в себя, как вернулся отец. Он только переночевал в каталажке, а на рассвете его уже отпустили. Помог тут, конечно, Елосой. Он зазвал урядника в гости. Тот охотно согласился, зная, что жена Елосоя Арина хорошо готовит.

Елосой жил вдвоем с женой. Детей у них не было. В еде они себе не отказывали. Любили принимать гостей и сами ходить в гости. Урядника основательно напоили н добились от него согласия отпустить Нихо домой.

Возвращение с фронта

Покров Бадлаев жил бедно. Сам он часто болел, и хозяйством занимались две его сестры — Донгор и Марина, очень энергичные девушки. Покров жил в улусе Зудэй, недалеко от реки Голуметь, в семи верстах от Алари. Мы, мальчишки, часто бегали купаться на Голуметь мимо его дома. По этой же дороге ездили все наши соседи и родственники. Одни купаться, другие охотиться в протоках Голумети и на озерах Орхол, которые лежали за рекой, у подножия Голуметской горы.

Ходили сюда охотиться и племянники Бадлаева — Валентин и Владимир Вампиловы. С вечера они оставались ночевать у дяди, чтобы выйти на зорю с утра пораньше.

Покров, несмотря на бедность, был человеком гостеприимным.

Изба Бадлаева стояла на пригорке. Выглядела она лучше нашей кособокой: три окна — с фасада, два — с левой стороны, одно — с правой. Небольшой двор был огорожен пряслами. За избой виднелся маленький амбар, дальше — сарай. Напротив избы стояла юрта. Из скотины Бадлаевы имели лошадь, корову с теленком да двух овец. Покосные угодья и пашни были небольшие, так как из всей семьи в живых остался один мужчина, а сестрам земли не полагалось. А между тем и Донгор и Марина были прекрасными работницами; во время уборки и молотьбы они работали по найму и зарабатывали больше, чем иные мужчины.

Сам Бадлаев часто болел: тяжелая работа была ему не под силу. Человек спокойный и уравновешенный, Покров имел много друзей среди русских и бурят. Правда, любил он малость прихвастнуть, что богат и имеет влиятельных родственников. Одни поддакивали ему, зная эту его слабость, другие искренне верили рассказам Покрова.

Вскоре, однако, Бадлаева, не считаясь с его слабым здоровьем и «влиятельными родственниками», мобилизовали на тыловые работы. Уходил он, оставаясь, как всегда, спокойным и невозмутимым, — казалось, ничто не может вывести его из себя.

Вернулся Бадлаев в начале 1917 г. едва живой, на костылях.

Через какое-то время, когда Покров немного пришел в себя, в его доме собралось много народу.

В доме Бадлаева не было никаких перегородок. Вдоль стен стояли скамейки, несколько стульев, посередине — большая печь, а рядом с ней — длинный, грубо сколоченный стол.

Бадлаев лежал на широкой деревянной кровати в белом

солдатском белье. Рядом на табуретке — кисет и трубка.

Соседи Покрова устроились прямо на полу, а гости, пришедшие из других сел, расселись на скамейках и стульях. Сестры Бадлаева разнесли всем угощение, и, когда присутствующие выпили за здоровье Покрова, он хотя и не встал, но приподнялся на кровати. Лицо его оживилось, на минуту приобрело прежнее, всем знакомое добродушное выражение. Но улыбка быстро пропала, и Покров начал свой невеселый рассказ.

Две недели спустя после мобилизации он оказался на севере России, в Архангельском порту. Там его зачислили рядовым батальона лесорубов по заготовке древесины для Северо-Восточного фронта. Батальон этот (его скорее можно назвать дивизией) был сформирован из нескольких тысяч мобилизованных бурят и казаков. Покров поинтересовался у бурят, откуда они Родом. Большинство оказалось из Агинской, Хоринской, Селенгинской и других волостей. Русский язык все знали плохо.

В первое время батальон «инородцев» работал на острове Мудьюг в Белом море, в тридцати-сорока верстах от Архангельска. Это был опорный пункт России, закрывающий вход в Архангельский порт, правый фланг Северо-Западного фронта. На острове установили дальнобойные батареи, а со стороны моря, вдоль побережья, противнику преграждали путь минные заграждения. С моря Архангельск охраняли ледоколы «Микула Селянинович» и «Святогор».

Жили буряты в наспех построенных холодных бараках. Командир батальона, человек недалекий и злой по натуре, по всякому поводу и без повода пускал в ход кулаки, избивая бурят порой просто за незнание русского языка. Покров был назначен в своем подразделении переводчиком.

Через некоторое время «инородцев» отправили на лесозаготовки. После трехмесячной непосильной работы смертность в батальоне возросла, увеличилось и число больных. Тяжело заболел ревматизмом и Покров Бадлаев. Скоро он слег окончательно. В конце 1916 г. Бадлаев был отчислен из батальона и отправлен в распоряжение военного ведомства Иркутской губернии.

Покров добирался до Алари два месяца и прибыл домой только в начале 1917 г. Это был первый человек, вернувшийся с фронта. От остальных мобилизованных бурят пока не поступало никаких вестей.

После Февральской революции

Февральская революция пробудила сознание угнетенных народов царской России, и передовая их часть с первых дней революции встала на защиту ее завоеваний.

Чиновники Аларской волости в конце марта 1917 г. получили официальное уведомление о революционном перевороте в Петрограде. Тут же следом телеграф принес в волость весть об отречении царя Николая II от престола. В Аларь эту телеграмму доставили возчики, перевозящие грузы по Черемхово-Саянскому тракту. Тракт этот шел через Черемхово, Ныгду, Аларь, Голуметь, Яньгу и поселок Саяны — центр графитового рудника. Артели возчиков обеспечивали рудник всеми необходимыми материалами и продовольствием. Обратно из Саян руду везли до железнодорожной станции Черемхово, затем она доставлялась по железной дороге в промышленные центры Сибири и европейской части России.

Телеграф в Голумети не работал, почта вовремя не доставлялась, так как в Аларской долине бушевала пурга и все дороги были занесены снегом. Поэтому все питались тогда только слухами, причем самыми противоречивыми. Возчикам, однако, сразу поверили. В уезде все пришло в движение. В Черемхове и на шахтах возникали митинги, демонстрации, собрания.

В Алари, несмотря на пургу, на площади возле волостного управления, собралось много народу. На стихийном митинге одним из первых выступил школьный сторож Петр Усольцев. Своего дома многодетный Петр не имел, а из живности была у него лишь одна рыжая кобыла.

На другой день, помню, к нам пришла жена Усольцева Фекла и стала рассказывать моей матери:

— Боже мой! Послушайте, добрые люди, что там было. Мой Петр всегда молчал, молча замуж взял, молча любил и лупцевал, а тут вдруг заговорил. Может, тронулся или еще что с ним стряслось?

Однако положение в Алари после свержения Николая II не изменилось: в волости сидели прежние чиновники, война продолжалась, военный налог отменен не был. В Голуметскую и Аларскую волости одна за другой приходили похоронки.

Аларская знать стала опять набирать силу. Теперь она представляла здесь Временное правительство и возглавляла земскую управу.

В июле 1917 г. с тыловых работ вернулся Дамба Мархандаев — человек предприимчивый и сметливый, весельчак

и балагур. Дамба сам вызвался поехать на окопные работы вместо старшего брата. Он сумел избежать фронта и всю войну прослужил в тыловом госпитале. В товарном вагоне, куда его поместили, оказалось еще около сорока бурят. Ночью вагон простоял на станции, а утром в него вошли офицеры и два медика в военной форме. Офицер из военной комендатуры приказал всем грамотным подойти к нему. Дамба мигом оказался рядом и на хорошем русском языке отрекомендовался офицеру. Медики, стоявшие рядом с офицером, о чем-то переговорили и забрали Дамбу с собой.

Так Дамба Мархандаев стал санитаром-ездовым при начальнике госпиталя.

На десятые сутки эшелон прибыл в Омск. Дамба вместе с госпиталем остался в городе, но через месяц госпиталь перевели в Ярославль. Там Дамба распоряжался всей конюшней, которую обслуживали семь пожилых уральских казаков и два солдата-удмурта.

Вслед за Дамбой в Алари стали появляться и другие бывшие солдаты, как демобилизованные, так и дезертиры. Последним пришлось, однако, скрываться в глухих селениях в тайге, так как на территории Иркутской губернии, в том числе и в Западной Бурятии, начали действовать военно-полевые суды правительства Керенского.

С Северо-Западного фронта дезертировал Герасим Гаврилов, друг моего дяди, тоже батрак. Родители Герасима жили очень бедно, и, когда началась война, он пошел на фронт вместо сына мельника из улуса Иреть. Это дало ему возможность поддержать родителей.

Герасим год пробыл на фронте, а затем дезертировал. В сентябре 1917 г. он поздно вечером заявился к нам и рассказал о своих похождениях.

На какой-то маленькой железнодорожной станции Герасим заметил в тупике длинный воинский эшелон из товарных и санитарных вагонов. Неожиданно из одного товарного вагона его окликнул солдат на костыле:

— Ты не из иркутских бурят будешь?

Герасим, заикаясь от волнения, ответил:

— Да, из улуса Зоны… Недалеко от станции Кутулик.

Солдат с трудом вылез из вагона и бросился обнимать Герасима. Оказалось, что он родом из Залари и в Зоне ему приходилось бывать часто.

Герасим без утайки рассказал солдату о своем дезертирстве. Тот обратился к начальнику эшелона, тоже земляку, и Герасима устроили в теплушке санитарного эшелона. Земляк приказал

даже выдать ему старое обмундирование, а сестре милосердия — зачислить в команду выздоравливающих и принять на довольствие.

Эшелон медленно двигался по Сибирской железной дороге. На самых маленьких станциях простаивали часами. Так проходили дни. За это время Герасим стал в эшелоне своим человеком. Через три недели эшелон прибыл в родные места, на станцию Залари.

Здесь начальник эшелона вызвал Герасима к себе, вручил справку о том, что после лечения в госпитале он отпущен в отпуск до особого распоряжения.

Перед рассветом на станции Кутулик Герасим сошел с поезда и бодро зашагал по дороге. Через несколько часов он дошел до окраины шахтерского поселка Головинское, а к вечеру увидел родной улус. Чтобы избежать нежелательных встреч, Герасим вышел к улусу со стороны леса. Дома его с радостью встретили родители.

Вот так и удалось Герасиму Гаврилову благополучно вернуться домой с фронта. Ему не пришлось скрываться в лесах, так как в Бурятии назревали такие события, что местному начальству стало просто не до дезертиров.

В огне гражданской войны

Аларские большевики

Наступило лето 1918 г. В улусе творилось что-то невообразимое. В летнике можно было увидеть много незнакомых людей, а также местных жителей, только что прибывших с фронта.

Дядя Василий работал в го время конюхом в аларском медпункте, заведующим которого стал недавно демобилизованный фельдшер Антон Осипович Назаров, очень добродушный и сердечный человек, уважаемый всеми аларскими бурятами.

Антона Назарова я впервые увидел возле земской управы. Он тогда еще ходил в военной форме и выглядел как заправский офицер. Как-то дядя Вася остался ночевать у нас. Я притворился спящим и услышал, как он рассказывал отцу и матери о Назарове.

Антон Осипович родился в улусе Ныгды, окончил Иркутскую военно-фельдшерскую школу перед войной и в 1914 г. был призван в действующую армию. Госпитальное начальство относилось к нему благожелательно, не зная, что во время учебы Назаров посещал нелегальный кружок и изучал революционную литературу.

Василий возил Назарова по улусам, несколько раз ездил с ним в Черемхово, в аптекоуправление, за лекарствами. Как-то перед отъездом дядя забежал к нам. Матери не было. Тогда он попросил меня передать ей, что вместе с фельдшером поедет в Черемхово и завтра к вечеру вернется в Аларь.

Под вечер я сидел на крыльце с младшим братом. Тут ко мне подошел Евгений Манзанов, наш земляк, сын директора школы. За ним стоял его товарищ, постарше, и молча наблюдал за отцом, вышедшим из юрты на незнакомые голоса.

Евгений спросил, когда вернется фельдшер. Отец ничего не сказал. Тогда я вмешался в разговор, заявив, что Назаров с дядей вернутся из Черемхова завтра вечером. Товарищ Евгения представился отцу как Семен Николаев из улуса Ныгды и спросил, кем работает в Алари дядя. Я опять влез в разговор и объяснил, что дядя работает при медпункте конюхом и во всех поездках сопровождает Назарова. По-видимому, мой ответ удовлетворил Николаева, и вскоре они оба ушли, вежливо попрощавшись.

Евгений Манзанов был старше меня всего на три года, но выглядел уже вполне сформировавшимся юношей. В то время он руководил культурно-просветительным кружком, куда вовлекал аларскую молодежь. Семен Хабалович Николаев был

подпольщиком, одним из первых коммунистов в Западной Бурятии[15].

На другой день, под вечер, вернулись Назаров с дядей. Возле медпункта они встретились с Манзановым и Николаевым. Дядя завел лошадь во двор, стал ее распрягать. Назаров же с товарищами пошел к себе в кабинет.

Управившись с хозяйственными делами на медпункте, дядя на попутной лошади поехал в летник и сразу же пришел к нам в юрту. Он был чем-то сильно взволнован. Родителям он сказал, что для нас наступают черные дни. Меня тут же отправили на улицу «погулять». Я обиделся и выбежал из юрты.

Потом отец долго убеждал меня не обижаться на Василия, но обида не проходила. К тому же я стал замечать, что вскоре после ареста в Алари колчаковской милицией Кобзева отец и дядя вообще перестали при мне говорить об аларских делах.

Во всяком случае, на другой день после того обидного случая я встал рано, собираясь пойти с ребятами в лес.

Однако родители встали еще раньше. Во дворе уже была запряжена в арбу лошадь. Оказывается, они решили ехать в зимник. Мне этого очень не хотелось, тем более что обычно мы жили в летнике до начала сенокоса.

Ехали до зимника долго. Лошадь хромала, арба скрипела несмазанными колесами. Проехали через центр Алари. Здесь возле хошунной земской управы собралось много народу, некоторые были вооружены. Вообще, этот день в Алари был наполнен какой-то необъяснимой тревогой.

Наконец мы с отцом въехали во двор. Я распряг Рыжку, пустил пастись, подошел к отцу и молча сел рядом в надежде, что он объяснит мне, зачем мы вернулись. Отец долго молчал, но потом не выдержал и начал рассказывать. Оказывается, Василий привез из Черемхова плохие вести. Контрреволюционеры вместе с белочехами заняли на западе большую территорию и двинулись в Сибирь. Учреждения Советской власти начали эвакуацию из Иркутска на восток. Кобзева арестовали. Где наши остальные друзья-ссыльные, отец не знал и опасался, что белогвардейцы доберутся до него с Василием. Ведь аларские богачи и чиновники хорошо знали, с кем они были связаны. Дяде Василию вообще придется уехать, скорее всего в улус Отор, поближе к тайге.

— Никому не говори, — сказал мне отец, — что Семен Николаев и Женя Манзанов в Алари. Они — настоящие большевики. Недалеко то время, когда у нас установят Советскую власть. И ты станешь большевиком, когда подрастешь.

После этого разговора я не на шутку испугался, как бы отца и дядю не арестовали. По ночам мне стали сниться кошмары, будто

бы за ними уже пришли.

Я хорошо знал наших аларских большевиков: Марию Сагадарову[16], Дажуп Доржиева[17], Евгения Манзанова[18], Михея Ербанова[19], Семена Николаева, Антона Назарова, Иннокентия Хабаева[20], В. Н. Чайванова[21] и других.

Особенную симпатию вызывал у меня Антон Осипович Назаров. Его улыбка, глаза — все говорило о доброте этого человека. В медпункте он приветливо встречал приходящих к нему людей и всячески старался помогать им. Он любил прогуливаться к реке Голуметь и охотно брал меня с собой. Во время таких прогулок я допекал его вопросами и, в свою очередь, рассказывал об улусных новостях. От него я узнал о декабрьских событиях 1917 г. в Иркутске.

Белогвардейцы подняли тогда мятеж против Советской власти. Юнкера штурмом брали штаб большевиков «Белый дом»[22], здание бывшей резиденции иркутского генерал-губернатора. Здесь забаррикадировалась группа большевиков, руководителей Иркутского губкома партии, в состав которого входили: П. Постышев, Я. Янсон, Я. Шумяцкий, Н. Гаврилов, А. Ширямов и другие.

Большевики держались десять суток, но силы оказались неравными. Марии Сахьяновой удалось вывести П. Постышева из здания под видом медсестры. М. Сахьянова со своей подругой О. Иогансон сумели спасти и других защитников «Белого дома».

Г борьбе с юнкерами в Иркутске большую роль сыграл добровольческий Тихвинский красногвардейский отряд под командованием И. А. Каландарашвили[23], впоследствии одного из выдающихся деятелей партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. В течение девяти дней его отряд вел жестокие уличные бои. При помощи красногвардейцев, прибывших из Черемхова и Красноярска, отряд Каландарашвили ликвидировал эсеро-меньшевистское контрреволюционное восстание.

Далее последовали трагические для Сибири события: в июльские дни 1918 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж белочехов. 12 июля был сдан Иркутск, 20 августа — Верхнеудинск и Чита. Иркутские большевики ушли в подполье.

* * *

Летом 1918 г. возвращавшиеся с фронта и поднявшие мятеж против Советской власти белочехи внезапно захватили Казань, в

их руки попала большая часть золотого запаса России на сумму 600 миллионов рублей, который они вывезли в Западную Сибирь, в Омск, ставший в то время оплотом контрреволюционных сил. В Омске была создана «Директория» как символ «всероссийской» власти. Но власть «Директории» оказалась недолговечной. 18 ноября 1918 г. в Омске с ведома и при поддержке представителей Антанты произошел переворот, приведший к власти Колчака. На русское золото Колчак стал закупать за границей, главным образом в Англии, Японии и Америке, оружие и военное снаряжение. За короткий срок им было израсходовано одиннадцать с лишним тысяч пудов золота на сумму свыше 200 миллионов рублей.

Приведем выдержки из докладной записки колчаковского министерства финансов:

«Уже в минувшем июне (т. е. в июне 1919 г. — *Б. В.)* явилась необходимость отделить около 12 тыс. пудов из хранящегося в Омске золотого запаса и направить его во Владивосток в целях уплаты по иностранным обязательствам, сроки которых приближались. Несмотря на строжайшую экономию, за истекшие три месяца пришлось продать свыше 3 тыс. пудов и заключить займы в Токио и Лондоне, с которыми пока связано расходование еще 2 с половиной тыс. пудов. Далее предвидится, в случае успешного заключения дополнительной части этих двух операций, дальнейшее расходование 5 тыс. пудов желтого металла. Уже совершенные операции были использованы главным образом на уплаты по закупке патронов, винтовок, предметов снабжения, упряжи, медикаментов и других предметов врачебного ухода в Японии и Америке, на закупку сахара, а также на оказание помощи генералу Юденичу. Предстоящие же необходимы для наступающих платежей по приобретению ружей, обмундирования и другого военного снаряжения у американского правительства, патронов и винтовок от фирмы „Ремингтон“, пулеметов „Кольт“ и так далее. К этому следует добавить ряд текущих расходов по содержанию за границей дипломатических, военных, торговых и других представителей, а также телеграфные и другие расходы»[{24}].

Так обстояло дело с военной помощью интервентов Колчаку. Значение ее было велико: без иностранных войск в Сибири и больших партий иностранного снаряжения сибирская контрреволюция не была бы такой грозной силой.

Под нажимом союзников, главным образом англичан, Деникин, Юденич, Миллер один за другим признали Колчака «верховным правителем» и верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами России.

* * *

В Алари председателем колчаковской земской управы стал кулак Иннокентий Гаврилович Салтыков. Среди купцов, золотопромышленников и чиновников Иркутска и Иркутской губернии Салтыков слыл состоятельным хозяином. В годы первой империалистической войны он выполнял для военного ведомства большие заказы. Доходы его возросли.

В 1917 г. Салтыков пристал к меньшевикам.

Он был высокого роста, толст, с бульдожьим лицом. Острый его взгляд сверкал из-под седеющих бровей. Подражая именитым русским купцам, он носил тройку из тонкого английского сукна. Салтыков имел хороших выездных лошадей, был большим любителем охоты. Став председателем управы, старался держать всех в страхе. Но его подводил голос, тоненький и писклявый. Салтыкова всегда сопровождал телохранитель — каратель из отряда Унгерна, человек недюжинной силы, высокий, сухопарый бурят. За поясом у него был револьвер, на боку — две гранаты, через плечо — японская винтовка. Он был откомандирован к Салтыкову из Черемхова в качестве связного.

Салтыков рьяно взялся за дело. Стараясь отличиться перед колчаковцами и карателями-белочехами, он добился разрешения на формирование отряда милиции при земской управе. Салтыков вызвал в управу всех кулаков и поручил им в течение десяти дней отрядить на службу в колчаковскую милицию тридцать-сорок молодых бурят. С трудом подручным Салтыкова, действовавшим с помощью кнута и пряника, удалось собрать около тридцати «добровольцев» и обманутых Салтыковым бедняков. «Не иначе как позарились на дармовой харч и обмундирование», — решил отец.

Подручный Салтыкова Григорий Балтырев был назначен командиром взвода, поэтому ему кроме винтовки с пятьюдесятью боевыми патронами выдали наган и две гранаты-лимонки. В его распоряжении оказалось двадцать хорошо вооруженных милиционеров.

Прапорщик Баланин обучил Балтырева азам Строевой подготовки, рассказал, как надо докладывать начальству. Когда Салтыков появился в отряде, Балтырев, красный как рак, пулей выскочил из строя и, приставив правую руку к голове — кепку он в горячке потерял, — залепетал что-то невразумительное под

смех всего отряда. Салтыков рявкнул:

— Отставить! Доложите еще раз, как положено командиру, — а затем объявил перерыв на час.

Прапорщик гонял Балтырева по двору целый час, пока с того не полил пот градом, как с загнанной лошади. Остальные милиционеры испуганно наблюдали за этой сценой. Только один Бадрянов, прислонившись к бричке, спокойно раскуривал трубку: всем этим премудростям он был обучен еще на фронте.

В конце концов Балтырев построил свою «армию», подал команду «смирно» и сказал:

— Вот так учитесь, как я, чтобы оправдать казенный харч и обмундирование.

Вслед за ним выступил прапорщик Баланин и, в свою очередь, объявил, что новоиспеченные милиционеры теперь верные слуги «верховного правителя» Колчака, они во всем должны подчиняться Салтыкову — главному его представителю в Аларской управе.

— Мы никому не позволим растоптать знамя Колчака, — кричал Баланин. — Наша задача — до первого снега собрать надежную милицейскую дружину, чтобы истребить всех большевиков в аларских улусах. Вот вы пришли к нам — это хорошо.

Потом выступил Салтыков. Он заявил, что в его распоряжении имеется много оружия. Теперь оно будет передано старшему милиционеру Балтыреву. В ближайшее время при руководимом им Комитете общественной безопасности из бурят Иркутской губернии будет организована воинская часть.

По приказу Салтыкова милиционеры во главе с Балтыревым начали производить повальные обыски в Алари и других улусах. Салтыков арестовал более двадцати бурят и русских, в том числе наших соседей, а затем решил под охраной колчаковской милиции отправить их в черемховскую тюрьму.

Однако Балтырев, сказавшись больным, отказался сопровождать арестованных. Григорий был человеком хитрым, но трусоватым, избегая ответственности, старался скрыться за чужой спиной. Когда Салтыков получил донесение из Голуметской волости о том, что в пятнадцати-двадцати верстах от Голумети, в таежном селении, формируется красный партизанский отряд братьев Уваровых, он решил направить туда свою «дружину». Однако Балтырев уговорил Салтыкова выступить дней через десять. За это время Григорий сумел оформить в милицию своего сына Даниила и даже назначить его старшим милиционером вместо себя.

В канун отъезда милиционеров на операцию к Салтыкову

подошел Даниил:

— Чему обязан, молодой человек? — спросил Салтыков.

— Прошу разрешить мне выехать в Голуметь во главе отряда.

— А где Балтырев?

— Отец болен, а я посильнее, да и похитрее его.

— Ну, валяй, я тебе верю, — сказал Салтыков.

В назначенный срок двадцать милиционеров во главе с Даниилом Балтыревым, вооруженные с головы до ног, собрались возле крыльца Аларской управы. Напротив здания управы выстроились вдоль черемховского шоссе в одну линию десять лошадей, запряженных, как на параде, в беговые кошевки, с возницами на облучках.

Провожать свое воинство вышли Салтыков и Григорий Балтырев.

По пути каратели грабили, убивали, насиловали, избивали крестьян за сочувствие партизанам. Однако в таежном поселке на берегу реки Белой карательный отряд был разгромлен Уваровыми, а Даниил убит.

Вскоре Салтыков по поручению штаба карателей из Черемхова отрядил во все улусы Западной Бурятии своих помощников ловить бурятских большевиков Ербанова и Маркизова.

Положение бедняков и середняков, не говоря уже о батраках, бурятских и русских деревень в 1918 г. еще более ухудшилось. С них не только тянули всякие налоги (монастырские, церковные и другие), но и различные поборы «на военные нужды». Их сыновей силой мобилизовали в колчаковские отряды и милицию; над теми, кто не подчинялся, устраивали самосуд.

В Алари и Ныгде колчаковцы убили двух бедняков. В это время там оказались демобилизованные фронтовики-буряты, люди не робкого десятка, в том числе Евгений Абашеев, молодой большевик. В отместку за самосуд они убили в улусе Киркей помощника Салтыкова, главаря Аларской колчаковской управы, который пытался мобилизовать местную молодежь в колчаковскую милицию.

В ту же ночь Салтыков на сорока пароконных телегах переправил из Черемхова в Аларь и Киркей два взвода белочешских карателей. Ранним утром каратели и аларские милиционеры, посланные Салтыковым для опознания местных большевиков, окружили улус. Абашееву удалось бежать. Вскоре друзья переправили его в таежную деревню Яньга к Иннокентию Верходубову, потомку политического ссыльного, члену черемховской подпольной группы большевиков.

Салтыков объявил мобилизацию в отряд, который назвал

громким именем «Отряд общественного спасения». В его задачу входило преследование скрывающихся в ближайших от Алари населенных пунктах, а также в тайге красногвардейцев.

Прибывший в это время из Иркутска молодой коммунист Евгений Манзанов и ныгдинский большевик Семен Николаев повели агитацию среди населения, призывая молодежь не подчиняться приказу о мобилизации.

Салтыков арестовал Манзанова и заключил в каталажку при земской управе. Семен Николаев успел скрыться в Ныгде. Слух об аресте Манзанова моментально распространился по округе; обстановка в Алари накалилась. В день, назначенный для сбора мобилизованных, к земской управе явилось более ста взбудораженных «новобранцев». Салтыков стоял в окружении двенадцати вооруженных милиционеров; на них напирала разъяренная толпа. Раздались выкрики:

— Немедленно освободите Манзанова! Отмените мобилизацию!

Сыпались угрозы в адрес самого Салтыкова. По его приказу милиция открыла стрельбу в воздух с целью напугать и разогнать толпу, но была смята и обезоружена. Салтыков успел в этом переполохе скрыться.

После расправы с милицией часть мобилизованных ринулась в каталажку, сбила замок и освободила Евгения. Остальные схватили подъехавшего в этот момент на лошади начальника милиции Терскова, разоружили его и затолкали в каталажку вместо Манзанова.

На другой день отец Евгения узнал о том, что Салтыков для расправы с «бунтовщиками» вызвал со станции Забитуй карательный отряд белочехов. Манзанову и Николаеву пришлось уехать из Алари.

В ожидании карателей Аларь замерла. Участники событий скрылись в соседних улусах; их семьи выехали в летники. Родители Манзанова, забрав детей, спешно ушли в улус Хандагай. Отряд белочехов, который прибыл через три дня, обнаружил в управе лишь сторожа. Тот, притворившись дурачком, показал, что в тот день он ничего не видел и не слышал, так как был пьян и спал в амбаре. Каратели отбыли ни с чем.

Милиция усилила карательные меры в Алари, однако возмущение населения было столь велико, что Салтыков стал ездить домой в Ныгду под охраной, возле своего дома поставил два пулемета и ввел круглосуточное дежурство милиции.

В конце 1918 г. началось наступление Красной Армии. Колчаковцы и белочехи отступали по всей Сибири. Салтыков с семьей и двумя охранниками на семи пароконных подводах через

Черемхово-Саянский тракт, Тункинский аймак направился в Монголию. Один его охранник, узнав, что Салтыков взял с собой все ценности, собрал своих друзей и ночью в Урге напал на него. Салтыков и вся его семья были убиты.

Конец адмирала Колчака

В конце апреля 1919 г. по указанию В. И. Ленина и по решению ЦК РКП (б) на Восточном фронте началось новое наступление Красной Армии.

В кровопролитных сражениях в Поволжье и на Урале Красная Армия сокрушила главные силы колчаковской армии и продолжала преследовать ее на просторах Сибири.

Особо отличилась в боях против колчаковщины 30-я стрелковая дивизия 3-й армии, в которую входили стрелковая бригада под командованием И. К. Грязнова и кавалерийский дивизион К- К- Рокоссовского…

Константин Константинович Рокоссовский принимал активное участие в разгроме колчаковской армии, начав свой боевой путь от небольшой реки Кильмез в Вятской губернии и дойдя до Иркутска.

Лето 1919 г. показало, что колчаковские дивизии больше не в состоянии не только наступать, но и сдерживать натиск Красной Армии. Сильные бои разгорелись уже под Омском, у села Вакоринского. Засевшие на господствующих высотах колчаковцы встретили здесь красноармейцев плотным ружейно-пулеметным огнем. К. Рокоссовский решил атаковать Вакоринское с фланга.

Один за другим эскадроны пошли в атаку. Белые, не ожидавшие столь мощного и стремительного удара, за несколько минут были выбиты со своих позиций. Однако на южной окраине села спешно развернулась вражеская батарея, прикрываемая ротой солдат. Во главе горстки храбрецов, выскочивших на конях из березняка, Рокоссовский понесся на батарею. Бой продолжался недолго: колчаковские солдаты побросали винтовки, два офицера, которые начали отстреливаться, были зарублены, и вся батарея попала в руки красных. Пленные артиллеристы, сагитированные К. Рокоссовским, повернули орудия и повели огонь против белоказаков. Надо отметить, что захваченная в этом бою бывшая колчаковская батарея прошла в составе 30-й дивизии весь путь до Иркутска.

Прорвав оборону белых на Ишиме, Красная Армия погнала колчаковцев дальше на восток, к Омску.

Разведка доложила, что в станице Караульной размешается штаб врага. Решено было послать в тыл врага кавалеристов Рокоссовского. Получив задание, Рокоссовский немедленно выступил с основными силами дивизиона. Через вражеские порядки прошли благодаря хорошим проводникам — пленным колчаковским солдатам. Конники тихо вошли в станицу, и уже

через несколько минут она была в их руках…

Еще через полчаса дивизион покидает станицу, конвоируя обезоруженных штабных офицеров. За ним тянутся двуколки и подводы с войсковым имуществом.

В этом бою К. Рокоссовский был ранен. Для лечения он вернулся в Ишим, а части его армии продолжали продвигаться на восток.

В ноябре — декабре 1919 г. красноармейцам, преследующим колчаковцев, пришлось пережить тяжелые испытания. Еще в октябре отступающие белые стали оставлять первых больных тифом, а в ноябре на дорогах и улицах городов и сел лежали уже сотни и тысячи трупов. Все покинутые колчаковцами города были заполнены тысячами тифозных больных. Похоронные команды не успевали хоронить умерших. Колчаковцы часто оставляли больных в брошенных составах, и бойцам Красной Армии, ко многому привыкшим за два года гражданской войны, становилось жутко, когда приходилось разгружать целые эшелоны замерзших тифозных больных.

Вошь оказалась страшным врагом. Через местное население и пленных тиф передавался красноармейцам. Их ряды буквально таяли. Тысячи красных бойцов и командиров лежали в тифозном бреду, многие умирали. Болели тифом почти все члены Реввоенсовета 5-й армии, в том числе ее командующий Г. Х. Эйхе. И все же наступление продолжалось.

Колчаковцы после поражения на Ишиме безостановочно катились к Омску. Попытки организовать его оборону ни к чему не привели. 10 ноября 1919 г. правительство Колчака бежало из Омска, а еще через четыре дня город был уже в руках красных. Но основная боевая мощь трех армий Колчака, прикрываясь сильными арьергардами, сумела оторваться от передовых частей Красной Армии и продолжала отходить.

Продвинувшись на восток еще на 40–50 километров, части 5-й армии, в состав которой была включена 30-я дивизия, после короткого отдыха возобновили преследование врага. С конца ноября единственная железнодорожная магистраль была до предела запружена эшелонами: эвакуировались белогвардейские военные и гражданские учреждения, удирали чиновники, офицеры, купцы и промышленники, впереди колчаковцев по этой же дороге, начиная от Новониколаевска, бежали от Красной Армии польские, румынские и чехословацкие легионеры. Все это воинство вскоре перемешалось, образовав одну огромную, растянувшуюся на сотни верст массу бегущих людей.

А на пятки отступающим колчаковцам, не давая им ни дня передышки, наступали полки 5-й армии. Сорок лет спустя,

вспоминая об этом походе, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский писал: «Я до сих пор не перестаю восхищаться мужеством воинов, которыми мне довелось командовать».

В начале декабря суровая сибирская зима полностью вступила в свои права. По обе стороны железной дороги и Сибирского тракта, по которым шло преследование врага, стояла глухая, непроходимая тайга; свернуть с дороги было невозможно: и люди и лошади тонули в глубоком снегу. Плохо одетые, нередко голодные, до предела усталые красноармейцы безостановочно преследовали врага.

Весь колчаковский обоз, насчитывавший около 10 тысяч подвод, застрял в тайге и достался красным. Чего только здесь не было! Артиллерийские орудия, пулеметы, винтовки, телефонно-телеграфное оборудование, продовольствие, личные вещи солдат и офицеров. Саперный батальон дивизии целые сутки убирал с дороги подводы; чтобы дать возможность продвинуться вперед нашим частям…

Под станцией Тайга красноармейские части 27-й и 30-й дивизий 5-й армии настигли интервентов, которые бежали впереди колчаковских войск.

Чехословацкие легионеры, за несколько месяцев до этого отведенные колчаковским командованием в тыл для охраны Сибирской магистрали, вели жестокую, но безуспешную борьбу с сибирскими партизанами, стремившимися перекрыть по ней движение. Вынужденные, в свою очередь, спасаться от Красной Армии, интервенты, по сути дела, захватили железную дорогу и не давали возможности колчаковским войскам воспользоваться ею.

Они спешили как можно быстрее уйти на восток с награбленным имуществом, всем тем, что могло уместиться в вагонах: мебелью, экипажами, станками, зеркалами, огромными запасами продовольствия, обмундирования, мануфактуры и т. п. Среди их бесконечных эшелонов затерялся и Колчак со своим поездом и Двумя составами, груженными золотым запасом России…

Основные силы 30-й дивизии были брошены в район станции Чернореченская. Подкрепленная артиллерией сводная армия, включавшая и дивизион Рокоссовского, двинулась к расположенной верстах в сорока станции Большой Кемчуг. Кавалеристы успешно справились со сложной задачей и после упорного боя захватили станцию, завершив тем самым окружение колчаковцев. Из двух армий около 10 тысяч белогвардейцев генерала Каппеля сумели вырваться из окружения.

В ночь на 7 января 1920 г. 5-я армия, приветствуемая

населением города, вступила в Красноярск. Здесь сдались в плен 60 тысяч колчаковцев. К востоку от Красноярска 264-й головной полк дивизии настиг интервентов. Дивизия польских легионеров и несколько чехословацких частей сложили оружие. Армия Колчака перестала существовать. Но и части 30-й дивизии понесли серьезные потери. После Красноярской операции они вынуждены были отойти на отдых и переформирование.

* * *

В первых числах января 1920 г. в Иркутске вспыхнуло народное восстание. Руководил им штаб рабоче-крестьянских дружин во главе с Василием Людвиговичем Букатым. В это время власть в Иркутске находилась в руках политцентра{25}, который был создан еще в ноябре 1919 г., во время совещания уполномоченных от земств и городов. На нем присутствовали и делегаты от так называемых «высоких комиссаров Антанты». В состав политцентра вошли представители Всесибирского комитета партии эсеров и Бюро сибирских организаций меньшевиков.

Став начальником штаба рабоче-крестьянских дружин, В. Л. Букатый прежде всего навел порядок в самом штабе, обеспечил его четкую работу. Мобилизационный отдел штаба формировал все новые и новые дружины. К этому времени в Знаменское, под Иркутском, прибыл рабочий батальон из Глазкова и подкрепление из Черемхова. Таким образом, для решительной схватки с врагом в Знаменском сосредоточился довольно большой вооруженный отряд восставших. К городу начали стягиваться и партизаны. Первым пришел отряд Н. А. Каландарашвили, который остановился в 23 километрах от города, в селе Хомутово. К иркутским повстанцам примкнули и интернациональные части.

Начальник Иркутского гарнизона колчаковский генерал Сычев, поняв, что его дело проиграно, вступил в переговоры с политцентром. Между ними начался торг. Политцентровцы не хотели победы большевиков. Сычев же, воспользовавшись переговорами, бежал из Иркутска на восток, к атаману Семенову.

Но всем колчаковцам бежать не удалось. 5 января 1920 г. рабочие дружины и восставшие солдаты вступили в город. Были разоружены два военных училища, три сотни Иркутского казачьего полка, военно-инструкторская школа, унтер-

офицерские роты и различные команды. 1<.олчаковских министров Червен-Водали (иностранных дел), Шумиловского (труда), Ларионова (путей сообщения), Степаненко (помощника министра путей сообщения), Грицианова (товарища министра внутренних дел), Краснова (государственного контролера) и других арестовали.

Так в Иркутске пала колчаковщина.

«С взятием города, — писал В. Л. Букатый, — перед партийной организацией встали три серьезные задачи. Первая — отстоять город от остатков колчаковской армии, которые с запада двигались на восток. Это были отборные офицерские и унтер-офицерские части. Вторая задача — отстоять золотой запас, и третья — захватить Колчака, бывшего верховного правителя»[26].

Итак, в середине января 1920 г. над Иркутском, освобожденным от колчаковцев, нависла новая опасность. Разгромленные под Красноярском остатки колчаковской армии подступали к городу. Здесь имелись большие запасы одежды, хлеба, боеприпасов. Овладеть городом хотя бы на день, чтобы одеться, обогреться, было заветной мечтой белогвардейцев. Ведь дальше, за Байкалом, сотни верст пути, голод и холод. И армия генерала Каппеля, возглавляемая Войцеховским, двинулась на Иркутск. Ее отделяла от города со стороны железнодорожной станции только бурная, еще не замерзшая река Ангара.

Из-за Байкала каждый день можно было ожидать также есаула Семенова или японских оккупантов. 5-я армия была далеко. Положение в Иркутске осложнялось.

Политцентр, призванный оборонять Иркутск, никаких мер для этого не предпринимал. Его эсеро-меньшевистское руководство надеялось наконец осуществить свои контрреволюционные планы: договориться с каппелевцами и включить их в состав своей так называемой «народной армии». Возникла прямая угроза захвата Иркутска каппелевцами.

Хотя власть политцентра была номинальной, так как трудящиеся массы губернии шли за большевиками, за спиной эсеро-меньшевистского политцентра стояли силы интервентов. Иркутский комитет РКП (б) дал указание Центральному штабу рабоче-крестьянских дружин держать в боевой готовности рабочие отряды, усилить работу среди солдат «народной армии» политцентра, установить связь с партизанскими отрядами.

В. Л. Букатый выполнил все указания губкома партии. В партизанский отряд И. А. Каландарашвили он послал члена штаба А. Л. Сонскарева; были установлены связи и с другими партизанскими отрядами. Рабочие дружины пополнялись новыми бойцами. Во всех частях «народной армии» политцентра были

созданы партячейки. Солдаты этой «армии» все чаще выражали недовольство порядками, которые мало чем отличались от колчаковских. Поэтому политцентр с каждым днем терял свои силы. Однако исход борьбы между большевиками и политцентром был еще далеко не ясен.

Большевикам стало понятно, что оставить власть в руках политцентра равносильно сдаче города врагу. Они образовали революционный комитет во главе с ветераном большевистской партии А. А. Ширямовым. Политцентру было предъявлено требование передать власть ревкому. Эсерам и меньшевикам, не получившим поддержки народа, пришлось подчиниться. 21 января 1920 г. в Иркутске была восстановлена Советская власть.

Вот в такой сложной обстановке иркутским большевикам пришлось организовывать защиту города от нашествия каппелевцев. На первый план выдвигалась задача по созданию армии. Необходимо было реорганизовать рабочие дружины, партизанские отряды и солдатские полки в регулярные части по образцу Красной Армии.

Приказ № 1 от 22 января 1920 г. гласил о создании Восточносибирской армии. В приказе № 2 от 23 января ее командующим был назначен член партии большевиков с 1917 г., прославленный командующий партизанской армией Северо-Восточного фронта Даниил Евдокимович Зверев, помощником командующего армией — активный участник боев с колчаковцами на Ушаковском фронте Александр Герасимович Нестеров.

Василии Людвигович Букатый стал комиссаром Восточносибирской армии. На него, опытного и стойкого коммуниста, и была возложена самая ответственная задача того времени — формирование, подготовка вооруженных сил ревкома и руководство ими в боях.

6 февраля каппелевцы перешли в наступление. После тридцати дней боев под деревнями Олонки и Усть-Куда остатки колчаковской армии были разбиты и бежали, бросая обозы с награбленным имуществом, больными и ранеными.

7 февраля 1920 г. на станции Зима белочехи подписали договор из 19 пунктов с Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-й армии, согласно которому они обязались прекратить военные действия и передать золотой запас. В соответствии с подписанным соглашением железнодорожный вокзал Иркутска и глазковское предместье объявлялись нейтральной зоной, из которой были выведены войска ревкома (за исключением караулов, охранявших военные объекты) и красноармейские дружины. Таким образом, белочехи способствовали созданию

бреши, в которую устремились разрозненные части каппелевцев. Их разведка 8 февраля 1920 г. появилась на левом берегу устья реки Иркут и попыталась перейти по льду па правый берег Ангары в Иркутск, но была встречена пулеметным огнем войск Иркутского ревкома. После этого каппелевцы больше не пытались прорваться в город. Они пересекли линию железной дороги в районе станции Иннокентьевская и около трех суток шли на лошадях по нейтральной полосе вдоль железной дороги, охраняемой воинскими частями.

* * *

1920 год. Суровая сибирская тайга, занесенная снегом, с редкими, разбросанными по ней на десятки верст друг от друга улусами и селами, словно застыла в напряженном ожидании. Повсюду распространялись слухи о разгроме колчаковской армии на Урале, о том, что Красная Армия заняла колчаковскую ставку — Омск. Вскоре подобные сообщения появились в колчаковских газетах, которые обращались «к братьям-мусульманам», «к братьям во Христе» с призывом оказывать сопротивление большевикам. По всему было видно, что они испытывают смертельный страх перед «красной опасностью» и те, кто поддерживал режим Колчака, предчувствуют его близкий конец.

Войска белочехов, с середины декабря 1919 г. расположившиеся вдоль Сибирской железной дороги, в частности на участке Тулун — Черемхово, «присмирели». Они прекратили даже всякую борьбу с партизанами в пределах занятой ими территории. Белочехи спешно распродавали лошадей и награбленное имущество, грузились в эшелоны, уходившие на восток.

Партизанские соединения все ближе подходили к железнодорожным станциям. Наладилась постоянная связь с подпольными комсомольскими ячейками на крупных станциях и в рабочих поселках, а через них — с подпольными чехословацкими ячейками, доставлявшими достоверные сведения о положении на фронте, необходимые партизанским отрядам.

5-й Зиминский кавалерийский партизанский отряд возглавлял Иван Михайлович Новокшонов, штаб которого находился в 20 километрах от станции Зима.

И. М. Новокшонов родился в селе Гусево Томской губернии в

семье безземельного крестьянина. С девяти лет он работал в лавке купца, затем батраком, грузчиком, пастухом. Молодой Новокшонов часто перегонял скот в Монголию.

Февральская революция застала Новокшонова в армии. Он пользовался большим авторитетом среди солдат, и они избрали его своим депутатом в полковой комитет. Белогвардейцы арестовали Ивана Михайловича и приговорили его к расстрелу, но ему удалось спастись, он спрыгнул до первого залпа в яму смертников. Добравшись до станции Зима, он организовал в ее районе партизанский отряд.

И. М. Новокшонов писал стихи. Одно стихотворение автобиографично:

Все мерили масштабами особыми:
Мечту, бои
И провожанье жен…
А умирали —
На бегу, над седлами,
До половины — шашку из ножен…

Все измеряли меркою гигантскою,
А по-другому нам бы и не смочь,
Когда молчали мы
Над ямой братскою…
И с громом мчал
Нас бронепоезд в ночь…

А как же нам иначе, если всюду
Такая ломка. Огонь кругом.
Я сам расстрелян был,
Да выполз чудом,
Сам гнался с конницей
За Колчаком.

Из лазарета, в походном ватнике,
И поцелуй,
И свой дневной паек,
Как целый мир, отломок от Галактики Дарю тебе,
Любимая, навек.

Хоть мы не боги, маги, звездочеты,
Весь мир мы видим,
Вламываясь в мглу.
А есть такие,

У кого всего — до черта,
Но мир у них
Размером с конуру[27].

Новокшонов получил сообщение, что Колчак не был захвачен войсками Красной Армии в Омске, а бежал на восток. Чешской подпольной комячейке, работавшей на станции Зима, было дано указание следить за ставкой Колчака и срочно сообщить о ее местонахождении.

Последние сведения о Колчаке были получены в конце декабря: Колчак прибыл в Красноярск в своем поезде.

Несколько дней спустя было получено сообщение от чеха-коммуниста Веселкова, работавшего в штабе белочешского кавалерийского полка, что к утру следующего дня в Зиму прибудет Колчак в чешском эшелоне «№ 58-БИС», в офицерском вагоне.

Новокшонов добился через белочешское командование телеграфной связи с Реввоенсоветом Иркутска и оповестил его о следовании Колчака с золотым запасом республики.

Сам Новокшонов в своем очерке «Вокруг ареста Колчака» пишет об этом так:

«Сообщение поставило нас в тупик… Арестовать Колчака не представлялось возможным. Для этого не было ни сил, ни средств. Имевшиеся налицо 150 человек были слишком слабо вооружены, У некоторых из них не было даже винтовок, а лишь берданки и охотничьи ружья.

Пулеметов же в отряде всего-навсего был один, да и тот находился с частью отряда, ушедшей под Нукут, а на станции Зима у белочехов, по сведениям, имевшимся в штабе отряда, стояли 4-й кавалерийский полк, три дивизиона артиллерии, один полк пехоты, два бронепоезда, не считая роты белых, несших охрану пакгаузов и станционных зданий.

Соотношение сил было неравное, и, когда мы, пробившись целый час над возможными предположениями и не приняв ни одного из них, увидели, что сделать что-либо не удастся, у всех как-то невольно опустились руки.

— Тогда хоть едем с нами в Зиму, — обратился ко мне Трифонов. — Может быть, там что-нибудь придумаем.

Я согласился и, назначив еще для поездки адъютанта, эскадронного командира Угроватова и ординарца Клещенко, приказал им подготовиться в дорогу.

На рассвете 13 января мы уже подъезжали к Зиме и, чтобы не

быть замеченными на переезде чешской охраной, свернули от села Ухтуя на деревню Чиркино и проселочной дорогой, через кладбище, выехали к станционным зданиям.

На квартире Трифонова, куда вскоре прибыли все большевики, члены политцентра, вновь началось совещание, а время между тем шло. Веселков вновь прислал со станции записку о том, что поезд „58-Б11С“ вышел со станции Тулун. Нужно было действовать. Мне пришла в голову мысль отправиться всем вместе к начальнику чешского гарнизона станции Зима полковнику Ваня и требовать от него выдачи Колчака.

— Так он тебе и выдаст, — засмеялся Добрый День[28]. — Он нас за сумасшедших сочтет, а пожалуй, еще и арестует.

— Попытка не пытка, — возразил я, — А что касается ареста, так без риска в таком деле нельзя.

Мое предложение встретило одобрение. Один только Добрый День говорил, что из этого ничего не выйдет.

В три часа я, Трофимов, Добрый День, Угроватов, Уразметов и Соседко вышли из квартиры Трифонова и направились к вагону начальника гарнизона, стоявшему в тупике около вокзала.

Наше появление на перроне вызвало среди публики переполох.

Я и мой адъютант Соседко были одеты в длинные бурятские шубы с нашитыми на груди широкими красными лентами, на которых было написано „Вся власть Советам“, на шапках были нашиты красные треугольники, не говоря уже об оружии, которым мы были увешаны, что называется, с головы до ног.

Люди в недоумении останавливались, не зная, что делать, а некоторые, собрав вещи, торопливо уходили с перрона, опасаясь, очевидно, вооруженного столкновения.

Миновав вокзал, мы подошли к служебному вагону, на дверях которого была прибита дощечка с надписью:

Начальник гарнизона, комендант станции Зима полковник Ваня.

На мой стук в дверь из вагона вышел чех и спросил:

— Что угодно?

— Доложите полковнику, что пришли делегаты от политцентра, — сказал Трифонов.

— Сейчас, — кивнул головой чех и скрылся в вагоне.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и трех минут, как тот же чех вышел на площадку и жестом пригласил следовать за ним.

В вагоне было полутемно. Горевшая на письменном столе лампа под зеленым абажуром бросала слабый свет на окружающие предметы, и поэтому, когда мы вошли, я с трудом разглядел стоявшего у стола человека.

— А где полковник? — обернулся Уразметов к сопровождавшему нас чеху.

— Я здесь, — на чистом русском языке проговорил стоявший в углу человек, входя в полосу света. — Чем могу быть полезным?

— Мы от политцентра, — обратился к нему Уразметов. — А это, — указал он на меня, — командующий Зимнинским фронтом красных войск Новокшонов.

— Слышал, — ответил чех, протягивая руку через стол, — Что угодно?

— Дело, видите ли, в следующем, — начал я. — Мой штаб получил сведения о том, что сегодня с поездом „58-БИС“ в офицерском вагоне едет Колчак. Я пришел к вам…

— А откуда у вас эти сведения? — перебил полковник.

— Это военная тайна, — ответил я. — Достаточно того, что мы знаем об этом и требуем от вас его выдачи.

— Этого я сделать не могу, — проговорил полковник, — потому что вам сообщили неправду.

— Нет, правду, — вмешался в разговор Добрый День. — У вас об этом есть телеграмма, и, кроме того, вы говорили об этом диспетчеру.

— Ах так! — криво усмехнулся полковник. — Что же… — и, помолчав с полминуты, вдруг резко добавил: — Выдать Колчака я не могу.

— Но почему? — опять задал я вопрос.

— Потому что он находится в распоряжении высшего союзного командования.

— Тогда мы возьмем его силой, — посмотрев на полковника, проговорил я и повернулся к двери, где стоял Соседко.

— Товарищ Соседко! Отдавайте приказ, чтобы все наши части продвинулись к линии и ждали моих распоряжений.

— Слушаю, товарищ командир, — не моргнув глазом ответил Соседко и вышел из вагона.

Добрый День, Уразметов и Трифонов переглянулись между собой, но промолчали.

— Как угодно, — ответил полковник по уходу Соседко и, подойдя к стоявшему на столе фоническому телефону, вызвал кого-то и стал говорить по-чешски.

„Уж не арестовать ли нас хочет“, — подумал я и, посмотрев па своих спутников, убедился по их тревожным взглядам, что и они думают о том же.

Полковник, окончив телефонный разговор и повернувшись к нам, спросил:

— Для чего вам Колчак?

— Как для чего, — удивился я. — Отправить его в Москву.

— Он следует в распоряжение высшего союзного командования, — повторил полковник, — и я обязан выполнить распоряжение последнего. А если хотите драться, то я готов.

В это время по первому пути, пыхтя и отдуваясь, прошел поезд.

— Это пятьдесят восьмой? — спросил я, кивая в сторону проходившего мимо окон поезда.

— Да, — подтвердил полковник.

— Тогда я требую, — обратился я снова к нему, — чтобы вы разрешили мне занять провода для переговоров с союзным командованием.

— Сейчас, — ответил полковник и, поговорив опять с кем-то по телефону, кивнул в знак согласия головой, написал несколько слов на клочке бумаги и передал его мне.

— Идите, говорите.

Я взял записку и, не попрощавшись, вышел вместе со своими товарищами из вагона.

По предъявлении записки дежурному по станции чеху меня сразу же привели на телеграф.

Задержавшись у двери, я подозвал к себе Угроватова и отдал распоряжение, чтобы тот не спускал глаз с вагона, в котором должен быть Колчак.

В помещении телеграфа было пусто. Дежурный телеграфист Лапин при нашем появлении встал и удивленно посмотрел на меня.

— Вот, — указал рукой на меня чех, — он должен передать телеграмму. Полковник разрешает.

Телеграфист, ни слова не говоря, подошел к аппарату, а я, достав из полевой сумки карандаш и бумагу, написал следующую телеграмму:

> „Всем, всем, всем начальникам партизанских отрядов и рабочих дружин по линии Зима — Иркутск. 13 января в Зиму с поездом „58-БИС“ в чешском офицерском вагоне прибыл Колчак. На мое требование о выдаче Колчака комендант станции Зима чешский полковник Ваня отказался его выдать. Случае прорыва Колчака через Зиму примите меры его задержанию Иркутске.
>
> Командующий Зиминским фронтом

Новокшонов”[29].

Телеграфист приступил к передаче телеграммы по всей линии.

В это время в комнату вошел Угроватов и, отозвав меня в сторону, шепотом сообщил, что вокруг вагона, за которым я поручил следить, чехи выставляют усиленную охрану.

— Не спускай с этого вагона глаз и передай об этом же Соседко и в случае, если из него будет кто выходить, немедленно докладывай, — повторил я прежнее приказание.

Угроватов ушел, а я, подойдя к телеграфисту, стал дожидаться окончания передачи телеграммы, и, когда тот, обернувшись, вопросительно посмотрел па меня, я сказал:

— Вызовите со станции Иркутск к аппарату комиссара Франции.

Вслушиваясь в мерное постукивание телеграфного ключа, я вдруг вспомнил, что совершенно позабыл договориться с полковником Ваня о задержке Колчака впредь до окончания переговоров с Иркутском, и, подойдя к чеху, попросил его соединить меня по телефону с полковником.

Разговор с полковником был очень короток. Он заявил мне, что и так нарушает данные ему приказания относительно Колчака и никак не может согласиться на задержку поезда, так как эта задержка может продолжаться очень долго… В конце концов мы сговорились на том, что до окончания моих переговоров с генералом Жаненом[30] и командующим войсками политцентра в Иркутске поезд с Колчаком отправлен не будет и что все мои разговоры будут передаваться чехом, которому он тут же отдал соответствующее распоряжение…

По сообщениям товарища Веселкова я знал, что чехи значительно преувеличивают силы не только 5-го Зиминского, но и вообще всех партизанских отрядов, но это обстоятельство, конечно, ни в какой мере не могло быть причиной такого миролюбивого поведения, какое было проявлено полковником Ваня в вопросе о Колчаке. Очевидно, было что-то другое, но что — в тот момент для меня было неясно.

Только позднее я понял, что иначе поступать они не могли. Красная Армия, взявшая в это время Омск, стремительно продвигалась на восток, угрожая в случае какой бы то ни было задержки чехов смять их арьергардные части.

Чешское командование в тот момент прекрасно учитывало это Обстоятельство и поэтому не могло открыть борьбу с партизанами, гак как это задержало бы эвакуацию и поставило бы под удар их войска.

— у аппарата генерал Жанен, — прервал мои думы обернувшийся телеграфист. Я со стулом придвинулся к аппарату.

— Передайте, — наклонился я к телеграфисту, — что с генералом Жаненом говорит командующий Зиминеким фронтом красных войск Новокшонов.

Телеграфист стал передавать сказанное мной, но не прошло и полминуты, как с аппаратом случилось что-то неладное.

— Перебивают, — сказал он и, пропустив ленту, прочитал на ной: — „С красными вообще не разговариваю. Жанен“.

— Тогда вызывайте командующего войсками политцентра, — отдал я распоряжение.

— От нас непосредственно нельзя, — ответил телеграфист. — Придется со станции Иркутск посылать посыльного.

— Что же, пусть посылают.

Было около часа ночи, когда к аппарату подошел командующий войсками Иркутского политцентра штабс-капитан Калашников, которому я передал следующую телеграмму:

„Сегодня в Зиму в чешском эшелоне прибыл Колчак. Генерал Жанен на требование выдать его мне отказался разговаривать. Прошу переговорить с союзным командованием о выдаче его моему отряду“.

— Приказываю, — через несколько минут передавал ответ на мою телеграмму Калашников, — пропустить Колчака до Иркутска, меры к задержанию его в Иркутске приняты.

Не доверяя политцентру, в который тогда входили эсеры Мерхалевы, я ответил:

— Политцентру не доверяю. Требую выдачи в Зиме. Буду эвакуировать в Балаганск в распоряжение Зверева.

— Зверев в Иркутске. Вопрос с ним согласован, — сообщил Калашников.

— Пусть он передаст об этом сам, — потребовал я.

— Обождите, посылаю за ним.

Дежурный по станции чех весь мой разговор передавал по телефону полковнику Ваня…

Зверев прибыл па станцию в 1 час 45 минут, и я сразу же повторил весь мой разговор с Калашниковым.

— Для тебя это невозможно. У тебя не хватит сил для борьбы с чехами, — передал Зверев. — В Иркутске примем меры. Пропусти.

— Хорошо, — ответил я. — Согласуй вопрос о посадке моих партизан в вагон к Колчаку. — И когда через 15 минут мне было передано, что с Колчаком можно послать не более одного партизана, я, сообщив об этом полковнику Ваня, потребовал показать мне Колчака.

Ваня ответил на требование минут через десять, разрешив посмотреть Колчака только при условии, если я сниму оружие и пойду в сопровождении двух чешских офицеров.

Посоветовавшись с Соседко и Угроватовым, я передал полковнику Ваня, что согласен идти к Колчаку без оружия, и попросил его выслать чешских офицеров для сопровождения, а Соседко приказал, что в случае, если я не вернусь из вагона через 15 минут, он немедленно должен сообщить об этом Уразметову и Доброму Дню, которые находились в квартире Трифонова.

Подойдя в сопровождении двух чешских офицеров к двери купе, в котором был Колчак, я постучал.

— Да, да, — послышалось из-за двери…

Отворив дверь, я вошел в полутемное купе. На маленьком предоконном столике горела свеча, бросая слабый свет на сидевшего у окна человека с газетой в руках.

Это был Колчак.

Он был одет в черный френч с адмиральскими погонами, без пояса.

При моем входе он, опустив газету на колени, пристально посмотрел на меня, затем встал, намереваясь что-то сказать, но, увидев стоявших в дверях чешских офицеров, сел па прежнее место и вновь углубился в чтение. Мне хотелось задать Колчаку какой-то вопрос, и я сделал было уже шаг вперед, но в это время один из чешских офицеров дотронулся до моего плеча.

— Пойдемте, — сказал он.

Выйдя из вагона, я подозвал Угроватова и, отдав ему распоряжение готовить лошадей, попросил позвать Соседко.

Представив его чешскому офицеру, которому уже было известно, что один из моих партизан должен ехать в вагоне с Колчаком, и дав соответствующие указания, я попрощался со своим адъютантом (в последний раз, так как, сопровождая Колчака, он заразился тифом и умер в иркутском госпитале…). Надев на себя оружие, пошел вместе с Угроватовым на квартиру к Трифонову.

Рассказав обо всем происшедшем собравшимся у Трифонова товарищам, я выехал с Угроватовым из Зимы к себе в штаб.

Не доезжая до опушки леса около села Ухтуя, мы услышали паровозный гудок, остановились. Мимо нас промелькнули освещенные окна поезда с Колчаком, простоявшего на станции Зима целых 28 часов»[{31}].

Партизанский отряд Новокшонова с боями продвигался на восток. Прибыв в Бохано-Аларский район, он принял участие в борьбе с бандитами и кулаками. Здесь же он объединился с

бурятским партизанским отрядом П. Валтахинова. Объединенный отряд прошел славный путь до Владивостока.

И. М. Новокшонов стал впоследствии писателем и поэтом. В 1925 г. он был избран секретарем Союза писателей Москвы. Им были написаны поэма о Ленине, повесть «Потомок Чингисхана», составлен сборник «Памяти павших за Октябрь».

Дальнейшее продвижение эшелона с Колчаком было задержано на станции Иннокентьевская.

«Приведя отряды в боевую готовность, — писали бывшие члены Иннокентьевского комитета РКП (б), — начальник штаба Комальков с частью дружинников направился к вагону, где был штаб чешской охраны поезда. Оставив на полдороге между депо и поездом отряд, он один направился к поезду. Чешский офицер приказал Комалькову остановиться, пригрозив открыть огонь. Не обращая на это предупреждение внимания, Комальков продолжал идти. Он заявил чешскому офицеру:

— Рабочие хотят сами охранять Колчака, не согласитесь на переговоры с нами и на наши условия, паровоз не дадим, путь разрушим, и вы не уедете.

Офицер сразу изменил тон:

— Я не могу сам решить этот вопрос, обождите — я доложу в штаб.

Комальков и сопровождающие его члены Иннокентьевского комитета РКП (б) вступили в переговоры. Сначала был получен отказ. Тогда представители комитета заявили, что интервентам дается небольшой срок на размышление и в случае окончательного отказа паровоза они не получат. В случае же согласия иностранцы смогут беспрепятственно продолжать свой путь и задержаны не будут. Вскоре было получено согласие на ввод смешанного с чехами караула для сопровождения поездов с Колчаком и золотом до Иркутска. О происшедшем было сообщено иркутской организации РПК(б), с тем чтобы она приняла все необходимые меры. К поезду с Колчаком нами был прицеплен маневровый паровоз, а представители рабоче-крестьянских дружин под командованием Комалькова встали на охрану поезда. Бойцы-иннокентьевцы были помещены в прицепной вагон…

Когда стало известно, что белочехи согласны передать Колчака политцентру, А. Г. Нестеров, который входил в комиссию политцентра по приему Колчака, активный участник боев против колчаковцев в период восстания, позвонил В. Л. Букатому и доложил ему о необходимости подготовить для операции по задержанию Колчака надежный конвой. Букатый назначил конвоирами солдат инструкторской школы и послал их в распоряжение А. Г. Нестерова»[32].

Итак, поезд белочехов с Колчаком был пропущен в Иркутск. Стремясь как можно быстрее уйти от наступающих частей красных и беспрепятственно двинуться на Дальний Восток, белочехи решили выдать командованию Красной Армии Колчака и золотой запас.

«В Иркутске, — рассказывает писатель И. Тугутов, — как и следовало ожидать, адмирала встретили не союзнические солдаты…

В вагон вошел чех-комендант.

— Имею честь… Прошу приготовиться, — сказал он Колчаку. — Вы, господин адмирал, передаетесь в руки местных русских властей.

— Почему? На каком основании?

— Местные русские власти ставят условие… Иначе они не пропустят чешские эшелоны за Иркутск. Я имею приказ от чешского главнокомандующего генерала Сырового…

— Но мне гарантировал безопасность генерал Жанен! — воскликнул Колчак. Чех-комендант промолчал.

— А эти флаги? — Колчак показал рукой на перрон, где над дверями вокзала свисали полотнища английского, американского, чешского и французского флагов.

Опять нет ответа.

— Выходит, союзники меня предали, — закричал адмирал»[33].

Следствие по делу Колчака вела чрезвычайная комиссия в Иркутске. Созданная эсеро-меньшевистским политцентром комиссия с переходом власти к ревкому была реорганизована в губернскую чрезвычайную комиссию.

«Последний допрос производился 6 февраля, днем, когда расстрел Колчака, по существу говоря, был уже решен, хотя окончательно приговора вынесено еще не было. О том, что остатки его банд стоят под Иркутском, Колчак знал. О том, что командным составом этих банд предъявлен Иркутску ультиматум выдать его, Колчака, и его премьер-министра Пепеляева, Колчак тоже знал, а неизбежные для него последствия этого ультиматума он предвидел. Как раз в эти дни при обыске в тюрьме была захвачена его записка к сидевшей там же, в одном с ним одиночном корпусе, его жене Тимировой.

В ответ на вопрос Тимировой, как он, Колчак, относится к ультиматуму своих генералов, Колчак отвечал в своей записке, что он „смотрит на этот ультиматум скептически и думает, что этим лишь ускорится неизбежная развязка“»[34].

7 февраля 1920 г. административная комиссия Иркутского ревкома вынесла Колчаку и его премьер-министру Пепеляеву

смертный приговор. Колчак, о котором в Сибири народ распевал частушку:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.
Мундир сносился,
Погон свалился,
Табак скурился,
Правитель смылся, —

был расстрелян в Иркутске.

Захват Колчака имел чрезвычайно важное значение, так как контрреволюционеры, ушедшие в подполье в самом Иркутске, и находящиеся под городом белогвардейские части питали большие надежды на его освобождение.

Один из исполнителей приговора Иркутского ревкома, И. И. Бурсак, об этих событиях писал следующее: «После падения Колчака я был назначен начальником гарнизона и комендантом г. Иркутска. В городе было тревожно, с юга наступал белогвардейский корпус генерала Войцеховского, а с севера — генерала Пепеляева (брат премьер-министра колчаковского правительства. — *Ред.)*. И в самом городе было немало белогвардейцев, стремившихся любыми средствами поднять восстание и освободить из-под ареста Колчака и „премьер-министра“ колчаковского правительства Пепеляева… Было раскрыто несколько контрреволюционных организаций. Учитывая создавшуюся обстановку, Военно-революционный комитет принял решение расстрелять Колчака и Пепеляева… Ярые враги народа Колчак и Пепеляев, совершившие столько зверств, были расстреляны»{35}.

«Золотой эшелон» также был задержан большевиками. Важную роль в этой операции сыграл В. Л. Букатый. Как только поезд прибыл в Иннокентьевскую, к нему прицепили маневровый паровоз с вагоном. Теперь эшелон находился под надежной охраной бойцов. Они сопровождали поезд до Иркутска.

В конце февраля Военно-революционный комитет произвел учет ценностей, и в марте поезд с достоянием республики под охраной был отправлен из Иркутска в центр России.

Аларь в первые годы Советской власти

С 1918 г. жители Аларской волости уже не признавали местную колчаковскую власть. В середине января партизанский отряд Уваровых занял село Голуметь. Аларские коммунисты немедленно захватили власть в Алари и в волости. Был учрежден Революционный комитет, который возглавили Антон Назаров и Галдан Уданов. Необходимо было установить твердый революционный порядок и нормализовать жизнь населения.

После восстановления Советской власти в Иркутской губернии, в январе 1920 г., в Черемхове собрались бурятские коммунисты, которые обсудили вопрос «Текущий момент и задачи партии» и приняли следующее решение: «Основная и ближайшая наша задача восстановить Советскую власть во всей Иркутской губернии и довести борьбу с контрреволюцией до победного конца». Была определена структура организации коммунистов Бурятии.

В феврале 1920 г. части Красной Армии и партизаны на подступах к Верхнеудинску окончательно разгромили войска белогвардейцев и интервентов.

При активном содействии политических отделов и управлений частей Красной Армии в течение 1920 г. были созданы Аларская, Унгинская, Ангарская, Тункинская, Бильчирская, Ользоновская и другие партийные ячейки. Ранее здесь действовали подпольные организации, созданные подпольными комитетами большевиков Иркутска и Черемхова.

Бурятская секция, хотя и не являлась уставной партийной организацией, действовала на правах национальной секции Иркутского губернского комитета РКП (б).

Члены секции возглавили партийную работу в Бурятии. На ответственную работу выдвинули коммунистов Аларского хошревкома: Михея Ербанова, Василия Трубачеева и Семена Николаева. Они возглавили Комитет бурятской секции, а Георгий Данчинов и Ардан Маркизов были избраны кандидатами в члены комитета. Остальных товарищей откомандировали в восточные районы Бурятии и Дальневосточную республику. Получилось так, что в Аларском ревкоме остались люди, не имевшие достаточной революционной закалки и опыта.

Тут на сцене опять появился наш старый знакомый — аларский богатей Оболов. Он оказался хитрее Салтыкова: не удрал с ним в Монголию, а, прикинувшись больным тифом, отлежался у себя дома. Аларские буряты считали Оболова врагом, но прямых улик, подтверждающих его участие в карательных

экспедициях колчаковцев, не было. Оболов умел ловко использовать обстоятельства: где можно показывал свою власть; с главарями же колчаковцев держался накоротке, не скупясь и ничем не брезгуя. При этом он старался оставаться в стороне, когда его друзья проводили аресты и казни в Алари. На это время он всегда куда-нибудь исчезал. Но зато широко принимал приезжавших в Аларь главарей белочехов и колчаковцев. Закатывал им пышные приемы, устраивал скачки, возил в купеческие дома Ирети, Голумети и Черемхова, окружал их женщинами и местными кутилами-купцами. Аларские кулаки и нойоны завидовали Оболову.

Оболов и после ухода колчаковцев поддерживал своих дружков. Обычно на улусных собраниях он выступал с такими словами:

— Ну что ж такого, что я люблю погулять. При царе был старшиной волости, людей не обижал… Хозяйство мое крепкое, хватит на мой век, а больше мне и не надо. При Керенском и Колчаке людей не убивал и не грабил, только дружил с начальством, и более ничего… Давайте все жить в мире, дружбе и согласии.

Он старался приспособиться и к новым, советским порядкам: завел дружбу с некоторыми неустойчивыми членами ревкома, щедро их угощал, сводил со своими людьми — колчаковскими беженцами.

Купцы, бывшие белогвардейцы и другие богачи обосновались в Алари, надеясь отсидеться под крылышком Оболова. Повсюду болтались темные личности из окружения Оболова и его друзей; они вели антисоветскую пропаганду, а зачастую занимались и просто воровством. В первое время жулики действовали безнаказанно, так как на местах еще не работали советские суды, а у ревтрибуналов не доходили до них руки.

Председатель же ревкома Еохун Кукунурский старался не обострять отношения с Оболовым и его окружением.

В первой советской школе нашли себе приют три офицера-колчаковца: полковник Скурчинский, преподававший физику, майоры Востоков и Юрьев, которые вели математику, физику и русскую литературу. Они жили в одном из домов Оболова.

В школе организовали самодеятельность, устраивали вечеринки с танцами, различные лотереи, играли в олембур{36}. Популярными стали скачки на большие призы. Короче говоря, Востоков и Юрьев всячески старались привлечь к себе молодежь.

Однако вскоре нам стало не до танцев. Мы начали занятия во всеобуче, организованном по линии частей особого назначения (ЧОН). На учебу ходили с большим желанием, изучали винтовку

и наган, бутылочную и круглую гранаты. Занимались строевой подготовкой, штыковым боем.

Между тем приближался праздник бурятского Нового года. К этому дню в Алари готовились все. Во многих селениях уже начались гулянья. Оболов понял, что на этом деле можно хорошо поживиться.

Любители скачек вспоминали, у кого и в каких улусах имеются хорошие кони. Все сходились на одном: резвее серого скакуна Хамона Бухаева из Хандагайтуя в Иркутской Бурятии нет. Оболов и его друзья всячески афишировали достоинства серого скакуна. И добились своего. Вскоре слава о нем распространилась по всей Западной Бурятии. Говорили, что эта лошадь бегает быстрее лани и такого скакуна у аларских бурят не было и в помине. На эту удочку клюнули все аларцы. Только Василий, мой дядя, утверждал, что все это вранье, а Оболов — жулик и авантюрист. Он может продать всех бурят, выкупить и вновь заложить.

Учитель Николай Вампилов, участник подавления контрреволюционного мятежа в Голумети, решил по-своему наказать Оболова: обыграть его на скачках, поставив большую сумму на серого скакуна из Хандагайтуя. Он считал, что Оболов не найдет лошади, которая могла бы обскакать серого.

Назначена была сумма заклада в золотом исчислении. В то время царские бумажные деньги и керенки ни во что не ставили. На базаре шло в ход золото, драгоценные камни, меха, рогатый скот, лошади.

В доме Оболова в то время скрывался с семьей бывший жандармский офицер Михаил Туманов, коннозаводчик, хозяин Иркутского ипподрома. Иркутский ревком реквизировал его предприятие, но самого арестовать не успел. И Туманов удрал в Аларь под крылышко Оболова. Поддерживая связи со своими людьми на ипподроме, Туманов помог Оболову вывезти из Иркутска племенного жеребца по кличке Орел.

Охотников биться об заклад за скакуна Оболова почти не нашлось. По-видимому, слава, пущенная о сером скакуне из Хандагайтуя, возымела свое действие: даже некоторые сторонники Оболова отошли от него.

Утром, в день скачек, в Аларь прибыло много народу из дальних улусов и селений. Все улицы были забиты. Словом, в эго утро Аларь походила на большой базар.

Лошади должны были бежать пять верст. Зрители стояли по обе стороны дороги, образуя живой коридор. Скакунов вывели на черту. Вороной, по кличке Орел был под легким кожаным седлом. Невдалеке хлопотал хозяин серого скакуна. Под жокеем не было

ни седла, ни потника. Серый из Хандагайтуя стоял спокойно, кося на вороного карим глазом.

Наконец все приготовления были закончены. Серый вихрем помчался вперед, вороной без труда стал нагонять его. Со зрителями творилось что-то невероятное. Огромная толпа пришла в движение, гудела и орала. Одни болельщики, чтобы лучше видеть, забрались на колокольню, другие — на крышу школы, третьи — монастыря. Все смотрели в сторону церкви. С колокольни раздался крик:

— Скачут! Скачут!

Опередив серого на целую версту, несся вороной скакун. Его соперник пришел к финишу минут через десять.

Оболов с бывшим хозяином ипподрома, выиграв на этой скачке много золота и ценностей, на паре выездных лошадей скрылись в неизвестном направлении. Потерпевшие пытались вернуть свои ценности, но безрезультатно. Так печально закончились скачки.

Позднее руководство хошревкома во главе с Кукунурским было отстранено от работы, а по делу Оболова назначено следствие.

Вскоре в Аларь вернулись большевики Антон Назаров, Каптас Федоров, Ефим Шулунов, Харлампий Степанов и другие. Иннокентия Петровича Хабаева, председателя Аларского волостного ревкома, назначили одновременно п директором нашей школы.

Занятия шли регулярно. За зиму в школу пришло много новеньких — детей состоятельных родителей из разных улусов Аларского аймака, которые забрали их из учебных заведений Иркутска и Черемхова. Учились они хорошо, в школу приходили добротно одетыми.

Мне ходить в школу было нелегко: не было ни валенок, ни сапог, ни шапки. Носил я обноски родителей и дяди Василия, старый треух, подшитые валенки с заплатами на голенищах, штаны и рубашку-косоворотку из коричневой материи. Но, глядя на новичков, я всячески тянулся за ними: завел обломок зеркала, гребешок, ремень, выпросил у отца с матерью новую ситцевую рубаху. Потом мне передали дядины штаны, а старую, драную шубейку мама обшила простой черной тканью.

Среди новичков были способные и талантливые ребята: они танцевали на школьных вечерах, хорошо пели, играли на музыкальных инструментах. Но большинство из них придерживалось меньшевистско-эсеровских взглядов. Определенную роль здесь, конечно, играли их богатые родители и родственники, а также белогвардейцы-учителя.

В нашей школе учились тогда Забановы — два брата и сестра. Братья Забановы были старше меня, а сестра — моей ровесницей. Михаил и Александр Забановы были неисправимыми хулиганами, презирали плохо одетых учеников. И вот мы решили отомстить им за все свои обиды.

В канун Нового года в дацане начался молебен. Народу по этому случаю собралось видимо-невидимо. Здесь были и ученики нашей школы, в том числе Михаил и Александр Забановы. Мы окружили их. Вот-вот должна была начаться драка, как вдруг возле нас оказался милиционер хошревкома Василий Быков. Он спросил:

— Вы сыновья Забанова? На вас жалуются, что вы ведете себя в школе не по-советски. Приказываю прекратить эти безобразия, в противном случае выгоним вас из Алари, а родителей привлечем к суду ревтрибунала.

Нам же скомандовал:

— Разойдись!

На другой день, перед началом занятий, директор собрал всех учащихся и учителей в большом классе. Хабаев проинформировал школу о происходящих событиях в области.

С января 1920 г. по территории области уходили, двигаясь по Сибирскому тракту, пешком и на санях остатки колчаковской армии под прикрытием корпуса генерала Каппеля. К концу января эта группа насчитывала 6–7 тысяч человек (они везли в цинковом гробу тело замерзшего генерала Каппеля). Здесь находились самые злые враги Советской власти. Это были физически и морально сильные люди, отличавшиеся крайней жестокостью.

В январе 1920 г. каппелевцы ворвались в бурятские улусы Приангарья. Оставляя после себя опустошенные деревни, трупы убитых и замученных, они продвигались к Черемхову, навстречу белочехам. Другие отряды каппелевцев, разоряя села по Ангаре и Лене, стремились выйти на восток севернее озера Байкал. Но прорваться через большое село Качуг удалось далеко не всем… Только около восьмисот человек прошло мимо озера Байкал, остальные были убиты или взяты в плен под селами Бирюлькой и Макушино.

Особенно сильно пострадал тогда от каппелевцев центр сельревкома — улус Куйта. Его активистов каппелевцы застали врасплох. Они проводили собрание и не обратили внимания на лай собак, скрип многочисленных повозок, топот копыт и ржание лошадей. Хватились только тогда, когда каппелевцы стали ломать заборы и врываться во дзоры. Озверевшие бандиты за ночь ограбили все дома до нитки. Забрали лошадей, коров…

Почти все мужское население ушло из Алари в таежные селения, поближе к партизанским отрядам. Но из-за снежных заносов каппелевцы не дошли до Алари, пройдя стороной в 10–12 верстах.

Спустя некоторое время в тех улусах, где побывали каппелевцы, вспыхнула эпидемия сыпного тифа, которая вскоре распространилась по всей Бурятии.

Только 23 февраля 1920 г., с приходом 5-й армии, в Бурятии жизнь начала входить в нормальное русло…

В тот же вечер после занятий во дворе школы ко мне подошли аларские большевики Ефим Шулунов и Харлампий Степанов. Подозвали еще Цыретора Башеева и Гарму Сельверова. Шулунов отвел меня в сторону и спросил:

— Ты сын какого Вампилова?

— Нихо.

— А кем тебе доводится Василий Мухлуев?

— Дядей.

— Ну, приходи, как стемнеет, к Хабаеву.

Наступил вечер, во всех домах зажглись огни: у кого — керосиновые лампы, у кого — свечи, сальники или лучины. Я отправился к председателю хошревкома.

Хабаев сидел за большим письменным столом под огромными часами. Два других стола были поставлены перпендикулярно к двери. Вокруг столов и вдоль стен кабинета стояли мягкие бархатные кресла. Ревком помещался в здании бывшей степной думы, и ему вся эта помпезная обстановка перешла по наследству.

Я пристроился в кресле слева от двери. В кабинет стали заходить люди. Большинство, как и я, усаживались вдоль стен, а кто посмелее — вокруг стола.

Рядом с Хабаевым сели Антон Назаров, Каптас Федоров, Ефим Шулунов, Харлампий Степанов. Пригласили сюда и девушек, у которых верховодила Савранна Малахирова, дочь бедняка, одна из первых учениц в школе.

Под конец в кабинет вошли какие-то военные, за ними — несколько служащих хошревкома, милиционеры Быков, Зубрин и мой дядя Василий.

Поднялся Хабаев. Взяв маленький колокольчик, позвонил. В кабинете воцарилась тишина.

Председатель ревкома информировал собравшихся о положении в Алари. Не все обстояло благополучно. Контрреволюционные элементы в школе и различных улусах Алари вели подрывную работу против Советской власти. Бывшие офицеры, учителя Скурчинский, Востоков и Юрьев, связались с

контрреволюционными организациями и местными кулацкими бандами. В настоящее время они, как бывшие каратели колчаковской контрразведки, взяты под стражу.

Хабаев призвал нас быть бдительными. Он сказал, что вместо выбывших учителей школы приняты на работу новые — Валентин Вампилов, Иннокентий Тунуханов, Николай Керосинский, — которые по своим знаниям стоят выше, чем арестованные колчаковцы.

На другой день занятия в школе начались, как обычно, по расписанию. К концу занятий мы узнали, что кроме трех учителей были взяты под стражу учительница немецкого языка и еще несколько контрреволюционеров из других улусов Алари.

Обстановка в школе заметно разрядилась. Михаил и Александр Забановы прикусили языки. Теперь в школе начали брать верх учащиеся из бедняцко-середняцких семей. Стали приезжать инструкторы Черемховского уездного комитета комсомола, лекторы, агитаторы и т. д. При хошревкоме был создан штаб ЧОНа, проводились регулярные сборы дружинников со всего хошуна, на которые приезжали из Иркутска и Черемхова командиры и политработники Красной Армии.

Оживилась в Алари и культурно-просветительная работа. Большевики стали чаще выступать перед населением. В это время кулаки и спекулянты узнали о замене продразверстки продналогом и распустили слух, что будет поощряться частная инициатива. Они начали из-под полы, а кое-кто и открыто торговать водкой, а в глухих улусах — самогоном, изводя на него большое количество хлеба. Спекулянты и враги Советской власти меняли это зелье в городах, поселках, селах и улусах на золото, серебро и другие ценности. Для борьбы с ними в Алари были мобилизованы все силы — партийные и комсомольские работники, учителя, медработники, а также органы Советской власти на местах.

Первые комсомольцы Алари

С первых дней установления Советской власти в России партия большевиков начала сплачивать вокруг себя рабочую и крестьянскую молодежь.

Россия, как отмечал В. И. Ленин, после свержения царизма была самой свободной из всех воюющих держав. На смену самодержавию пришло двоевластие, а это означало, что большинство политических партий и различных организаций могло действовать открыто. Следовало поэтому приложить все силы к тому, чтобы юношество стало на сторону большевиков и включилось в борьбу пролетариата за свои права.

На I Всероссийском съезде молодежи 29 октября — 4 ноября 1918 г. был создан Российский Коммунистический Союз Молодежи, позднее переименованный во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ), передовой отряд советской молодежи, массовая организация, примыкающая к большевистской партии.

В Иркутске большевики создали секцию учащейся молодежи. Руководителем ее стала Зина Бланкова, пламенный пропагандист идей В. И. Ленина, один из организаторов Союза социалистической молодежи Иркутска.

В 1918 г., еще до оккупации территории Иркутской Бурятии иностранными интервентами, во многих селах в улусах действовали созданные по инициативе большевиков молодежные организации. Члены этих организаций — молодые рабочие, крестьяне, учащиеся школ — во время нашествия колчаковцев и интервентов ушли в партизанские отряды.

1 мая 1919 г. в Черемхове группа бурятской молодежи (Мария Сагадарова, Галдан Уданов, Николай Мункуев и другие) объединилась в ячейку комсомола. После изгнания колчаковцев по всей территории Иркутской Бурятии стали возникать комсомольские организации.

И. П. Трибунский, ветеран комсомола, член бюро Иркутского губкома РКСМ, пишет:

«Комсомол пришел к нам с Красной Армией и вместе с ней шагал по Сибири. Говорю „вместе шагал“ потому, что организаторами комсомольских ячеек в Сибири явились армейские политработники и местные партийные работники. Среди армейских политработников было немало первых комсомольцев из Центральной России с более чем двухгодичным комсомольским стажем. Энтузиасты коммунистического союза, они не только выполняли задание ЦК РКСМ по организации

комсомола, но делали это по зову сердца… На митингах ответственные представители партийной организации, а чаще — армейские политработники выступали с докладами „О целях и задачах РКСМ“. После митинга начиналась запись желающих вступить в комсомол. Так зарождались комсомольские организации на всем сибирском пути следования армии-освободительницы. В конце января 1920 г. Красная Армия вступила в пределы Иркутской губернии, и 5 февраля в Нижнеудинске, а 9 февраля в Тайшете появились первые комсомольцы на земле иркутской…»[37].

Бурятская секция Иркутского губкома РКП (б) развернула среди молодежи и женщин большую работу, вовлекая их в активную общественную и политическую жизнь. 24 марта 1920 г. секция принимает решение об организации Коммунистического союза молодежи. Руководителем и организатором бюро Бурятской секции РКСМ стал Ф. Коняев.

Союз молодежи объединил в своих рядах передовую часть бурятской молодежи. Он строил свою работу под руководством Бурятской секции губкома и являлся активным помощником партии в государственном и хозяйственном строительстве. Особенно значительна была роль комсомола в тех улусах и районах, где еще не были созданы коммунистические ячейки. Там на комсомольцев ложилась вся работа по проведению в жизнь политики партии.

С марта — апреля 1920 г. во многих улусах и села: Аларского, Боханского, Эхирит-Булагатского, Тункинского аймаков появились комсомольские ячейки. Уездные, районные комитеты комсомола, ранее созданные ячейки социалистической молодежи организационно оформились в Коммунистический союз молодежи.

На комсомольцев 20-х годов была возложена трудная задача — не только укреплять свои ячейки, но **в** организовывать ячейки комсомола в соседних селах и улусах, принимать активное участие в кампаниях по борьбе с разрухой и голодом, решительно бороться с классовыми врагами, уничтожать белобандитские шайки.

В то время вылазки недобитых белых банд, преследуемых отрядами ЧОНа, продолжались на территории района. По пути отступления банды белогвардейцев грабили мирное население и убивали коммунистов и комсомольцев.

Однако, несмотря на это, ячейки комсомола, иногда очень маленькие (из трех человек), действовали смело и решительно. Малышевская ячейка РКСМ подверглась нападению белой банды Ш. Улаханова. Председатель ячейки Вера Тарантаева[38] чудом

спаслась от смерти. Она сумела связаться с Балаганским партизанским отрядом ЧОНа, и белую банду Улаханова удалось разгромить.

В Алари организация комсомольской ячейки задерживалась в связи с передвижением поблизости остатков разбитых колчаковских войск — каппелевцев.

Аларская молодежь в то время группировалась вокруг партийной ячейки Аларского хошуна, коммунисты которой сами были людьми комсомольского возраста.

15 января 1920 г. на территории Аларского района был создан Ангарский райком РКП (б), который еще не успел сформировать райком РКСМ. Поэтому все организации РКСМ, созданные в районе, подчинялись Черемховскому уездному комитету РКСМ.

В состав Ангарского района входили тогда Аларский, Боханский, Бильчирский, Кахинский, Унгинский, Екыр-Шаралдаевский и Молькинский хошуны. Здесь с марта — апреля 1920 г. и стали создаваться ячейки РКСМ.

В марте 1920 г. в Аларь прибыли представители губкома и Черемховского укома комсомола с целью организовать при школе комсомольскую организацию. Общее собрание школьной и улусной молодежи проходило в одном из классов школы.

Класс гудел как пчелиный улей. Все парты, скамейки, табуреты и стулья были заняты. На собрание пришли и дети кулаков, нойонов и торговцев. Они явились сюда не ради любопытства, им хотелось сорвать прием в члены Союза молодежи.

Мы чувствовали, однако, что на этот раз сыновья кулаков и нойонов бессильны. Их духовные воспитатели, бывшие колчаковские офицеры, были изгнаны из Алари, а родители уже боялись открыто выступать против коммунистов.

На сцену поднялись директор школы Хабаев и работники хошревкома. Хабаев, объявив собрание открытым, предоставил слово сидевшему в президиуме молодому человеку с военной выправкой. Тот не спеша поднялся из-за стола, подошел к краю сцены и обратился к собравшимся с речью. Это был прекрасный оратор.

Впервые в тот вечер улусная молодежь и мы, учащиеся, услышали от представителя укома комсомола о Владимире Ильиче Ленине, о комсомоле как политической организации, работающей под руководством партии большевиков.

Докладчик, закончив свое выступление, сел рядом с Хабаевым. Наступила пауза. Вопросов не задавали. Только милиционер Зубрин, сухощавый, с мелкими оспинками на

красивом лице, крикнул с места:

— Будь я молодым, первым записался бы!

Председатель собрания от имени партийной ячейки Аларского хошуна призвал молодежь вступать в комсомол.

В классе на миг воцарилась тишина, потом в задних Рядах зашумели, потянулись к выходу. Первыми ушли Михаил и Александр Забановы, за ними покинули собрание более половины участников. Теперь многим стало ясно, кто друг, а кто противник Советской власти в Алари.

Оставшиеся свободнее расположились в классе. Члены президиума заняли свои места. Председатель снова предложил желающим вступить в комсомол подойти к столу.

Первой поднялась Савранна Малахирова{39}.

— Я дочь бедняка, — сказала она, — на себе испытала нужду и лишения. Хочу бороться с врагами Советской власти как комсомолка. Прошу записать меня в комсомол.

Вслед за ней и другие ребята и девушки стали записываться.

В брошюре «Рождение бурятской комсомолии» С. Я. Ербанова (Малахирова) пишет:

«В то время мы учились в первой советской школе 2-й ступени в селе Аларь. Учащиеся были из разных улусов, среди них много детей кулаков, нойонов, торговцев. Такой социальный состав учащихся сказывался на ходе учебно-воспитательной работы. Эта „золотая молодежь“ всячески препятствовала работе новой школы, вводила рознь между учащимися, агитировала против комсомола, отвлекала молодежь от участия в политической жизни. Вот почему на первом собрании молодежи так мало записалось ребят в комсомол. Но записавшиеся были стойкими, активными комсомольцами, впоследствии многие из них стали зрелыми коммунистами»{40}.

Представители Иркутского губкома комсомола и Хабаев от имени партийной ячейки поздравили нас с вступлением в Коммунистический союз молодежи.

Аларская ячейка комсомола, организованная 12 марта 1920 г., стала первой в Западной Бурятии.

В течение десяти с лишним дней Савранна Малахирова в сопровождении двух вооруженных товарищей ездила по улусам и селениям. А ведь территория ревкома тогда была велика. В него входили Алятский, Иванический, Зонский, Куйтинский и Ныгдинский сельские ревкомы с несколькими десятками крупных пунктов. Созывать молодежные собрания на местах Савранне помогали представители сельских ревкомов, комитетов бедноты, бойцы ЧОНа, а также участники художественной самодеятельности, добровольцы-культпросветчики, организаторы

кружков по ликвидации неграмотности.

Время тогда было тревожное, не все проходило благополучно, особенно в таежных селениях. Не следует забывать, что вокруг бродили еще остатки белых банд, кулаков и каппелевцев, а местные органы власти только набирали силу.

Но революционно настроенная молодежь тянулась к новому. Многие юноши и девушки активно помогали сельским ревкомам в борьбе с белобандитами. В этой обстановке в улусах и селах Аларского района образовалось несколько десятков ячеек РКСМ. Они составили впоследствии комитет РКСМ, который подчинялся Черемховскому бюро укома РКСМ.

Руководящую роль в создании первых комсомольских организаций, в укреплении советских органов власти на местах играли коммунисты Бурятии. Душой беспартийной и комсомольской молодёжи улусов Аларь и Ныгда был тогда Иван Васильевич Никифоров, сын бедняка-бурята, участник разгрома каппелевцев в Верхней Ирети и Мото-Бадари и ликвидации белогвардейско-кулацкого восстания в селе Голуметь. Он проводил среди населения большую культурно-просветительную работу.

В апреле 1920 г. должна была состояться конференция Черемховского уездного комитета комсомола. Из Аларской хошунной организации на эту конференцию были избраны делегаты Савранна Малахирова, Евгения Булытова, Зинаида Иринчеева и Цыретор Башеев. Вернулись они в Аларь политически более зрелыми, много рассказывали об опыте работы комсомольских организаций черемховских горняков. Делегаты привезли с собой литературу, где говорилось о борьбе с классовыми врагами, с разрухой и голодом, о восстановлении фабрик и заводов, об очищении территории Бурятии от белобандитов, о тяге молодежи в ряды комсомола.

Работа комсомольской организации в Алари оживилась. В хошунный комитет комсомола из Черемхова и Иркутска прибыло несколько штатных работников, которые одновременно заняли должности фельдшеров, учителей, служили в хошревкоме, руководили ЧОНом, сотрудничали в милиции.

Комсомольцы стали боевыми помощниками партии и Хошунного ревкома Алари. Они принимали активное участие в проведении продразверстки, в выявлении кулаков, скрывавших излишки хлеба; помогали в сборе средств, продовольствия и одежды для воинов Красной Армии и голодающего населения Поволжья.

Примером для нас, комсомольцев, всегда служили партизаны — участники борьбы с колчаковщиной. В те Дни

отряды, действовавшие на территории теперешних Аларского и Боханского аймаков, возглавляли бурятские коммунисты Баханов, Помытов, Трубачеев, Балтахинов и Лосов. После изгнания каппелевцев с территории Западной Бурятии они занимались военной подготовкой с бойцами местного ЧОНа. Вместе с партизанами аларского отряда Павла Васильевича Баханова проходил военную подготовку и я. Особо отличились тогда в военной учебе комсомольцы Буда Башкуев и Олзой Шагдыров, не раз участвовавшие в операциях по выявлению кулачества и в боях с белобандитами.

Мы с Олзоем были друзьями с детства. Он жил бедно, часто пропускал занятия в школе. Но Олзой не унывал; он любил петь, и когда пел, его лицо с большими карими глазами, становилось особенно привлекательным.

Коммунистам, комсомольцам и активистам Советской власти Аларского района стало известно, что купцы, подрядчики, кулаки, нойоны, бывшие колчаковцы стали объединяться в белобандитские отряды. Особенно многочисленными они были на территории Иркутской губернии, в том числе в Западной Бурятии. В восточных районах бесчинствовали банды барона Унгерна, атамана Семенова, Тапхаева и других недобитых белых атаманов. Кое-где начались контрреволюционные мятежи.

В октябре 1920 г. такой мятеж вспыхнул в селе Голуметь Черемховского уезда Иркутской губернии.

Голуметь — большое село: растянулось в длину на 12 верст, а в ширину — на 3–4. Кулаки, купцы и золотопромышленники составляли здесь около четверти населения.

Во главе голуметского мятежа встали бывшие колчаковские офицеры Замащиков, Аряников, Васильев, пробравшийся на пост начальника милиции, и купец Муратов. В Голумети имелись десятки магазинов, складов и баз снабжения, владельцы которых обеспечивали голуметских бандитов фуражом, продовольствием и даже оружием. Бандиты были непосредственно связаны с иркутским центром мятежников, возглавляемым белогвардейскими офицерами.

На подавление мятежа были мобилизованы все коммунистические отряды бурятских селений, в том числе отряд под командованием П. В. Баханова. Основное его ядро составили коммунисты аларской волостной партийной организации.

Штаб коммунистического отряда Баханова разместился в аларской церкви: на ее колокольне был устроен наблюдательный пункт, там же установили станковый пулемет «максим».

Часть отряда с ручными пулеметами заняла вершину возвышенности Сорготоя, перекрыв голуметскую дорогу западнее

Алари в 3–4 верстах. На вековой ели пристроился боец-наблюдатель.

Нам, комсомольцам и нескольким школьникам, предложили собраться возле наблюдательного пункта, хотя оружия и не дали. Стрельба слышалась со стороны реки Аларь, примерно в 6–7 верстах от села. Скоро с места боя на телеге привезли трех убитых бойцов-бурят из \луса Бурково, которые напоролись на засаду.

Баханов, узнав о неудаче разведчиков, послал бойцов с пулеметом с приказом выбить боевое охранение белых.

Вскоре Аларский ревком оповестил все улусы Алари о том, что не исключена возможность нападения белых банд. Поэтому всем гражданам рекомендовалось па время оставить свои улусы.

Отец находился в ревкоме. Мать же, услышав это сообщение, потребовала, чтобы я немедленно отправился в улус Ныгду к родителям моего друга Василия Морохоева.

Мы отправились с ним пешком. Шли по большой дороге на Черемхово. Разговаривая, незаметно подошли к реке Голуметь. Дальше — гуськом по тропе, проходившей между зарослями камыша и тальника. Наконец перед нами открылась небольшая поляна. Я хотел что-то сказать Васе, как вдруг услышал окрик:

— Стой! Кто идет?

Четверо военных обступили нас. Мы замерли на месте. Опомнившись, Вася ответил:

— Мы идем в улус.

И тут мы увидели знакомого бурята из аларского партизанского отряда. Сразу же все прояснилось, и мы Двинулись дальше. Примерно через полчаса дошли до окраины Ныгды.

В Ныгде мы пробыли два дня. Потом на попутной повозке я отправился в Аларь. Дорога от Ныгды до Алари была забита войсками; батареи, пулеметные тачанки, повозки с различными грузами, санитарные двуколки — части 5-й армии направлялись в сторону Иркутска и Черемхова.

Вскоре голуметский мятеж был разгромлен объединенными силами ЧОНа, двух батальонов войск Красной Армии и коммунистических отрядов черемховских горняков.

Село Голуметь, где засели мятежники, было окружено с востока батальонами Красной Армии, с юга — партизанскими отрядами Баханова и Уварова, с запада — отрядами ЧОНа и Черемховским гарнизоном. С севера дорогу, ведущую к Саянам, прикрывал стрелковый взвод с ручными пулеметами. Таким образом, основная база мятежников оказалась в кольце наших войск. Главари белобандитов не успевали прикрывать образовывавшиеся бреши в обороне. Село Голуметь, обрамленное

с трех сторон горами и лесами, а с четвертой — рекой, для обороны расположено невыгодно. Бойцы, подходившие к селу со всех сторон, были противнику не видны. Короче говоря, бандиты оказались в мышеловке. Застучали пулеметы. Насильно мобилизованные в банды, обманутые кулацко-эсеровской агитацией, колеблющиеся крестьяне Голумети и других селений разбежались, оставив занятые рубежи.

За ночь оборона мятежников в Голумети ослабла. Бывшие офицеры, колчаковцы и каппелевцы, срочно начали формировать передвижные оборонительные группы, но это уже было бесполезно. Партизанские отряды подошли вплотную к окраинам села почти без потерь и перешли в решительный штурм. Среди них были и наши аларские комсомольцы Буда Башкуев и Олзой Шагдыров. Бойцы ворвались в село, бандиты в панике отступили к Саянским горам, к границе Монголии.

Село Голуметь было освобождено. Главари банды пойманы и осуждены. Аларские партизаны вернулись с победой.

Лишь один огряд уцелевших голуметских мятежников, во главе с Замащиковым и Васильевым, отступая под натиском Красной Армии и частей особого назначения, сумел пересечь Тункинский тракт и в начале 1921 г. на границе с Монголией соединился с 1-м Иркутским казачьим полком атамана Шубина.

Несколько позднее отряд Замащикова ушел в тайгу, откуда совершал бандитские налеты на территорию Зиминского уезда. Разрозненные бандитские отряды продолжали бесчинствовать на территории Забайкалья и в последующее время.

Олзоя Шагдырова зачислили бойцом Черемховского отряда горняков как комсомольца, отличившегося в боях с голуметскими белобандитами. В составе кавалерийского дивизиона 5-й армии он участвовал в боях по очищению территории Иркутской Бурятии от остатков каппелевских частей. Кавалеристам удалось тогда захватить санный обоз каппелевцев, заблудившийся в саянской тайге: с продовольствием, батареей с прислугой, оружием, медикаментами. Говорили, что в каппелевской армии действовали офицеры-сибиряки, которые сочувствовали Советской власти и сознательно заводили обозы в дебри саянской тайги.

Олзой Шагдыров за эту операцию был награжден полным командирским обмундированием и личным оружием — маузером в деревянной кобуре. Позднее, когда в Западной Бурятии все кулацкие банды были разгромлены, Шагдырова направили в школу младших командиров. По ее окончании Шагдыров поступил в Ленинградскую кавалерийскую школу, некоторое время служил в Бурятии, а затем был командирован в Москву, в

Военную академию имени М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной воины О. В. Шагдыров командовал кавалерийским полком, заслужил боевые награды. Погиб, защищая Родину.

Возмездие

Среди многочисленных врагов Советской власти, действовавших в 20-х годах в Сибири и Забайкалье, особое место занимают атаман Г. М. Семенов и барон Унгерн фон Штернберг. Судьба свела этих озлобленных, непримиримых в своей ненависти к революции, предприимчивых и жестоких людей.

Летом 1917 г. Семенов и Унгерн были направлены главковерхом Керенским в Забайкалье формировать бурятские полки для защиты Временного правительства.

Там их застала Великая Октябрьская социалистическая революция. Они сразу же начали активную борьбу против молодой Советской Республики.

Атаман Г. М. Семенов происходил из казачьей семьи, проживавшей в Забайкальской (ныне Читинской) области, в Дурульгуевской станице. Его отец, богатый казак, скотопромышленник, круглый год использовал труд батраков. Он был казачьим урядником и имел большой круг знакомых и родственников среди кулаков, нойонов и скототорговцев. Все свое детство Семенов провел в полубурятском-полурусском селении, вблизи монгольской границы. Он окончил Могойтуйскую поселковую школу (Читинская область), а затем в 1911 г. — Оренбургское юнкерское училище, после чего был произведен в офицеры.

В первую империалистическую войну Семенов служил в 1-м Нерчинском казачьем полку. После Февральской революции он пытался организовать заговор с целью арестовать В. И. Ленина и членов Петроградского Совета. Заговор провалился.

Вскоре Временное правительство назначает его комиссаром по формированию добровольческих конных отрядов в Забайкальской области.

Советская власть в Западном и Восточном Забайкалье была установлена позже, чем в других уездах и губерниях России. В Забайкалье довольно сильны были позиции контрреволюции. Тут свили себе гнезда главари реакционного казачества, золотопромышленники и крупная буржуазия, связанная с японскими капиталистами, а также высшие чины царского офицерства.

Оплотом керенщины явились здесь эсеро-меньшевистский областной «народный совет», верхи забайкальского казачества, которые возглавил атаман Семенов.

Участник интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири американский генерал Уильям Грэвс, встречавшийся с Семеновым

в 1918–1920 гг., характеризовал его как убийцу и грабителя. В книге «Американская авантюра в Сибири» Грэвс писал: «Семенов финансировался Японией и не имел никаких убеждений, кроме сознания необходимости поступать по указке Японии… Он поступал так потому, что не мог бы продержаться в Сибири и недели, если бы не опирался на поддержку Японии»[41].

К обосновавшемуся в Маньчжурии Семенову стекались белогвардейские офицеры и казачья верхушка. Иностранные империалисты стали усиленно его опекать, так как они видели в нем нужную им фигуру для подготовки похода против Советской власти. Сначала связь с Семеновым установили японские милитаристы, затем американцы и англичане. Опираясь на их помощь деньгами, оружием, снаряжением, медикаментами, атаман Семенов приступил к формированию воинских частей. В его распоряжение для мобилизации белых солдат на борьбу с большевиками были предоставлены Забайкалье, Внутренняя Монголия и Маньчжурия.

29 января 1918 г. Семенов перешел советскую границу и оказался в юго-восточных районах Забайкалья. Создалась тревожная обстановка. Центральный исполнительный комитет Советов Сибири («Центросибирь») принял оперативные и решительные меры. Был образован Забайкальский фронт под командованием Сергея Лазо, срочно сформированы и отосланы в Забайкалье воинские революционные формирования из Томска, Омска, Красноярска, Иркутска и других районов Сибири. Забайкальский фронт нанес серьезный удар по семеновским воинским формированиям, разгромил банды Семенова, а самого атамана принудил удрать в Маньчжурию, откуда он и пришел.

Но этим дело не кончилось. Атаман Семенов под крылышком государств Антанты, с их одобрения и при их помощи начал готовить еще более крупную авантюру против советского Забайкалья. Но это было уже не частное выступление атамана Семенова, а заговор иностранных интервентов и русской контрреволюции.

8 апреля 1918 г. атаман Семенов вновь перешел границу и начал наступление… В этот же день на Владивостокском рейде с кораблей Японии и Англии высадились десанты интервентов. Советское Забайкалье оказалось в огненном кольце: с запада двигались белочехи, с юга — семеновцы, с востока — японцы и американцы, захватившие районы Дальнего Востока.

В. И. Ленин в телеграмме в Иркутск ЦИКу Советов Сибири писал: «Вполне одобряю резолюцию Центросибири. Советую подготовить склады продовольственных и иных продуктов, хотя бы путем реквизиции, для того, чтобы серьезно поставить

оборону. С послами переговоры должны начаться у нас сегодня. Ясно, что никаким заверениям теперь нельзя дать веры и единственной серьезной гарантией является солидная военная подготовка с нашей стороны»{42}. Вслед за этим, 7 апреля 1918 г., В. И. Ленин направил через Центросибирь Владивостокскому Совету телеграмму, в которой содержалась оценка обстановки на Дальнем Востоке и давалась Директива дальневосточным большевикам об организации борьбы с иностранной интервенцией. В телеграмме говорилось: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы, наверное, будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье»{43}. Эта директива Ленина явилась для сибирских и дальневосточных коммунистов руководством к действию по защите Советской власти от интервентов и белогвардейцев.

Далее последовали наиболее трагические для Сибири события: в июльские дни 1918 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж белочехов; 12 июля был оставлен Иркутск, 20 августа — Верхнеудинск и Чита.

По всему Забайкалью развернулись кровавые расправы с теми, кто в какой-то мере сочувствовал Советской власти. Жертвами семеновского террора стали многие тысячи коммунистов и беспартийных, а также ряд ответственных партийных и советских работников.

Летом 1919 г. унгерновские палачи в пади Тарской, недалеко от станции Адриановка, расстреляли 1600 человек; при этом присутствовали американские офицеры.

Японские и американские интервенты в Забайкалье в борьбе с революционным движением опирались на буржуазных националистов, нойонов и кулаков, которые активно помогали семеновцам в восстановлении буржуазных порядков. В Агинском Бурятском округе семеновцами были ликвидированы органы Советской власти, в частности Догойский Совет, созданный при поддержке Сергея Лазо в апреле 1918 г.

Ставленник атамана Семенова Дугар Тапхаев приступил к ликвидации первого партизанского отряда этого бурятского селения, но Догойский партизанский отряд не удалось застать

врасплох. Партизаны устроили засаду конному взводу Тапхаева, убили его помощника и ранили семерых тапхаевцев, затем, использовав замешательство противника, забрали в плен трех коноводов и больше десяти лошадей и аллюром двинулись в сторону горы Алханая на соединение с партизанским отрядом П. А. Аносова.

Весть о лихих действиях агинских партизан и разгроме партизанами тапхаевских конников в догойской долине с быстротой молнии разнеслась по Агинской степи. Об этой неудаче своего воинства есаул Тапхаев умолчал, ничего не узнали также нойоны и националисты Агинска, а также приближенные атамана Семенова.

Тапхаев успокаивал своих ставленников, заявляя, что вскоре будут арестованы руководители Догойского сомонного Совета и все партизаны ликвидированы.

Агинское земство приняло постановление: «Вернуть дацанам и ламам земли… Расселить всех догойцев по аймаку, имущество большевиков конфисковать… и вызвать особый казачий отряд для розыска и ареста большевиков…»{44}.

Японские империалисты, стремясь захватить власть в Забайкалье, созвали в феврале 1919 г. в Чите конференцию, на которой было вынесено решение о создании «Великого монгольского государства». Премьер-министром, главой этого «государства» стал монгольский лама хубилган Нэйсэ-гэгэн. Организация «монгольской армии» была поручена атаману Семенову.

От имени своих хозяев он обещал созданному японцами даурскому «правительству» выдать миллион рублей на расходы, а «правительство», со своей стороны, должно было предоставить японскому ставленнику исключительное право на постройку железной дороги в Монголии и на использование ее естественных богатств. Семенов на этой же конференции получил княжеский титул «цин-ван» и был назначен советником высшего ранга при даурском «правительстве».

Благодаря своим родственным связям с бурятским казачеством, хорошему знанию бурятского и монгольского языков, поддержке верхушки казачества, бурятских буржуазных националистов и ламаистского духовенства атаман Семенов за короткий срок сформировал в Забайкалье «дикую кавалерийскую дивизию».

Получив от интервентов огромную материальную помощь, он довел численность своих отрядов (куда входил и бурятский полк) до 10 тысяч человек. На территории Маньчжурии было сформировано «правительство Забайкальской области» во главе с

атаманом Семеновым, вокруг которого стали концентрироваться все контрреволюционные элементы Сибири и Дальнего Востока. Обосновавшись в Чите, Семенов собрал вокруг себя все белогвардейское отребье. В феврале 1920 г. в город вошли остатки каппелевцев, которые но приказу японских интервентов выступили против партизанских соединений Забайкалья, но успеха не добились.

Мощным ударом партизанской армии группа каппелевцев была отброшена из Иркутской губернии и, опасаясь полного уничтожения, отошла за Байкал и далее на восток в Читу, в логово Семенова.

2 марта 1920 г. Красная Армия и партизанские соединения заняли Верхнеудинск.

До октября 1920 г. район Читы вплоть до стыка границ Маньчжурии и Монголии удерживали с помощью японцев семеновские войска. Однако части Красной Армии неотвратимо наступали на Читу с юга и востока, вдоль железной дороги. Японцы и семеновцы вынуждены были спешно эвакуировать свои войска. Сам Семенов удрал на самолете в Маньчжурию.

Из Читы удалось вырваться и семеновскому бронепоезду, который прикрывал остатки отступающих белогвардейских отрядов. Бронепоезд был прекрасно вооружен, с прислугой — более шестисот человек, в основном офицеров и советников из штаба японской армии. Однако бурятский отряд из Агинской волости, возглавляемый коммунистами, сумел взорвать этот бронепоезд.

Ламы, нойоны и промышленники, не успевшие уйти с семеновцами, пытались сопротивляться, но ничто уже не могло им помочь. Помощник атамана Семенова Дугар Тапхаев, потеряв большую часть своих солдат, которые разбрелись по лесам Чикоя и долинам Агинской степи, спешно отходил к границе, но на льду Онона его настигла партизанская пуля.

В Маньчжурии Семенов и его сподручные Бакшеев и Власьевский по заданию японской разведки создали антисоветские организации: Бюро по делам российских эмигрантов, Союз казаков на Дальнем Востоке и другие{45}.

Являясь руководителем белогвардейских формирований в Японии, Маньчжурии и Китае, Семенов был лично связан с вдохновителями агрессивных планов — японскими генералами Танака, Араки и другими — и еще задолго до второй мировой войны участвовал в разработке их планов вооруженного нападения на Советский Союз. Японцы прочили его на роль главы так называемого «буферного государства» после отторжения территории советского Дальнего Востока.

Захватив в 1931 г. территорию Маньчжурии и превратив ее в плацдарм против СССР, японский генштаб начал форсировать подготовку войны против Советского Союза и в связи с этим предложил Семенову активизировать антисоветскую деятельность среди белогвардейских эмигрантов.

Японские интервенты после своего поражения у озера Хасан и на реке Халхин-Гол не отказались, однако, от своих агрессивных устремлений и в 1940 г. разработали новый план нападения на СССР, в котором также не последнее место отводилось белогвардейцам.

В августе 1945 г. Семенов и его помощники были схвачены советскими десантными войсками в Дайрене и городах Маньчжурии.

Г. М. Семенов был задержан при следующих обстоятельствах.

Солдат Жамбалов, бурят по национальности, нес патрульную службу на Чанчуньском аэродроме. В это время на летную площадку приземлился небольшой японский самолет, но летчик почему-то не выключил двигатель. Жамбалов не спеша начал приближаться к самолету. Вдруг оттуда по солдату открыли огонь из автомата. Он, однако, не растерялся, дал длинную автоматную очередь по колесам самолета. В гарнизоне объявили боевую тревогу. Самолет был окружен, в нем оказалось два японских офицера, трое русских и атаман Семенов, которые пытались вылететь в Японию. Семенова узнали.

В 1946 г. состоялся судебный процесс по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атамана Г. М. Семенова, К. В. Родзиевского и других.

Приговор Военной коллегии гласил:

«Предварительным и судебным следствием установлено, что, являясь врагами Советской власти, Семенов, Бакшеев, Михайлов, Власьевский, Шепунов, Ухтомский с самого начала образования Советского государства вели под руководством японских империалистов, сначала на территории Советской России, а затем, находясь за границей, активную вооруженную борьбу против Союза Советских Социалистических Республик, ставя своей задачей свержение советского строя и восстановление капитализма, а подсудимый Семенов еще весной 1917 г. в Петрограде пытался с помощью юнкеров организовать переворот, имея целью арестовать В. И. Ленина и членов Петроградского Совета и расправиться с ними.

Семенов. Родзиевский, Бакшеев, Власьевский, Шепунов, Михайлов, Ухтомский и Охотин на протяжении многих лет вели активную подрывную работу против СССР, являлись платными агентами японской разведки, организаторами и активными

участниками антисоветских белогвардейских организаций, существовавших в Маньчжурии.

Военная коллегия ПРИГОВОРИЛА:

1. Семенова Григория Михайловича… к смертной казни через повешение с конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

2. Родзиевского Константина Владимировича, Бакшеева Лексея Прокопьевича, Власьевского Льва Филипповича, Шепунова Бориса Николаевича, Михайлова Ивана Адриановича… к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им имущества.

3. Ухтомского Николая Александровича, Охотина Льва Павловича… к каторжным работам — Ухтомского на двадцать лет, а Охотина — на пятнадцать лет с конфискацией всего принадлежащего им имущества»[{46}].

* * *

Не менее страшную фигуру в истории борьбы за Советскую власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке представлял барон Роман Унгерн фон Штернберг — правая рука атамана Семенова.

Унгерн происходил из аристократической семьи прибалтийских баронов, добывших себе состояние морским разбоем. Сам барон рассказывал, что его предки «принимали участие во всех легендарных крестовых походах». Один из Унгернов погиб в Иерусалиме, где сражался за освобождение гроба Христа, на службе короля Ричарда Львиное Сердце. В XII в. Унгерны служили монахами в Тевтонском ордене и распространяли огнем и мечом христианство среди литовцев, эстов, латышей и славян.

Один из Унгернов был знаменитым рыцарем-разбойником, наводившим страх на купцов, которых он грабил на больших дорогах. Другой сам был купцом и имел корабли в Балтийском море. «Мой дед прославился как морской разбойник, грабивший английские корабли в Индийском океане. Я сам создал в Забайкалье орден монахов-воинов-буддистов для борьбы с коммунистами»[{47}].

В 1908 г. Унгерн оказался в Забайкалье, а потом в Монголии, где ознакомился с обычаями и верованиями монголов. Затем он попадает в Забайкальский казачий полк. Вот какую «блестящую» характеристику дал ему в то время командир этого полка:

«Есаул барон Унгерн Штернберг… в состоянии сильного

опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира, за что и был отчислен в резерв чинов…»

Унгерн был осужден за драку и попал в крепость, откуда его освободила в 1917 г. Февральская революция. В это время он и становится помощником Семенова по формированию бурятских полков.

А. Н. Кислов пишет: «.. зверски уничтожая коммунистов, партизан, советских служащих и евреев вместе с женщинами и детьми, Унгерн удостоился от атамана Семенова чина генерал-лейтенанта и стал начальником конной азиатской дивизии в его армии в Забайкалье»[{48}].

Начиная с декабря 1917 г. во главе созданной им конной дивизии Унгерн вел непрерывную борьбу с Советской властью. Отделившись от Семенова, по указанию последнего и с одобрения японских интервентов Унгерн в конце 1920 г. двинул свою «конноазиатскую» дивизию, насчитывавшую до 10 тысяч человек (ядро ее составляли восемь сотен забайкальских и оренбургских казаков), в Монголию.

Там в результате вспыхнувшей гражданской войны чало «царство божие богдо-Джебзун-Дамба-Хутухта-хана». «Святой» Хутухта, осуществлявший одновременно и духовную и светскую власть, был заключен под домашний арест, а местные князья и духовенство призвали на помощь белогвардейцев.

Дивизия Унгерна, занимавшая район Борзи и Даурии, вошла в Монголию из зоны, контролируемой японскими войсками. Переход через границу прикрывали сильные отряды семеновцев.

Барон Унгерн, хорошо знавший обстановку в Монголии, играя на национальных чувствах монгольского народа, выдвинул лозунг: «Освобождение страны и восстановление ее автономии». Он сумел запугать богдо-гэгэна, которого насильно привез в свой штаб, и, заручившись его поддержкой, получил непосредственный доступ к богдо-гэгэну. Однажды богдо-гэгэн предсказал ему: «Ты не умрешь. Ты будешь воплощен в высшем существе. Помни это, воплощенный бог войны, хан Великой Монголии!» Это «пророчество» послужило ламам основанием для «обожествления» Унгерна. Он был объявлен земным «воплощением» бога Махакалы (войны и разрушения).

Все это нужно было для того, чтобы объяснить «подвиги» Унгерна «повелениями» высших богов. Богдо-гэгэн выдал ему особую грамоту, в которой восхвалялась деятельность барона, а все его зверства и преступления объявлялись проявлениями божественной воли.

В начале февраля 1921 г. Унгерн захватил столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор) и восстановил богдо-гэгэна на престоле.

Фактически же диктатором в стране стал он сам.

Японские империалисты стремились руками Унгерна не только захватить Монголию, но и превратить ее в плацдарм для нападения на Советскую Россию.

Находясь в Урге, барон налаживает связь с монархистами Монголии, Тибета, Китая. Он собирает семеновцев и колчаковцев, сосредоточившихся на русско-китайско-монгольской границе, пишет воззвания, манифесты. Унгерн не раз клялся в бескорыстии, преданности идеям монархизма и в готовности бороться до последней капли крови за восстановление поверженных царских тронов в любой стране. Он яростно ненавидел революцию и считал своим «долгом честного воина» уничтожать революционеров, к какой бы нации, к какому бы государству они ни принадлежали.

Восстановление Срединной империи во главе с представителем низвергнутой маньчжурской династии — одна из важнейших задач, которые ставил перед собой Унгерн. Для успешного решения этой задачи он вступает в оживленные сношения с деятелями монголо-китайской реакции, с монархистским отребьем, сохранившимся на окраинах бывшей царской России, пытается поразить их воображение «величием» предпринимаемого дела, «предначертанного самим небом».

«Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтающим о борьбе с коммунистами, — писал он, — и когда я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения — преданных и честных людей, я перенесу свои действия в Монголию и союзные с ней области для окончательного восстановления династии Чинов»{49}.

Особенно жестокой была расправа Унгерна с теми, кого он считал своими политическими противниками. «Заняв Ургу, — пишет Д. Батоев, — Унгерн дал право своим солдатам в течение трех дней безнаказанно убивать всех евреев, „подозрительных“ русских и бурят. Среди убитых унгерновцами были и члены революционного комитета русских граждан в Урге: Кучеренко, Гембаржевский и другие, а также врач Цыбиктаров. Палачи придумали им страшную казнь: они были четвертованы..»{50}.

Вождь монгольского народа Сухэ-Батор сказал об этих замечательных людях:

«Они сделали так много для аратской революции, отдали за нее жизни. Больно сознавать, что никогда больше не увидишь добродушной улыбки Кучеренко, горячих глаз Гембаржевского, не пожмешь тонкую смуглую руку Цыбиктарова… Осталось чувство безграничной любви и уважения к бесстрашным сынам русского народа. Память о них сохранится навсегда»{51}.

Зверства барона Унгерна, этого полусумасшедшего садиста, любившего лично принимать участие в пытках и казнях, казались омерзительными даже его собутыльникам. Так, один из офицеров его банды писал: «С наступлением темноты кругом на сопках только и слышен был жуткий вой волков и одичавших псов. Волки были настолько наглы, что в дни, когда не было расстрелов, а значит, и пищи для них, они забегали в черту казарм… На эти сопки, где всюду валялись кости, черепа, скелеты и гниющие части обглоданных волками тел, и любил ездить для отдыха барон Унгерн»{52}.

Кочуя со своими отрядами по монгольским степям, грабя местное население, барон Унгерн 21 мая 1921 г. издает приказ о наступлении против Красной Армии в Сибири.

Отбросив в июне 1921 г. Унгерна от границ Советской Республики в Монголию, части Красной Армии по просьбе образовавшегося Временного народного революционного правительства Монголии двинулись на освобождение Урги. Тем временем Унгерн еще раз перешел границу и бросил свои силы на север Забайкалья, намереваясь прорваться к Сибирской железной дороге, взорвать тоннели и прекратить сообщение на этой важнейшей магистрали. Вполне реальной стала угроза прорыва Унгерна к Мысовой.

В кратчайший срок (из тыловиков и выздоравливающих красноармейцев 35-й стрелковой дивизии и 5-й Кубанской кавалерийской бригады) под началом К. К. Рокоссовского был сформирован и хорошо вооружен (в его распоряжении были даже два орудия) сводный отряд — около 200 конных и 500 пеших бойцов. Часть красноармейцев удалось разместить на подводах. С этим достаточно подвижным отрядом Рокоссовский выступает через хребет Хамар-дабан навстречу врагу и отгоняет его от Мысовой.

Тогда Унгерн повернул по направлению к Новоселенгинску и Верхнеудинску. Однако Рокоссовский успевает прикрыть Всрхпеудинск с юга. Потерпев поражение в боях 5–6 августа от войск Красной Армии, возвратившихся из Монголии, Унгерн едва вырвался из кольца советских частей. Он вновь бежал на юг…

Между тем народно-освободительное движение в Монголии ширилось. Армия во главе с Сухэ-Батором повела успешную борьбу с китайскими милитаристами и белогвардейской бандой Унгерна. Красная Армия 6 июля вступила в Ургу. Тогда и богдо-гэгэн выступил против Унгерна, призывая народ уничтожить этого «распутного вора».

Бойцы Рокоссовского и Щетинкина две недели гнались за унгерновцами по монгольской степи, испытывая жажду и голод,

то отражая атаки, то атакуя, то преследуя остатки унгерновского воинства, и наконец 22 августа 1921 г. юго-западнее горы Урт настигли барона.

Чекисты иод руководством полномочного представителя ОГПУ Сибири организовали захват этого палача: они направили в войска Унгерна агитаторов, которые провели большую работу среди унгерновских солдат. Монгольские цирики, входившие в войска Унгерна, отказались следовать за ним в Западную Монголию, куда он намеревался идти, схватили его, обезоружили и доставили в Новониколаевск.

15 сентября в Новониколаевске (ныне Новосибирск) состоялось открытое судебное заседание Чрезвычайного революционного трибунала по делу Унгерна. Обвинителем выступил Емельян Ярославский.

Унгерн был приговорен к единственно возможному наказанию — смерти.

* * *

Территория Аларского аймака была полностью очищена от белобандитов. Партизанский отряд Баханоаа разместили на отдых в трех улусах: Ллари, Алятах и Шалутах. Командир отряда через Черемхово установил непосредственную связь с Боханским военкоматом и отрядом ЧОНа этого района.

Баханова назначили председателем Аларского ревкома. Его боевые соратники, коммунисты и сочувствующие, стали участковыми милиционерами при сельских Советах. В случае появления в ближайших селениях белых бандитов они должны были возглавить коммунистические и комсомольские боевые отряды.

В те дни меня тоже назначали в патруль. Группой из пяти-шести человек, с оружием в руках, мы ходили по улусу и внимательно следили, не появится ли на его территории кто-либо из посторонних. Баханов, зная повадки белогвардейских банд, несмотря на то что они затаились в таежных дебрях, держал в боевой готовности всех коммунистов, комсомольцев и улусных активистов. При нем постоянно находились комсомольцы-связные.

Петру Усольцеву, аларскому коммунисту, поручали один-два раза в неделю отвозить почту в Черемховский уезд. В распоряжении Усольцева были школьная лошадь и тарантас. Я

возил почту вместе с ним.

Усольцев был неграмотным. Поэтому читать адреса и разносить письма и документы должен был я.

Как-то мы с Усольцевым приехали в Черемхово поздно и остановились на ночлег на постоялом дворе. Здесь мы познакомились с командиром отряда ЧОНа Боханского ревкома В. А. Халтановым; отряд расположился неподалеку от Черемхова. От него мы узнали, что в районе неспокойно. Все белогвардейские банды, изгнанные из Алари, перебрались в таежные районы Бохана, откуда производят налеты на мирные улусы и села.

Отряд Халтанова не раз участвовал в ликвидации этих банд. Большую роль здесь играла пропагандистская работа среди обманутых белобандитами и сотрудничавших с ними жителей бурятских волостей. Так, Халтанову сдался в плен повстанческий отряд Чернова.

Зимой 1920 г. Халтанов вел боевые действия в осинской тайге против бандитов Донского, одного из самых злобных врагов Советской власти в Иркутской Бурятии.

Однажды банда Донского произвела налет на улус Шонтой. Бандиты окружили помещение бывшего волостного правления, где в это время находились коммунисты, выломали окно. Коммунисты начали отстреливаться. Тогда Донской дал команду облить дом керосином и поджечь. Дом запылал. Оставшиеся в живых коммунисты пытались спастись, выпрыгивая из окон, но бандиты беспощадно расстреливали их.

Окончательно удалось уничтожить эту банду только в 1926–1927 гг. А. И. Майоров так пишет об этом:

«Наконец в ночь с 17 на 18 ноября 1923 года Строд разгромил Донского и его отряд на заимке Путинской Усть-Балейской области. Труп Донского был привезен в Каменку, а потом в Евсеево для опознания. Увидев его, односельчане Донского и все, кто его знал, сразу опознали и заявили: „Да, это есть Донской! Собаке собачья смерть!“ Возмездие свершилось…»[53].

Пособники белогвардейцев

В период интервенции белочехов и колчаковцев в Восточной Сибири оживилась и активизировалась деятельность ламаистского духовенства. Лицемерно призывая население и демобилизованных солдат-бурят к спокойствию, ламы и нойоны помогали белогвардейцам преследовать большевиков и сочувствующих Советской власти. Они натравливали бурят на русских, внушая бурятам, что русские несут им несчастья, болезни и падеж скота, что белый русский царь отказался от бурят и теперь наступят тяжелые времена.

В декабре 1918 г. в улусе Тарханут они объявили о появлении хубилганки, т. е. женщины, в которую перевоплотился Будда, На эту роль духовенство вместе с местными кулаками выдвинули шестнадцатилетнюю дочь бедняка Аксинью Баинову.

Во все улусы Западной Бурятии были посланы гонцы с вестью о том, что в молодую девушку улуса Тарханут воплотился Будда.

Слух о появлении «живого бога» распространился очень быстро по всей Западной и Восточной Бурятии. Белочехи и колчаковцы благосклонно отнеслись к этому и даже побывали на пышных приемах эхиритских кулаков и подрядчиков, устроенных в честь «живого бога».

Баинова «являлась» верующим в соответствии со всеми требованиями ламаистского ритуала в желтом шелке, она либо восседала в богато убранном кресле, либо стояла, приняв позу Будды. Подобная пышность производила на верующих бурят большое впечатление. Кроме того, сама хубилганка была недурна собой: рослая, с длинными иссиня-черными волосами, которые ниспадали до колен. У нее были красивые черные глаза и правильные черты лица. Видевшие ее богомольцы уговаривали родственников и знакомых, в свою очередь, посетить «живого Будду».

В улус Тарханут стало стекаться бурятское население со всей округи. Приезжали сюда и из иркутских аймаков, из Западного и Восточного Забайкалья. А некоторые пешком преодолевали десятки и сотни верст.

Илья Васильевич Балдынов, ныне генерал-майор в отставке, вспоминал, как семнадцатилетним юношей по требованию родителей он ходил на поклонение к Банновой. Он шел около трехсот метров до резиденции «живого бога» в одних шерстяных носках, без сапог. Затем поклонился ей и положил на столик серебряные монеты. «Живая богиня» озорно посмотрела на него и улыбнулась. Ей дарили деньги, драгоценности и меха.

В январе 1919 г. по просьбе эхиритских и аларских кулаков и торговцев девушке разрешили посетить Кырменский дацан. Хубилганка прибыла в сопровождении именитых богачей из Эхирита и Алари и своей наперсницы и советчицы Н. А. Михайловой. Дочь крупного подрядчика и кулака, получившая образование в женской гимназии, Н. А. Михайлова приложила много усилий, чтобы поднять популярность Баиновой.

Главные ламы дацана взяли на себя руководство действиями хубилганки. Одновременно с отправкой «живой богини» в Кырменский дацан эхиригские кулаки и местные чиновники послали делегацию в Гусиноозерский дацан Забайкалья, в резиденцию хамбо ламы Нтигелова, главы буддийского духовенства Восточной Сибири.

Итигелов принял делегацию, преподнес ей предметы буддийского культа и направил в Тарханут в помощь Михайловой с целью широкой пропаганды буддийского учения среди бурят ламу О. Цоктоева.

В пышно убранном Кырменском дацане устраивались театрализованные представления, сопровождавшиеся песнями, плясками и играми. Ламы всячески прославляли организаторов празднеств, которые, кстати сказать, не отказывались и от «земных» удовольствий.

Цоктоев был пропагандистом буддизма, но в то же время любил погулять. В доме Михайловой каждый вечер собиралась веселая компания.

Под влиянием кулацко-ламаистской агитации буряты в честь «живой богини» начали строительство Муринского дацана. Во дворе отца хубилганки построили новый дом, где «богиня» принимала паломников.

Иркутские приверженцы шаманизма, те самые, которые в дореволюционное время и слушать не хотели о хамбо ламе, теперь стали переходить в ламаистскую веру. Шаманских идолов снимали с заборов и заменяли ламаистскими белыми флажками, свидетельствующими о том, что в усадьбе проживает буддист. Особенно больших успехов добились ламы в распространении буддизма в улусах, примыкающих к Кырменскому дацану.

До 1923 г. Баннова в качестве послушницы жила при Кырменском дацане. Затем ее увезли в Забайкалье, где хамбо лама определил ее в Ацагатский дацан для прохождения курса тибетской медицины. Вернувшись в 1926 г. в свой родной улус, она стала заниматься врачебной практикой.

В 1919 г. появился хубилган и в Алари. Здесь роль «бога» выполнял бродячий тибетский лама. Со своим помощником он, видимо, перешел из Монголии через Кяхту в Бурятию, а затем

перебрался в Аларь. В окрестных улусах они совершали ламаистские обряды, связанные с изгнанием «злых духов». Эти беглые ламы сохранили ритуальные предметы, сходные с шаманскими атрибутами, поэтому иркутские приверженцы шаманизма не изгнали их, а приняли и разрешили проживать на территории Иркутской Бурятии.

По представлениям верующих, шаманы обладают способностью видеть духов, разговаривать с ними, заставлять их выполнять свою волю. Монгольским ламам приписали даже способность убивать чуткуров (чертей).

Тибетский лама совершал обряды в специальном костюме, увешанном множеством металлических подвесок, блях, цепей, с изображением зверей, людей и птиц. Он бил в бубен, пел и резкими телодвижениями доводил себя до экстаза. Приверженцы шаманизма считали, что в этот момент он общается с духами.

Я однажды присутствовал на подобном обряде. Все действия ламы производили сильное впечатление на окружающих, некоторые верующие даже падали в обморок. К концу обряда лама «приходил в себя» и объявлял, что побывал в мире духов и узнал многое о здешних жителях. В заключение он давал указания, какие надо совершать обряды, каким богам или духам приносить жертвы.

Подобного рода «деятельность» лам и шаманов, основанная на обмане и одурачивании верующих бурят, продолжалась до тех пор, пока Восточная Сибирь не была окончательно очищена от иностранных интервентов н белогвардейцев.

В годы интервенции и гражданской войны в Восточной Сибири японцы, учитывая большое влияние ламаизма на трудящихся бурят, помогли местным буржуазным националистам, нойонам и ламам создать так называемое «панмонгольское государство», которое должно было объединить «всю монгольскую расу под высокой рукой Японии». Ламаистское руководство считало необходимым образовать такое государство, чтобы спасти буддизм от «безбожников-революционеров».

Местные контрреволюционные силы, в свою очередь, создавали марионеточные теократические государства. Так, на территории Забайкалья было создано уже упоминаемое выше так называемое даурское правительство. **В** его состав вошли представители местной знати и лам во главе с Нэйсэ-гэгэном, ламой, привезенным японцами из Внутренней Монголии, где Нэйсэ-гэгэн считался «живым богом».

Другой попыткой было образование теократического государства в Хоринском районе Бурятии, во главе которого был поставлен лама Кижингинского дацана Самдан Цыденов. В

период наибольшего разгула семеновских банд в Бурятии местное кулачество и ламы объявили его «царем трех миров» — «неба, земли и области невидимого». Столицей «царя трех миров» стал Кижингинский дацан, превращенный ламами в ставку местных белых отрядов.

Цыденов, видный лама, в прошлом был включен в состав делегации, направленной на коронацию Николая II, происходившую в 1896 г. в Петербурге. Он был награжден царскими медалями и пользовался особым доверием и покровительством губернского начальства. Среди местного населения лама Цыденов славился как пьяница и развратник.

В период создания теократического государства ламами была проведена религиозная обработка верующих. Они распространяли слухи о том, что Цыденов в награду за свою «святую» жизнь превратился в бога. В апреле 1919 г. Цыденов, будто бы следуя «повелению» богов, официально объявил себя «живым богом», а выдвинувшая Цыденова местная контрреволюционная организация кулаков и лам выработала «Основные законы теократического государства» и его «конституцию», суть которой сводилась к установлению неограниченной власти лам и кулаков. В «конституции» говорилось прежде всего о том, что верующие ламаисты — подданные «царя трех миров», а лама Цыденов — их духовный и светский царь-господин, поставленный самим Буддой.

На основании этой же «конституции» были выбраны из местных лам и богачей министры теократического государства. Цыденов, однако, не мог рассчитывать на поддержку местного населения. Все это теократическое государство с царем и целым штатом министров объединяло лишь несколько селении — там, где была особенно сильна власть кулачества и лам. Никакого массового теократического движения, конечно, не возникало. Это была лишь попытка местной контрреволюционной группы захватить власть в свои руки, опираясь на помощь интервентов.

«Теократы» еще до формального объявления ламы Цыденова «царем» вели борьбу против революционного движения, призывая истреблять всех сочувствующих Советской власти, а особенно партизан. Они всячески старались вовлечь верующую молодежь в организуемые ими военные отряды, деятельность которых сводилась главным образом к налетам на селения, не выполнявшие приказы «теократов». Расправа над мирными жителями давала ламам немалый доход, так как все их имущество поступало в собственность карателей как военная добыча. Наиболее распространен был в теократическом государстве своеобразный способ грабежа верующих с помощью так называемых *аборалов* (предсказаний) ламы Цыденова. Чтобы

получить «предсказание», надо было преподнести Цыденову *мандал* — блюдо, полное денег. Эти деньги собирались со всех верующих; кто не имел денег, должен был платить свою часть пожертвований скотом или другим имуществом. Отказ от участия в аборале мог повлечь за собой гнев лам. «Предсказания» Цыденова носили ярко выраженный классовый характер.

В одном из «пророчеств» говорилось, что буряты должны откочевать в Восточную Монголию. Ламам удалось организовать довольно значительную перекочевку бурят за границу из Агинского, Хоринского, Еравнинского, МухоршибирсКого аймаков в Восточную Монголию. Произошло переселение бурят из Селенгинского, Кяхтинского, Закаменского и Джидинского аймаков в Селенгинский аймак в Монголию. Кочевала главным образом зажиточная часть населения: кулаки, нойоны, а также попавшие под их влияние буряты-кочевники. Вместе с этими людьми в Монголию отправились и некоторые ламы. Дацаны, построенные ими там, в течение длительного времени были центром антисоветской деятельности в Монголии.

В 1920 г. в Агинском аймаке ламы и националисты организовали названное по месту его возникновения «борзинское движение», направленное против создания Бурятской автономной республики. Ламы заставляли верующих перекочевывать в Китай (в Маньчжурию). Это движение, зачинателями которого были ламы Цугольского дацана, также имело ярко выраженный контрреволюционный характер.

Ярослав Гашек в Политотделе 5-й армии

Разгромив интервентов и колчаковцев в Сибири, 5-я армия вошла в Иркутск. Здесь расположился ее штаб и Политотдел.

Заместителем начальника Политотдела и начальником его Интернационального отделения был автор всемирно известного романа «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослав Гашек.

Б. С. Санжиев в своей книге «Ярослав Гашек в Восточной Сибири» (Иркутск, 1961) рассказывает об активном участии Гашека в ликвидации колчаковщины и укреплении Советской власти в Восточной Сибири. Гашек, последовательный интернационалист, сторонник братского содружества народов Советской России и Чехословакии, был членом Иркутского городского Совета, членом президиума Чехословацкой секции при Иркутском губкоме партии.

Гашек как-то выступал в Народном доме в Черемхове. Мой земляк Олзой Шагдыров присутствовал на этой встрече и рассказывал мне о нем. Гашек был очень скромным. Он не подчеркивал своего высокого положения в армии, и мало кто знал тогда, что это — знаменитый писатель.

В жизни бурятского народа в те дни происходили крупные события. Сплочение бедняцких и середняцких масс крестьянства вокруг Советской власти вызвало обострение классовой борьбы. Остатки белогвардейско-националистических банд все еще совершали налеты на улусы, убивали коммунистов и работников сельских ревкомов, грабили население.

В докладе Политотдела 5-й армии за июнь 1920 говорилось, что Интернациональное отделение ведет работу среди бурятского населения, но эта работа связана с трудностями из-за отсутствия агитаторов и инструкторов, владеющих бурятским языком, а также литературы на нем.

Ознакомившись с состоянием нолитмассовой работы среди бурятского населения, Гашек предложил издавать газету на бурятском языке. Его поддержал М. И. Ербанов, один из организаторов большевистской партии в Бурятии. В то время М. Н. Ербанов являлся членом губкома РКП (б).

Гашека назначили редактором первой советской газеты на бурятском языке (из Москвы были получены шрифты), и он, хотя был загружен другими делами, взялся за это поручение со свойственной ему энергией. Гашек при создании газеты столкнулся с большими трудностями. Прежде всего отсутствовали переводчики на бурятский и монгольский языки, не говоря уже о журналистах и других сотрудниках, знакомых с

постановкой газетного дела.

Гашек старался привлечь к работе по изданию газеты специалистов-переводчиков.

В связи с этим руководимый им аппарат Интернационального отделения Политотдела 5-й армии был пополнен инструкторами-агитаторами бурятами Д. Дамдинцыреновым, А. Маркизовым и И. Тунухановым.

Дава Дамдинцыренов, член РКП (б) с 1919 г., работавший в Политотделе 7-й кавалерийской дивизии 11-й армии Кавказского фронта, приехал в конце августа 1920 г. в Иркутск в распоряжение Политотдела 5-й армии и был сразу же зачислен в резерв политработников.

Ардан Ангадыкович Маркизов — коммунист с 1920 г. После окончания сибирских шестимесячных курсов командно-политического состава работал сотрудником оргинструкторского отдела Иркутского губкома РКП (б) и затем в августе 1920 г. был также откомандирован в распоряжение Интернационального отделения Политотдела 5-й армии.

Гашек получил указание от ЦК РКП (б) подобрать переводчика на бурятский язык на месте. Он решил привлечь для цели Иннокентия Ивановича Тунуханова, в прошлом делегата Учредительного собрания, в то время жившего в Алари.

Националисты и эсеры Алари старались перетянуть Тунуханова на свою сторону, так как Иннокентий Иванович был очень популярен в бурятских улусах. Поэтому они в свое время и выдвинули Тунуханова делегатом в Учредительное собрание, рассчитывая иметь своего сторонника среди крестьянства Бурятии.

Получив задание разыскать Тунуханова, в Аларский ревком прибыл Маркизов.

…Утром по лестнице дома, где находился ревком, поднимался ладно скроенный молодой бурят небольшого роста в темно-коричневой кожанке с новыми, хрустящими ремнями. Это и был Маркизов. Как раз в это время я выходил из ревкома и, скатившись с лестницы, чуть было не налетел на гостя.

— Стой! Куда бежишь? — спросил приезжий. — Ты комсомолец?

Я утвердительно кивнул, а затем рассказал, что ревком поручил мне составить список домохозяев, у которых имеются излишки хлеба.

— Ну-ка, комсомолец, давай поговорим о деле, — сказал Маркизов.

Мы вышли во двор бывшей управы, сели на широкую сосновую скамью. Разговор шел о Тунуханове. Маркизов попросил

помочь найти его.

От родственников я знал, что Тунуханов находится в улусе Улзетуй. Мне дали коня, и я отправился к Тунуханову. Узнав о цели моего приезда, он обрадовался и пригласил меня в дом.

Под вечер мы тронулись в Аларь: Тунуханов — на своей бричке, запряженной пегим мерином, я — на верховой лошади Маркизова.

Через час остановились у ворот ревкома. Маркизов пригласил Тунуханова в кабинет. Говорили они долго.

Вскоре Маркизов и Тунуханов выехали в Иркутск. Тунуханов был зачислен на должность инструктора-агитатора Интернационального отделения н стал заниматься переводом материалов для бурятской газеты «Ур».

В первом номере от 7 августа 1920 г. была опубликована статья А. Маркизова «Трудящаяся беднота бурятского народа». Специально для этой газеты Гашек тоже написал несколько статей. В письме своему товарищу, чеху Салату, от 17 сентября 1920 г. Гашек сообщал:

«Пишу все статьи, Не пугайтесь, не по-монгольски, по-русски — у меня есть переводчики».

В бюллетенях Политотдела за август 1920 г. подготовке первого номера газеты «Ур» придавалось большое политическое значение. Печаталась она на монгольском и русском языках тиражом 2500 экземпляров.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграл Ярослав Гашек, работая в газете «Ур» и занимаясь выпуском литературы на бурятском языке, учитывая огромную тягу трудящихся масс к партийной и советской литературе, к культуре и просвещению, интерес ко всему новому и передовому, рожденному революцией. В конце ноября 1920 г. Ярослав Гашек уехал на родину.

После отъезда Гашека из Иркутска Тунуханов получил направление на работу в первую аларскую советскую школу II ступени. Партячейка в улусе встретила его дружески. Тунуханов привез из города подшивку газеты «Ур». Обращался он с газетами очень бережно, осторожно их складывал и прятал после того, как давал кому-нибудь почитать.

Тунуханов любил молодежь. Летом мы ходили с ним купаться на реку Голуметь. Подолгу беседовали. Учитель рассказывал нам о своей работе в газете, об Иркутске, о Гашеке, о его скромности, манере говорить просто и понятно о самых сложных вещах. Он советовал нам, молодым, разъясняя политические вопросы, брать пример именно с таких прирожденных пропагандистов, как Гашек.

Последние бои

Наступил 1922 год. Многие наши комсомольцы уехали из Алари в различные районы губернии — кто на учебу, кто на работу.

Почти во всех улусах ячейки РКСМ выросли количественно за счет приема в комсомол улусной молодежи, детей бедняков и середняков. Значительно выросла аларская комсомольская организация. В нашей ячейке Анатолий Махачкеев и я стали уже ветеранами.

В Аларский ревком, школу и советские учреждения пришли новые кадры. Из первых коммунистов в Алари остались школьный сторож Петр Усольцев, заведующий медицинским пунктом Антон Назаров и кооператор Соктон Дармаев.

В Черемховском уезде стало спокойнее. Остатки разгромленных бандитских отрядов укрылись в тайге и не проявляли особой активности. Но учеба в отрядах ЧОНа продолжалась. Все коммунисты и комсомольцы были вооружены. Аларь охранялась силами волостной милиции и активистов, да и все население готово было по первому зову выступить против бандитов.

Как-то в январе к Петру Усольцеву приехал в гости его старый друг и однополчанин. Они пригласили меня пойти с ними на охоту. В то время вокруг таежных селений развелось много зверья и птицы. Местные охотники боялись бандитов и не выходили в одиночку на промысел.

Организацию и сбор голуметских охотников взял на себя друг Усольцева, аларских — мы. Три охотника из Голумети, бывалые партизаны, захватили с собой винтовки, а Усольцев — винтовку и пистолет.

Собирались поохотиться на зайцев, глухарей и косуль. Мы выехали в направлении села Яньга. Дорога туда проторенная, ехать верхом легко. По пути решили попытать счастье и утром соорудить загон на косуль. На ночлег свернули в таежную заимку. Ночью ударил сильный мороз. Я пристроился на печи, как раз напротив окна, выходящего во двор. Отсюда было слышно все, что делается на улице. Услышав конское ржание, я вышел посмотреть свою лошадь. Подбросив корм коню, направился в избу. Только взошел на крыльцо, слышу скрип саней. Обернулся и вижу: по дороге, ведущей в Яньгу, тянется большой обоз. Кто бы это мог быть? Таежники… Но обоз слишком велик. «Бандиты… удирают в Монголию», — подумал я.

Бегом бросился в избу, бужу Усольцева. Но тот спросонья

обозвал меня паникером. Я разозлился, вернулся на свое место на печи и вскоре задремал.

Проснулся от конского топота. Спрыгнул с печи и опять бужу Усольцева. В этот момент открылась дверь, с улицы хлынула волна холодного воздуха. В дверном проеме — дула винтовок. Раздался окрик:

— Руки вверх!

Усольцев с наганом встал за печкой, остальные укрылись за лавками.

Через открытую дверь в избу порвались вооруженные люди. Среди них я узнал молодого человека, который приезжал к нам в Аларь месяца два назад проверять, как идет учеба в ЧОНе. Я крикнул с печи:

— Анатолий, мы — свои, из Алари!

Раздался хохот и возгласы:

— Черти! Своих не узнаете!

Потом выяснилось, что это отряд из Черемхова преследует банду, уходящую по яньгинской дороге в сторону Монголии.

Усольцев решил присоединиться к нему. Отряд из шестидесяти бойцов пополнился двадцатью семью охотниками.

На наших лошадей посадили бойцов, а мы пересели в сани. Меня назначили старшим «санного воинства». Началось преследование.

Банда в это время вступала в Яньгу, расположенную в большой котловине между тайгой и рекой. Через село проходила дорога в сторону Саянских гор и далее в Монголию, куда бандиты и направлялись.

Командир нашего объединенного отряда принял решение окружить село с трех сторон. Шестьдесят кавалеристов во главе с командиром поскакали в обход, чтобы перекрыть дорогу. Дорогу на окраине села было поручено охранять нам, охотникам. Мы должны были имитировать атаку в то время, когда кавалеристы прорвутся в село.

Из засады было слышно, как белые свирепствуют в центре села. Пылала изба, раздавались глухие винтовочные выстрелы, плач, женский крик. Мы двинулись цепью по открытой местности. Дойдя до крайних изб, залегли в снег, ожидая сигнала кавалеристов.

Наконец с противоположной стороны села послышалась сильная стрельба. Охотники также открыли огонь. Словом, шума наделали много. Преследуемые кавалеристами, бандиты бросились в тайгу.

В Яньге мы увидели страшную картину: на крыльце сельского ревкома лежал убитый старик, а чуть дальше — командир

местного отряда ЧОНа. По обе стороны улицы горели дома. В одном из них мы обнаружили раненого. Этот человек один принял бой с бандитами, забаррикадировавшись в избе.

Бандиты бросили обоз с добром. Мы обнаружили до полусотни саней, груженных говяжьими и свиными тушами, мукой, сахаром, промышленными товарами.

После боя отряд собрался в центре села. Страсти понемногу улеглись. По приказу командира отовсюду стали стаскивать сани и кошевки к площади у сельревкома. Произвели учет захваченных трофеев.

В это время из тайги выехали двое верховых: один — на гнедой лошади в тулупе монгольского покроя, другой — небольшого роста, в солдатской шинели и шапке.

— Бандиты!

В этот миг раздались винтовочные залпы. Это наши бойцы открыли огонь по бандитам. Вскоре выстрелы прекратились. Стало тихо. Подойдя поближе, мы увидели, что бандиты мертвы. В стычке мы не потеряли ни одного человека, уцелели и все наши лошади.

Поздно ночью мы вернулись в Аларь с охотничьими трофеями. Я приволок домой половину туши косули. В наш дом потянулись гости, тем более что по улусу разнеслась весть о разгроме банды. На меня смотрели с уважением, как на участника разгрома последней белой банды в Черемховском уезде.

Под мощными ударами Красной Армии в сентябре 1920 г. японские интервенты были выброшены из Читы, а в середине октября 1920 г. — со всей территории Забайкалья и Дальнего Востока.

После разгрома колчаковщины и белобандитских отрядов на территории Иркутской губернии наступила мирная полоса. Коммунисты, участники партизанского движения в Иркутской губернии, передовые люди понимали, что жить по-старому нельзя, необходимо строить мир так, как учил В. И. Ленин.

На Втором Всероссийском съезде Советов в докладе «О земле» Ленин призвал крестьян вместе с коммунистами искать новые формы строительства жизни. И когда появились первые коллективные хозяйства, он немедленно поддержал этот почин крестьян. Уже в январе 1918 года В. И. Ленин подписал закон, который обязывал органы Советской власти содействовать развитию коллективных хозяйств, как экономически более выгодных, предоставляя им преимущества перед единоличными хозяйствами.

И вот десять коммунистов деревень Елань и Вельская Черемховского уезда взялись за претворение на практике

указания вождя. В августе 1920 года на земле, отведенной Ангарским райкомом партии, в 15 километрах от улуса Аларь, появилась коммуна «Идеал», объединившая более 20 дворов хозяйств бедняков, середняков и батраков. (Сейчас коммуна «Идеал» стала совхозом).

Труженики этих бурятских районов дружелюбно и сердечно приняли коммунаров «Идеала». Впоследствии коммуна стала кузницей кадров для Аларского района Ее так тогда и называли. Именно отсюда вышли в дальнейшем руководители первых колхозов, первые партийные и советские работники в районе.

Создавали «Идеал» коммунисты — Ф. Л. Иванов, А. А. Кобелев, М. Г. Батурин, П. П. Лохов, Г. К. Слесарев, А. П. Змановский, И. А. Кобелев, Н. М. Чернышев, А. В. Змановская. Они сразу же развернули большую работу по пропаганде и агитации коллективного хозяйства, призывали к организации сельскохозяйственных коммун, артелей, товариществ по обработке земли.

На отведенном участке земли с невиданной энергией и энтузиазмом коммунары взялись за строительство новой жизни. Дружба между русскими и бурятами приобрела новые грани.

Коммунисты большое внимание уделяли идейному воспитанию коммунаров. Поскольку в Аларском районе еще свирепствовали остатки банд разгромленных белых офицеров Донского, Развозжаева и других, в коммуне был создан вооруженный отряд. Случалось, что коммунарам приходилось помогать с оружием в руках коммунам в улусе Куйга или в селе Нарены обороняться от белобандитов.

Коммунары «Идеала» построили дома, столовую, скотные дворы. Появилась колбасная, кожевня (где выделывались кожи и сбруя), свинарник на сто голов. На прославленных конных заводах России закупили орловских рысаков, был заведен породистый племенной скот. В быту коммунаров возникли новые обычаи, обряды. Молодежь окружающих сел и улусов тянулась к коммуне.

Многое делалось в коммуне для воспитания детей: создали детсад, пригласили учителя, сняли дом в Кутулике для общежития приезжающих на учебу. Коммунаров отправляли на курсы в Черемхово и другие города для повышения образования.

С 1935 г. коммуна была преобразована в колхоз «Идеал». Самым важным качеством коммунаров были мужество и стойкость, позволившие отстоять и приумножить то, за что они боролись в 1920 г. Коммуна явилась школой социалистического переустройства деревни.

Изгнание белогвардейцев и иностранных интервентов из

Восточной Сибири открыло широкие перспективы для советского строительства и освобождения части Бурятии. Трудящиеся, русские и буряты, горячо поддерживали все мероприятия Советской власти.

Незадолго до полного освобождения Сибири от колчаковщины, 18 августа 1919 г., ВЦИК и СНК опубликовали за подписями М. И. Калинина и В. И. Ленина обращение к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири. В нем еще раз подтверждались принципы национальной политики, право коренных народов края на самоопределение в соответствии с их волей и желанием.

X и XII съезды партии разработали конкретную программу решения национального вопроса в стране, в том числе государственного устройства народов России. Эта программа неуклонно и последовательно проводилась в жизнь. Торжеством ленинской национальной политики явилось образование единого многонационального государства — Союза ССР.

12 сентября 1923 г. Президиум ВЦИК утвердил «Положение о государственном устройстве Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики», определившее государственно-правовой ее статус.

4–9 декабря 1923 года состоялся I съезд Советов Бурят-Монгольской АССР, который избрал ЦИК Б-МАССР во главе с председателем М. И. Амагаевым. Было образовано правительство республики — Совет Народных Комиссаров Б-МАССР под председательством М. Н. Ербанова.

Делегаты съезда с огромным воодушевлением послали приветственную телеграмму В. И. Ленину. Владимир Ильич был тогда уже болен. В телеграмме говорилось: «Первый съезд от имени трудящихся молодой Бурятской республики приветствует великого вождя пролетариата и коммунистической революции, дорогого Ильича, выражает непоколебимую уверенность, что в недалеком будущем ты снова появишься на посту советского корабля в роли кормчего трудящихся масс угнетенных народов в борьбе за великие идеалы коммунизма». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1958 г. Бурят-Монгольская АССР была переименована в Бурятскую АССР{54}.

Годы учёбы и военных испытаний

От совпартшколы до университета

В 1923 г. я стал секретарем комсомольской организации. Это было время новой экономической политики В Черемхове, Иркутске и других районах Сибири нэпманы открыли магазины, лавки, лотки. Появились разной рода купцы, спекулянты; среди них много бывших колчаковцев. В их руках оказались иркутские и черемховские базары и барахолки. Как грибы после дождя выросли игорные дома, трактиры и другие подобные заведения. В больших селах вроде Бажеевки, Голумети, Алари открылись магазины Семеновых, Деревневых и Завьяловых.

В Алари усилилось влияние кулаков, нойонов, бывших царских чиновников и белогвардейцев на улусную молодежь. К сожалению, партийная и комсомольская организации тогда в силу ряда причин были довольно слабыми. Мы не умели еще проводить массово-политические мероприятия на достаточно высоком уровне. Все коммунисты — создатели парторганизации в Алари тогда находились на руководящей партийной работе в разных районах Иркутской области.

Под руководством и при помощи Центрального Комитета партии Бурятский обком развернул тогда большую работу по подготовке и воспитанию партийных кадров, главным образом из числа коренного населения. Значительное число представителей Бурятии было на правлено на учебу в коммунистические университеты, совпартшколы, техникумы. Я попросил направить меня учиться в совпартшколу в Иркутск, и моя просьба была удовлетворена.

Впервые в жизни я попал в большой город. Совпартшкола помещалась тогда в здании бывшей Иркутской женской гимназии. При входе мне загородил дорогу парень с красной повязкой на правом рукаве, на вид чуть постарше меня:

— Ты куда?

Я объяснил, что приехал по путевке райкома комсомола Алари на учебу.

Дежурный сказал:

— Третья дверь направо по коридору, спросишь товарища Аксаментова.

Я нерешительно открыл дверь указанной комнаты и сказался в кабинете секретаря приемной комиссии совпартшколы. Он взял у меня документы и дал направление в общежитие.

Комната, куда меня поселили, была большая; все семь коек стояли вдоль стен, посередине — длинный стол. Стульев не было, но зато вокруг стола стояли четыре большие скамейки, а возле

коек — массивные табуреты.

На одной кровати лежал молодой человек в шинели и сапогах, вокруг валялись окурки. Вся комната была заполнена сизым табачным дымом. Увидев меня, человек поднялся с кровати и протянул мне ключ от комнаты.

— Можешь хозяйничать здесь, — сказал он. — Смотри, на две свободные кровати не пускай без направления.

Сказав это, он вышел.

Так началась моя курсантская жизнь. На другой день, рано утром, в комнату вошел парень с деревянным ящиком в руке. Я не поверил своим глазам — передо мной стоял Василий Басаев, наш аларский комсомолец. Оказалось, Аларский айком комсомола вслед за мной направил на учебу и его.

Сразу же поднялось настроение: все-таки в таком большом городе вдвоем жить веселее. Через пару дней в комнате уже обитало четверо русских и три бурята — двое из Алари и один боханский. Всех троих нас зачислили в одну группу. Начались занятия.

Русский язык преподавал пожилой учитель, который на первом же уроке дал нам самостоятельную работу. После просмотра наших работ он сказал, что нам нужно очень серьезно заняться грамматикой и синтаксисом.

Помимо русского языка мы стали изучать современную политику, экономику, историю, географию. Занятия шли напряженно. За год мы должны были окончить школу. Целые дни работали в классах, а вечерами еще занимались дополнительно. Кроме того, в школе проводились военно-строевые занятия.

Иркутск произвел па меня большое впечатление. Весной, когда потеплело, я стал посещать Иркутский краеведческий музей и слушать там популярные лекции по истории города.

Первым историческим памятником, с которым я по знакомился в Иркутске, был дом, где с 4 по 11 июня 1890 г. останавливался Антон Павлович Чехов проездом на Сахалин.

Чуть позднее с экскурсией от Иркутского музея я побывал во многих интересных местах, ознакомился с достопримечательностями города. Так, я видел знаменитый «Белый дом», резиденцию генерал-губернатора, где, как я уже рассказывал выше, во время декабрьского мятежа белых юнкеров в 1917 г. оказал им сопротивление небольшой отряд красногвардейцев и солдат во главе с П. Постышевым, Я. Шумяцким и другими большевиками. Показывали нам и дом бывшего купца Второва, где 14 июля 1917 г. выступали выдающиеся деятели большевистской партии Е. Ярославский, Г. Орджоникидзе и Г. Петровский.

В начале 1924 г. состоялся выпускной вечер. Мы получили удостоверения об окончании Иркутской совпартшколы.

На другой день с утренним поездом я выехал в распоряжение Аларского айкома РКП (б). Оттуда меня отправили домой, в Аларь, в помощь секретарю парторганизации Усольцеву. Мне, как окончившему Иркутскую совпартшколу, поручили ведение партийных дел. Вскоре в Аларь был откомандирован представитель айкома РКП (б) В. М. Старорусский.

В это время меня приняли кандидатом в члены РКП (б), затем избрали председателем кресткома и заместителем председателя сельского Совета.

В 1926 г. я был принят в члены ВКП(б) и с августа этого же года начал работать секретарем Аларской парторганизации.

В Алари тогда активно действовал комитет бедноты, были организованы курсы для батраков, которыми руководил я. Занятия на курсах кроме меня вели В. М. Старорусский и учителя школы.

Большое значение в партийной работе имели тогда отчетно-выборные собрания кредитных обществ и потребительских кооперацій. К этим собраниям мы готовились серьезно.

На очередных выборах правления потребкооперации Старорусский от имени айкома и айисполкома рекомендовал меня председателем правления.

В 20-е годы в Бурятии среди партийных, комсомольских работников и государственных служащих — выходов из рабоче-крестьянской среды особенно остро ощущалась необходимость партийно-политического образования. Местное партийное руководство прекрасно поникло всю важность для Бурятии лозунга В. И. Ленина, призывавшего учиться, учиться и учиться, который как первоочередную задачу восприняла тогда вся страна.

Преодолевая трудности, связанные прежде всего с недостатком пропагандистских кадров и политической литературы, особенно на бурятском языке, обком партии неуклонно расширял сеть партийного просвещения. В условиях разбросанности и малочисленности партийных организаций наиболее распространенной формой политической учебы деревенских коммунистов и беспартийных стала передвижная школа политграмоты. Одна такая школа охватывала коммунистов, проживающих в районе радиусом пятнадцать-двадцать, а то и более километров. За учебный год передвижная школа давала три-четыре выпуска и, таким образом, обслуживала три-четыре волости.

Передвижные школы политграмоты были призваны закладывать основы политических знаний, пропагандировать

произведения В. И. Ленина, пробуждать интерес к книге и газете.

Большую роль в подготовке кадров сыграла открытая в 1924 г. в Верхнеудинске Бурятская совпартшкола. Она превратилась в подлинную кузницу знаний для низовых партийных и советских работников. Подготовка кадров проводилась также через краткосрочные курсы, организованные Бурятским областным комитетом партии.

В июле 1925 г. я был утвержден Бурятским обкомом партии штатным пропагандистом и вызван в Верхне-Удинск на двухмесячные курсы партийных пропагандистов. Слушатели изучали историю революционного движения, историю ВКП(б), методику агитационной и пропагандистской работы. Кроме того, нам читались обзорные лекции по истории и экономике Бурятии.

Лекции читали ответственные и руководящие работники республики, такие, как секретарь обкома М. М. Сахьянова, председатель Совнаркома М. П. Ербанов и другие.

По окончании курсов я был направлен на работу заведующим передвижной школой политграмоты обкома партии и с 1925 по 1928 г. руководил ею в двух аймаках — Эхирит-Булагатском и Аларском.

Одновременно с этим по поручению айкомов партии, в частности Аларского айкома ВКП(б), в качестве штатного инструктора я принимал участие в проведении партийно-комсомольских собраний в русских и бурятских селениях, на которых обсуждались и принимались решения по вопросам партийного строительства, подъема и социалистического переустройства хозяйства, культурно-бытовой и антирелигиозной работы. Массовая агитация проводилась тогда главным образом на общих собраниях, митингах, сельских сходах и т. д. По мере укрепления партийных ячеек аймака, оживления, деятельности клубов, изб-читален, библиотек и других массовых организаций трудящихся агитационная работа стала сосредоточиваться непосредственно в партячейках, которые проводили ее в своей повседневной деятельности, опираясь на широкие круги трудящихся.

Поднятию уровня агитационно-пропагандистской работы среди русского и бурятского населения Аларского аймака в значительной мере способствовали выпускники передвижной школы политграмоты, а их насчитывай лось в 1927 г. по аймаку 210 человек — коммунистов и комсомольцев, которые в основном возглавляли сельские Советы, кресткомы, кооперации и различные хозяйственные организации, а также являлись секретарями партийных и комсомольских ячеек.

Мне как руководителю школы политграмоты приятно было

видеть, что мои ученики стали активными пропагандистами, развернули большую работу в Аларском и других аймаках. Я неоднократно выступал на учительских конференциях и сельских сходах по вопросам культурного и хозяйственного строительства Бурятии.

Партийно-советский актив, интеллигенция, хозяйственные работники аймака с большим интересом изучали историю революционного движения Бурятии, Иркутской губернии и Забайкальской области, так как Бурятия до революции не представляла собой единой административной и территориальной единицы: западная ее часть входила в состав Иркутской губернии, а восточная — Забайкалья.

При Аларском айкоме был создан консультационный пункт во главе с первым секретарем Аларского айкома Д. Д. Доржиевым и Председателем аймачного исполкома Я. Т. Похосоевым. Теперь агитаторы и пропагандисты получили методические разработка. Занятия проводились по темам: 1) возникновение и развитие социал-демократического движения на территории Бурятии. Февральская буржуазно-демократическая революция; 2) партия большевиков в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Бурятии; 3) большевистские организации Бурятии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны; 4) бурят-монгольская партийная организация в годы восстановления и начала социалистического переустройства народного хозяйства.

В августе 1928 г. по решению секретариата Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) я был откомандирован па учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), в Москву.

В поезде я познакомился с молодым якутом Михаилом Говоровым, который тоже ехал в Москву на учебу в КУТВ. Я считал, что неплохо разбираюсь в политических вопросах, но после бесед с Говоровым по различным проблемам политики, истории, культуры и искусства понял, что мои знания пока еще ничтожны, мне необходимо еще учиться и учиться.

Разговаривая с Михаилом, я даже выразил удивление, зачем ему ехать учиться, — он и так столько знает.

— В КУТВе, — объяснил он, — я хочу получить марксистско-ленинское образование, пополнить свои знания философии, а кроме того, познакомиться с достопримечательностями городов Москвы и Ленинграда, их памятниками истории, культуры, искусства и зодчества. Собираюсь немало времени уделить и архивам, музеям, библиотекам.

Общежитие КУТВа, куда меня устроили, находилось тогда на Тверской улице, в доме № 53. Я был принят в университет на

основной сектор. Учились мы в четырехэтажном здании в Малом Путинковском переулке, где размещался учебный корпус КУТВа.

Коммунистический университет трудящихся Востока был подлинной кузницей кадров. Его организация началась с создания в 1920 г. при Университете им. Я. М. Свердлова трехмесячных курсов подготовки кадров для национальных областей. Но потребность в таких кадрах была настолько велика, что этой меры оказалось недостаточно.

В начале 1921 г. ЦК. РКП (б) принял решение об организации при Наркомате национальностей восточных курсов. 21 апреля 1921 г. Постановлением ВЦИК эти курсы были реорганизованы в Университет трудящихся Востока при Наркомнаце для подготовки политработников и советских работников из среды трудящихся разных национальностей. Преподавание должно было вестись на родных языках. Это было своеобразное учебное заведение, не обычный университет, а повышенного типа партийная школа, имеющая цель подготовить партийных работников для восточных окраин.

Уже в сентябре 1921 г. в университете было около 600 учащихся — представителей свыше пятидесяти национальностей.

История еще не знала подобного рода учебных заведений. Из тундры и тайги далекой Якутии, с гор Кавказа, из Средней Азии съехались представители народов, вчера еще угнетенных, а сегодня строителей новой жизни. Университет явился подлинным детищем Октября, конкретным воплощением в жизнь ленинской национальной политики.

Подготовка принятых в университет была самая разнообразная: от лиц с высшим образованием (их было только четыре человека) и до совсем неграмотных. Подавляющее большинство окончило лишь начальные школы (273 человека). Сначала был установлен семимесячный курс обучения. Задача сводилась к тому, чтобы в такой минимальный срок дать основы марксизма-ленинизма и подготовить людей для работы в партийных организациях и Советах депутатов трудящихся.

Сложность заключалась еще и в том, что почти не было преподавателей — членов партии, владеющих национальными языками.

Были созданы языковые секторы: горно-дагестанский, азербайджанский, фарсидский, интернациональный, тюркский. Весь остальной студенческий состав в зависимости от подготовки был включен в основной сектор — в лекторскую группу для подготовки руководителей кружков и в семинарскую группу, состоявшую из наиболее квалифицированных товарищей. За первый год работы университет окончило около тысячи человек.

До 1929 г. КУТВ работал как государственный университет. С 1929 г. он стал функционировать в системе общественной организации Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем.

Ко времени начала моей учебы в КУТВе он превратился в громадный учебный комбинат. На основном курсе был установлен трехгодичный срок обучения.

Учебный план университета включал в себя общеобразовательные дисциплины (родной и русский язык, география, физика, химия, биология, математика), социально-экономические дисциплины (история ВКП(б), древняя история, история средних веков, новая история, история колониальных и зависимых стран, история народов СССР, экономическая политика, политическая экономия, экономическая география, история Коминтерна, диамат, ленинизм), специальные предметы (курс Ближнего Востока, партийное строительство и Конституция СССР, текущая политика, военная подготовка) и агротехнические дисциплины.

В программы по социально-экономическим дисциплинам были включены проблемы, освещающие революционное движение в колониальных странах Востока и особенности строительства социализма в национальных республиках.

Важным звеном учебно-воспитательной работы являлась практика студентов на предприятиях как Москвы, так и национальных республик. На фабриках и заводах мы знакомились с методами работы партийных организаций и принимали непосредственное участие в их деятельности.

Дипломная работа писалась главным образом на темы, связанные с историей или экономикой своей республики.

В 1932 г. я окончил КУТВ и был направлен на работу в аппарат ЦК ВКП(б).

Грозные дни Великой Отечественной…

Накануне войны я работал старшим научным сотрудником Центрального антирелигиозного музея СССР.

Руководителем Союза воинствующих безбожников и Центрального антирелигиозного музея СССР был в то время Емельян Михайлович Ярославский{55}.

С глубокой признательностью вспоминаю о Емельяне Михайловиче. Мое знакомство с ним началось еще в те времена, когда я на общественных началах возглавлял совет Союза воинствующих безбожников Бурятии. Ярославский был человек большой души, талантливый воспитатель партийных кадров. Благодаря Ярославскому и другим профессиональным революционерам, находившимся до революции в Сибири, здесь

выросла целая плеяда молодых революционеров, которые сыграли большую роль в борьбе за создание социал-демократической рабочей партии в период первой русской революции, в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

Емельян Михайлович неоднократно выступал с лекциями в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где я учился. С 1934 по 1937 г. я как член партколлегии Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), а позднее ответственный секретарь КПК при ЦК ВКП(б) по Бурят-Монгольской АССР также работал под руководством Е. М. Ярославского.

В ноябре 1937 г. он направил меня на работу в Центральный антирелигиозный музей СССР, где я готовился к защите диссертации на тему «История распространения ламаизма в России».

Но тут подошел июнь 1941 года…

В середине июня 1941 г. меня вызвали в Реутовский райвоенкомат, где вручили предписание о выезде в Литву, в город Швенчёнис, для прохождения военной службы. Было лето, срок службы предполагался недолгий, поэтому и сборы были недолгими.

19 нюня 1941 г. на Белорусском вокзале мы погрузились в специальный эшелон, следующий на запад, и 21-го, к вечеру, прибыли в Оршу. Здесь военные патрули высадили из эшелона всех гражданских, в том числе семьи командного состава, ехавшие к месту службы родных, а нас отправили дальше. Наконец эшелон остановился на какой-то станции, примерно в 15–20 километрах от Вильнюса.

Я спокойно спал на верхней полке, приспособив под голову вместо подушки чемоданчик, совершенно уверенный в том, что через месяц, не больше, закончу военную переподготовку и снова возьмусь за диссертацию. Сколько времени прошло, не помню, когда сквозь сон я услышал какой-то гул и далекие разрывы. Окончательно проснувшись, я обнаружил, что эшелон стоит, а в вагоне ни одной живой души. Что случилось? Бросаюсь к окну: все кюветы и канавы вдоль нашего поезда заполнены людьми. Ничего не понимая, я выскочил в тамбур. Только хотел спуститься вниз, как услышал резкий свист. На высоте не более ста метров вдоль эшелона летели два самолета с фашистской свастикой на фюзеляжах. Застрекотали пулеметы.

Я выскочил из вагона, бросился в ближайшую канаву. Так началась для меня война…

Потом я узнал, что штабы дивизий, армий, пограничных

округов уже накануне получили предупреждение наркома обороны о возможном нападении фашистов. Поэтому в Орше из нашего эшелона высадили всех гражданских лиц.

На станции, где стоял эшелон, во время обстрела было убито несколько красноармейцев из местного гарнизона и семь женщин. Раненых было человек десять. Наш эшелон двинулся дальше, часто останавливаясь, но все-таки добрался до Вильнюса. Мы выгрузились из вагонов. Все были встревожены, и в то же время в людях чувствовалась какая-то внутренняя собранность и подтянутость. Командиры-запасники быстро разместили всех прибывших в домах неподалеку от вокзала.

Мы решили пройтись по Вильнюсу. Над городом, на небольшой высоте, летали фашистские стервятники. Однако они не бомбили ни город, ни депо, ни вокзал…

В городе бандитские отряды буржуазных националистов, диверсионные группы гитлеровцев громили советские учреждения, убивали коммунистов и комсомольцев, представителей Советской власти, растаскивали товары из магазинов, били окна и выламывали двери, убивали прохожих, пытающихся остановить громил.

Вернувшись на вокзал, мы доложили обстановку военному коменданту. Но тут нас срочно погрузили в эшелон, который двинулся назад, на восток, в сторону Минска.

Из окон вагона мы видели, как по забитым беженцами дорогам пробивались к Минску обозы, санчасти и другие тыловые военные подразделения. Наш поезд был перегружен и едва тащился. Наступил вечер. Над Вильнюсом повисло множество осветительных ракет, и мы долго видели это необычное «зарево». Отовсюду слышалась беспрестанная дробь пулеметных и винтовочных выстрелов.

Впереди нашего эшелона шел большой состав с пограничниками, за нами — эшелон с воинскими частями, на крыше которого были установлены зенитные пулеметы. Проехав 25–30 километров от Вильнюса, мы попали под сильную бомбежку: одни немецкие самолеты улетали и на их место прилетали другие. Через каждые 5–10 километров мы выскакивали из вагонов и укрывались за насыпью или в ближайших канавах. С шедшего за нами эшелона непрерывно били зенитки. Они не позволяли фашистским летчикам вести прицельный огонь, и люди из эшелонов почти не пострадали.

Особенно тяжело приходилось семьям военнослужащих, эвакуированным из городов Прибалтики. Многие были с маленькими детьми. В нашем вагоне ехала мать с двумя детьми — двух и пяти лет. Во время налетов все помогали ей

выносить детей. По налетов было столько, что мать и дети совершенно измучились. Женщина, плача, заявила, что больше из вагона не выйдет. А тут опять начался налет. Немецкий самолет снизился как раз над нашим вагоном и начал поливать свинцом из пулемета. Когда стервятник улетел и мы вернулись в вагон, то увидели страшную картину: мать лежала на полу вагона, прошитая пулями, а испуганные, ничего не понимающие дети пытались поднять ее. Сердца наши были полны ненависти к фашистским бандитам.

В Минск прибыли рано утром. Город горел. Уцелели от бомбежки только Дом Советов, вокзал да еще несколько зданий. На вокзале железнодорожники выносили из вагонов убитых и раненых. Здесь остались все пограничники и кадровые военнослужащие. Мы, прибывшие на переподготовку, оказались в нелегком положении. Оружия — никакого, что делать — никто не мог сказать.

Наконец пришел приказ: небольшими группами двигаться от вокзала через город в лес, где и сосредоточиться. Попутно нам было дано задание: всех оставшихся в городе, особенно молодых мужчин, забирать с собой.

Пока мы шли по городу, бомбежки не прекращались. Только к Дому Советов немецкие самолеты близко не подлетали: на крыше здания были установлены пулеметы.

Наша группа насчитывала около двадцати человек. Измученные и голодные, мы уже не обращали внимания на самолеты и шли во весь рост.

Мысли, прямо сказать, были довольно мрачные: там, на западе, гибнут тысячи наших людей, а мы тут бродим…

Вдоль реки тянутся одноэтажные деревянные дома, каждый второй разрушен. Во дворах лежат убитые — их некому хоронить: ни одной живой души кругом.

Подошли к райвоенкомату. Двери раскрыты настежь. На полу какие-то бумаги. В комнатах пусто.

Рядом — школа. У входа стоит девочка в белом фартучке с санитарной сумкой, на вид ученица седьмого-восьмого класса. Спрашиваем:

— Ты что здесь делаешь?

— Дежурю.

Молча переглядываемся.

— Одна?

— Да.

— А где же учителя?

— Ушли в Уручинский лес.

Отвечает спокойно, а лицо посеревшее, губы бледные.

Дорогой ты наш санинструктор! Снимаем ее с поста, забираем с собой.

В Уручинском лесу скопилось огромное количество народа. Почти под каждой развесистой елью или сосной расположилось какое-нибудь учреждение Минска. За ночь мы немного пришли в себя.

Утром в лесу появился генерал в сопровождении нескольких военных. Собрав группу примерно человек из тридцати, генерал объявил, что мы направляемся в распоряжение Калининского облвоенкомата, где сейчас спешно формируются новые соединения. Он посоветовал добираться до Борисова лесом и, пока еще цел мост, переправиться через Березину.

Группа двинулась на Борисов. По пути к нам присоединились преподаватели и студенты медицинского института, которые тоже пробирались в Калинин.

Подходим к Борисову — город горит. На парашютах повисли осветительные ракеты. Повсюду слышны выстрелы. Оказывается, противник высадил здесь крупный десант. С большим трудом, ночью, переправившись через Березину, подходим к железнодорожной ветке в лесу, где стоят замаскированные эшелоны, и втискиваемся в забитый до предела вагон.

Сидящие в вагоне посматривают на небо: на большой высоте идут вражеские бомбардировщики. Ну, думаем, сейчас от нашего эшелона останутся одни щепки. Тут заговорили зенитки, в сторону самолетов потянулись пучки трассирующих снарядов и пуль. Один из бомбардировщиков взрывается в воздухе. Мы видим, как от взрыва загорелись еще два самолета, летевшие рядом.

Весь лес словно раскололся от громового «ура!». Казалось, вагоны пришли в движение — так велико было ликование измученных, издерганных людей.

Эшелон ночью прибыл в Калинин. Все призванные на переподготовку, но не попавшие по назначению после проверки документов были размещены в здании профтехшколы.

Нас разделили на группы: строевые командиры, политработники, строители, медики. Через день к нам приехал полковник В. И. Петров, комиссар 298-й стрелковой дивизии, кадровый военный, человек большой культуры, внимательный и сердечный, но строгий и требовательный.

С санкции Главного политического управления Красной Армии я был назначен секретарем дивизионной партийной комиссии политотдела стрелковой дивизии. В сентябре 1941 г. наша дивизия была переброшена в район расположения 13-й армии Брянского фронта. Дивизия в своем составе имела два

артиллерийских полка — 76-мм пушек и 122-мм гаубиц. Личный состав более чем наполовину был укомплектован кадровыми военными. Так, командир дивизии полковник П. М. Сорокин, комиссар дивизии полковник В. И. Петров и начальник штаба полковник С. В. Колесников были людьми с высшим военным образованием.

Дивизия вступила в бой с немецкими захватчиками на территории Сумской области и, перейдя в наступление, потеснила фашистов до районного центра Ямполь. Было освобождено несколько населенных пунктов, но сам Ямполь освободить не удалось, так как противник закрепился в подвалах домов.

14 июля 1941 г. в Белоруссии, под Оршей, батарея капитана И. А. Флерова впервые применила установки реактивных минометов — знаменитые «катюши». Второй залп таких батарей был произведен по узлу сопротивления противника у Ямполя из расположения нашей стрелковой дивизии. Подлинный героизм и отвагу проявили солдаты и офицеры 298-й стрелковой дивизии при штурме Ямполя. Вместе с ними шли в атаку и политработники.

Командование 13-й армии наметило новый контрудар с целью ликвидации противника на левом фланге, восточнее Новгород-Северского. Однако 12 сентября противник прорвал оборону дивизии восточнее Шатрищи и вышел в тыл 132-й стрелковой дивизии.

Завязались тяжелые бои. 132-я дивизия сумела вос-становить положение, овладела несколькими небольшими населенными пунктами, а наша 298-я, захватив наконец Ямполь, продолжала наступление.

Однако положение армии оставалось тяжелым. Над ней, как и над всем Брянским фронтом, прикрывавшим Московское направление с юго-запада, нависла новая опасность. На рассвете 30 сентября 1941 г. фашистские войска перешли в наступление на линии Путивль — Ямполь — Шатрищи. 13-я и 3-я армии оказались в окружении. К вечеру 7 октября командующий 13-й армией получил директиву Генерального штаба, которая предписывала всем армиям Брянского фронта пробиваться на восток.

8 октября, на рассвете, отряды прорыва атаковали противника. Гитлеровцы не выдержали и в панике бежали. Стрелковые дивизии 13-й армии к вечеру вышли в лес северо-западнее Севска.

Позади остались тяжелые километры. Непрерывно маневрируя и отражая удары врага, после девятидневных боев 13-

я армия вырвалась из окружения[56].

Части нашей дивизии дошли до города Ливны Орловской области. Здесь некоторые ее подразделения были переданы в 132-ю стрелковую дивизию 13-й армии. В штабах полков и дивизий подводились итоги пройденного этапа войны, критически рассматривались и осмысливались удачные и неудачные действия войск, обстоятельно изучалось военное искусство противника, его сильные и слабые стороны.

Мы, политработники, обращали особое внимание на выполнение главной задачи, стоящей перед войсками, — создание прочной обороны, прежде всего против танковых сил врага. Как известно, в 1942 г. наши войска были вынуждены отходить на восток, и в руки врага попали богатейшие южные области страны.

Верховный главнокомандующий издал тогда известный приказ № 227. В нем подчеркивалось, что железным законом каждого воина должен стать девиз: «Ни шагу назад!» Этот приказ лег в основу всей партийнополитической работы в подразделениях, полках и дивизиях. Приказ вводил жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями воинской дисциплины.

Политорганы всех звеньев усилили партийно-политическую работу. Так, в полках, бригадах, дивизиях и отдельных подразделениях 13-й армии были проведены собрания партийного актива, на которых обобщался опыт предшествующих боев и обсуждались задачи коммунистов в боевой подготовке.

Войска 13-й армии свои оборонительные рубежи защищали стойко. Их боевые действия, а также активная оборона на этом участке других подразделений Красной Армии заставили фашистскую армию приостановить наступление на Орловщине.

В конце 1942 г. 13-я армия пополнилась живой силой и военной техникой. Одновременно с этим в расположении армии и всего Брянского фронта начал формироваться 4-й артиллерийский корпус. В него вошли 5-я и 12-я артиллерийские дивизии прорыва под командованием полковников А. И. Снегурова и М. Н. Кураковского, а также 5-я гвардейская минометная дивизия реактивной артиллерии подполковника Г. М. Фанталова. Командиром корпуса был назначен генерал-майор артиллерии Н. В. Игнатов.

Меня отозвали в резерв Политуправления Брянского фронта, а оттуда направили агитатором 16-й легкой артиллерийской бригады 5-й артиллерийской дивизии резерва Главного командования (РГК). Бригада состояла из трех полков 76-мм пушек и других подразделений. В это время началась переаттестация политработ- ников. Вместо званий «политрук»,

«старший политрук», «батальонный комиссар» в РККА было введено единое воинское звание. Я получил звание майора.

Начальником политотдела 5-й артиллерийской дивизии прорыва был утвержден подполковник П. И. Фокин, воспитанник Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Командиром 540-го артиллерийский полка нашей дивизии был майор Михаил Иванович Соболев (ныне Герой Советского Союза, генерал-лейтенант в отставке). Этот никогда не унывающий человек легко находил общий язык с солдатами и офицерами полка, но в то же время был требовательным командиром. Окончив с отличием Артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского, М. И. Соболев прекрасно знал артиллерийское дело.

Под стать ему был его заместитель по политической части Юлий Александрович Губнелов. Среди личного состава он пользовался особым авторитетом. Имел специальное военно-политическое и артиллерийское образование.

Я быстро нашел общий язык с Соболевым и Губнеловым, и мы стали большими друзьями.

В батареях, дивизионах и полках развернулась напряженная боевая и политическая подготовка. Личный состав совершенствовал свои военные знания, выполняя приказ Верховного главнокомандующего. «У Красной Армии, — говорилось в нем, — есть все необходимое для того, чтобы разбить немецко-фашистскую армию и истребить немецких оккупантов до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен. Не хватает только одного — умения полностью использовать против врага ту первоклассную технику, которую предоставляет ей наша Родина.

Поэтому задача Красной Армии, ее бойцов, ее пулеметчиков, ее артиллеристов, ее танкистов, ее летчиков и кавалеристов состоит в том, чтобы учиться военному делу, учиться настойчиво, обучаясь таким образом бить врага наверняка».

Научиться бить врага, использовать любую передышку в бою для учебы стало девизом нашей артиллерийской бригады. Была поставлена задача занять прочную оборону и готовиться к наступательным операциям. Непрерывно проходили тренировки, учения, была развернута политмассовая работа.

Во время зимних наступательных боев 1942/43 г. я постоянно находился в артиллерийских полках М. И. Соболева и К. И. Карелина. Полки вели оборонительно-наступательные бои в Курской области, освободив станцию Мало-Архангельское и деревню Широкое Болото.

К решающим боям на Курской дуге 540-й артиллерийский полк представлял собой хорошо укомплектованную и грамотную

часть. Маршал артиллерии В. И. Казаков лично проверил готовность полка и дал высокую оценку.

3 января 1943 г. после успешно проведенной артиллерийской подготовки войска 13-й армии прорвали оборону противника и пошли в наступление, однако атака 48-й армии не имела успеха, противник сильным пулеметным огнем остановил наступающие части. Пехота залегла недалеко от переднего края. Командир 16-й бригады полковник Г. В. Годин (ныне генерал-лейтенант в отставке) вызвал тогда к телефону Соболева и передал ему приказ командующего фронтом возглавить прорыв на участке Юрские Дворики.

М. И. Соболев вспоминает: «Не скрою, поставленная боевая задача меня несколько ошеломила. Как же так, рассуждал я, войска 48 й армии не раз прорывали оборону противника, а мне с полком приказано возглавить прорыв.

Понимая важность поставленной задачи, а самое главное — ответственность за ее выполнение, держу совет с заместителем командира полка по политической части майором Фомченко. Я оценил обстановку, отыскав слабые стороны в обороне противника, и принял решение в первую очередь уничтожить дзоты и узлы сопротивления. Выполнение задачи осложнял глубокий снег, глубина его достигала 1–1,5 метра, кроме того, был очень сильный мороз.

Я решил вытянуть полк к переднему краю. В условиях глубокого снежного покрова тягачи пройти не могли, да и противник держал подходы под сильным артиллерийским огнем. Я обратился к танкистам с просьбой подцепить орудия и подтянуть их к переднему краю. Подцепили несколько орудий, и у меня появилась уверенность, что все будет в порядке. Пробуем двигаться вперед. Танки прошли несколько метров и стали, забуксовав. Оказалось, что и нашим „Т-34“ глубина снега не по плечу. Что делать? Как решить задачу? К кому обратиться за помощью?

Вот тут-то и помогли русская смекалка, беззаветная храбрость артиллеристов. Вооружившись железными лопатами, деревянными и фанерными досками, артиллеристы решили под колесами тягачей рыть траншеи. Работа закипела! На большой глубине приходилось снимать снег примерно посередине колеи и постепенно по ней подтягивать орудие вперед. Расстояние до переднего края было около 1,5–2 километров, но, несмотря на это, мы настойчиво подвигались вперед… Все мы работаем с удесятеренными усилиями. Несколько орудий ведут огонь с полузакрытой позиции.

Наконец мы достигли цели, подтянули орудия к

проволочному заграждению противника и под огнем развернули их, подготовив к бою. Водители успели осадить тягачи назад, чтобы не закрыть сектор обстрела.

Закипел горячий и напряженный бой, били крупнокалиберные пулеметы и минометы. Мы вступили в единоборство с дзотами и вкопанными в землю танками немцев; дорожили каждой секундой, разрушали дзот за дзотом. Вскоре удалось подтянуть второе, третье и двенадцатое орудия, из которых начали уничтожать фашистов прямой наводкой…»{57}.

Орудие, которым непосредственно командовал М. И. Соболев, вышло из строя; его расчет почти весь погиб под пулеметным огнем противника. В живых около этого орудия остались лишь М. И. Соболев и наводчик. Вскоре был ранен и наводчик. Не успел командир оттащить раненого, как услышал оглушительный взрыв. Придя в себя, Соболев увидел, что слева на орудие идут два немецких танка. Работая один за весь орудийный расчет — подносчика снарядов, заряжающего и наводчика, он повел огонь по врагу. Один из танков остановился, но продолжал стрелять. Соболев выстрелил еще раз — и вот один танк горит, а второй ползет назад.

Под стать командиру сражались и все его бойцы. Исключительное мужество и стойкость проявил младший сержант Щетинин.

Артиллеристы Соболева в этом бою уничтожили двенадцать дзотов, многочисленные пулеметные точки врага, несколько наблюдательных пунктов, прорвали проволочные заграждения.

Бой закончился. Пехота и артиллерия овладели укрепленными позициями противника, захватив большое число пленных и трофеи.

После боя бригада расположилась в деревне Мишино. Мы заняли бывший немецкий блиндаж и только приступили к ужину, как под нарами кто-то зашевелился. Тут Соболев заметил прятавшегося немецкого солдата. Подав знак всем выйти, он шепотом объяснил, в чем дело. Старшина зажег в блиндаже матрац и выход загородил плащ-палаткой. Через несколько минут оттуда с диким криком выскочил немец.

Солдаты полка устроились в траншеях, отбитых у противника. Мы с секретарем комсомольской организации прошли по окопам, убедились, что все раненые отправлены в медсанбат и был своевременно подвезен горячий ужин.

Фронтовой сон недолог. В пять часов утра полк уже на ногах. Началось наступление на станции Волово и Долгое.

Пройдя около четырех километров, наша пехота встретила упорное сопротивление противника. Пришлось повернуть влево и

идти на лыжах в обход. Соболев с его артиллерией вынужден был двигаться за пехотой по бездорожью. Он предложил попытаться пройти по другой, проселочной дороге, расчищенной ранее немцами.

Уже стало светать, когда Соболев, сидящий на крыле тягача, увидел нескольких командиров, бегущих и нашей колонне. Они объяснили, что впереди — засада: на дороге — дзот, а справа от него засели в траншее немцы. Соболев приказал развернуть одно из орудий и прямой наводкой уничтожить дзот и пулеметные точки. Путь на Волово был открыт.

Наступление немцев на Курской дуге 540-й артиллерийский полк встретил во всеоружии. С утра 5 июля немцы предприняли несколько атак в полосе обороны полка, в которых участвовали и танки и авиация, но все попытки врага захлебнулись в его собственной крови. Наши артиллеристы вели огонь прямой наводкой по танкам противника с дистанции 500–600 м. В этом бою они сожгли и подбили двадцать два вражеских танка, в том числе девять «тигров». С 5 по 12 июля 1943 г. батареи полка подбили и уничтожили пятьдесят девять танков, из них двадцать восемь «тигров», восемь автомашин, четырнадцать артиллерийских и минометных точек, рассеяли и уничтожили свыше полка солдат и офицеров.

В июльских боях 1943 г. в районе станции Поныри артиллеристы полка выполнили приказ Родины — сорвали дальнейшее наступление немецкой армии на своем участке, взяли инициативу в свои руки. В эти дни бойцы, офицеры полка проявили беспредельное мужество, отвагу, боевую смекалку, политическую зрелость.

Расчет командира орудия парторга батареи К. С. Седова подбил четыре немецких танка. Вражеский снаряд прямым попаданием разбил орудие Седова. В живых остались только командир и наводчик Борисов. Но Седов не отступил. Он пошел навстречу танкам с гранатой в руке и погиб.

Командир другого орудия, коммунист А. Д. Сапунов, вступил в неравное единоборство с шестью танками противника. Расчет Сапунова дрался героически. Особенным бесстрашием отличался сам командир. Три танка, ворвавшиеся на огневые позиции расчета, были в упор расстреляны отважными артиллеристами. Они все погибли, но не пропустили врага.

Бесстрашие и мужество проявил командир взвода младший лейтенант, комсомолец В. В. Скрылев. Его взвод несколько дней отражал ожесточенные атаки фашистов. Два «тигра» прорвались к огневым позициям. Скрылев сам стоял у орудия вместо наводчика, осколок раздробил ему кисть левой руки, Но, истекая

кровью, лейтенант оставался на батарее до конца. Расчет подбил одного «тигра».

О мужестве и героизме 540-го легкого артиллерийского полка полковник Г. Гладких писал: «Родина не забыла своих героев. Весь личный состав четвертой батареи был награжден орденами и медалями Советского Союза… Командир полка М. И. Соболев — орденом Александра Невского. Три артиллериста полка — младший лейтенант В. В. Скрылев, старшина К. С. Седов и сержант А. Д. Сапунов — стали Героями Советского Союза»{58}.

Долгое время считали, что Скрылев убит, но впоследствии выяснилось, что в боях на Курской дуге он был тяжело ранен. А два его товарища — старшина Седов и сержант Сапунов — действительно погибли. Они похоронены на привокзальной площади станции Поныри.

И в последующие дни Курской битвы полк вел жаркие бои. 10 августа 1943 г. 540-й легкий артиллерийский полк был преобразован в 274-й и удостоен звания гвардейского.

Ныне герои Курской битвы занимаются мирным трудом, ведут общественную работу, обучают молодежь воинскому делу, воспитывают ее на славных боевых традициях поколения, вынесшего на своих плечах все тяготы второй мировой войны.

От берегов Вислы до Праги

В 1943 г., в канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, политотделом 5-й артиллерийской дивизии РГК я был откомандирован в Москву на Высшие военно-политические курсы Главного политического управления Наркомата обороны СССР.

И вот я в Москве, теперь уже фронтовик. Моя учеба продолжалась с ноября 1943 по октябрь 1944 г. По окончании курсов Главного политического управления РККА я был направлен инспектором в 31-ю артиллерийскую дивизию 10-го корпуса РГК. В этом соединении я исполнял должности секретаря партийной коллегии и инструктора политотдела.

Командовал дивизией генерал-майор артиллерии Даниил Михайлович Краснокутский, кавалер семи боевых орденов. Войну он начал под Ленинградом. В 1943–1944 гг. участвовал в сражениях под Орлом, форсировал Днепр, одним из первых вошел в Киев, бил немецких захватчиков под Уманью и во время Ясско-Кишиневской операции. В бою под румынским городом Батошаны был контужен.

Благодаря неукротимой энергии, кропотливой работе с кадрами, настойчивости и твердости, с какой гене рал насаждал строгую дисциплину во всех звеньях своего большого хозяйства, дивизия была хорошо под готовлена к боевым действиям.

В конце 1944 г. дивизия готовилась к предстоящим боям.

Наш политотдел осуществлял руководство политотделами артиллерийских и минометных бригад. Нам приходилось начинать буквально с азов, так как многими подразделениями командовали совсем молодые офицеры, только что окончившие училища. Около трети рядового состава прибыло из западных областей Украины и Белоруссии. Эти бойцы плохо понимали по-русски, их приходилось учить зачастую самым элементарным вещам.

Кроме изучения и освоения материальной части, общей подготовки бойцов и сержантов приходилось заниматься формированием взводов, батарей и полков. Воины дивизии видели, какую мощную технику они принимают. На этом конкретном примере мы, политработники, строили свои беседы о росте военного потенциала страны, подчеркивали ту огромную работу, которую проделал советский народ под руководством Коммунистической партии во имя победы. Перед личным составом была поставлена задача быстрейшего овладения новейшей артиллерийской техникой. Как всегда, в первых рядах

были коммунисты и комсомольцы батарей, дивизионов, полков и бригад.

Секретари бригадных парткомиссий готовили к приему в ряды Коммунистической партии отличников боевой и политической подготовки, в первую очередь фронтовиков, участников оборонительных и наступательных боев с фашистами.

В первой половине ноября 1944 г. начались смотры и учения, подводящие итоги двух месяцев напряженной учебы. 31-я артиллерийская дивизия уверенно демонстрировала свою мощь. В дивизию входило семь бригад с тяжелым артиллерийским и минометным вооружением. Она была в состоянии обеспечить прорыв любой обороны противника на участке фронта протяженностью не менее 6 километров.

Во время учений политработниками регулярно проводились беседы на темы: «Артиллерия — бог войны», «Задачи артиллеристов в боевой обстановке» и т. д.

С инспекторской проверкой в нашей дивизии побывал Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. Он отметил высокую боеспособность дивизии.

Началась подготовка к отправке на фронт. В морозный декабрьский день 1944 г. первые подразделения артиллерийской дивизии начали погрузку в эшелон. В это время начальника политотдела отозвали в Москву, и мне пришлось исполнять обязанности старшего политработника.

Ехали долго. Далеко на запад ушла наша армия, громя фашистского зверя Под Москвой эшелон простоял почти сутки. А утром мы двинулись дальше через Белоруссию в Польшу.

В те дни, когда дивизия разгружалась на маленьких станциях Лежайск, Грембув и Лентовня, обстановка на всем протяжении 1-го Украинского фронта характеризовалась скупыми словами оперативной сводки Совинформбюро: «Существенных изменений не произошло». С обеих сторон линии фронта время от времени пролетали лишь одиночные снаряды. Ночью передний край освещался ракетами, было относительно тихо, и под покровом этой обманчивой тишины шла подготовка к решающим боям.

1-й Украинский фронт готовил так называемую Силезскую операцию. На исходном рубеже — Сандомирском плацдарме — развертывались силы пяти полевых, двух танковых и одной воздушной армии. 10-й артиллерийский корпус прорыва РГК должен был действовать в полосе 52-й армии и 4-й танковой.

30 декабря разгрузился последний, двадцатый эшелон дивизии. Бригады сосредоточились неподалеку от станции Грембув и приводили себя в порядок после длительного пути.

По прибытии в район фронтовой полосы штаб дивизии

разработал подробный план марша со строгим регламентом ночного движения по переправам. Эта работа была высоко оценена командованием. Для проведения политмассовой работы среди личного состава артиллерийской дивизии на время марша и наступления все работники политотдела были рассредоточены по полкам и бригадам дивизии.

Днем на польских дорогах, обсаженных толстыми вязами, было тихо, зато ночью по ним шли колонны нашей пехоты, двигались бесконечные потоки машин. Для молодых шоферов последнего призыва, не имевших опыта таких маршей, это было нелегким испытанием. Сто сорок километров без света, без остановок. Первый марш… Понятно было наше волнение: «Справятся ли?»

График маршрута был выполнен всеми бригадами. В авангарде шли коммунисты и комсомольцы подразделений.

Сосредоточились в лесу у села Висьнювка. Когда-то здесь стояли танковые полчища Гудериана, готовые к нападению на Советский Союз. Теперь в этом лесу, справа от дороги, идущей на Сащув, расположилась приданная нам 31-я артиллерийская дивизия прорыва РГК.

78-й стрелковый корпус 62-й армии стоял на самом острие будущего прорыва. Именно на этом участке, между Шидлувом и Каргувом, должны были вступить в бой танки генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко. Сложившаяся боевая обстановка повышала ответственность коммунистов и командно-политического состава дивизии за четкую отработку каждого элемента готовящейся операции.

3 января 1945 г. закончилось сосредоточение бригад дивизии. Была установлена непосредственная связь со штабами пехотных соединений. Артиллерийская разведка заняла свои места в передовых позициях пехоты. Первая очередь инженерных работ была закончена. Одновременно с этим начались командирские рекогносцировки района будущих боевых порядков и обороны противника на участке действия дивизии. Политработники всех рангов перебрались на огневые позиции батарей, дивизионов и наблюдательных пунктов артиллеристов.

В ночь на 8 января 1945 г. грозная артиллерийская техника дивизии двинулась на огневые позиции. Тракторы, глухо урча, тащили напрямик через поле пушки, гаубицы, минометы малой и большой мощности. Ревели на подъемах «студебеккеры». Расчеты, прибыв на огневые позиции, зарывались в землю, связисты прокладывали линии по траншеям и канавам, наблюдатели сооружали свои пункты.

На переднем крае по-прежнему взвизгивали одиночные мины

да холодным светом ракет разгоняли свой сон немецкие часовые.

Приближались решающие бои на Сандомирском плацдарме. Во всех подразделениях прошли открытые партийные собрания. Для молодых, еще не обстрелянных солдат они имели особое воспитательное значение. На собраниях солдаты и офицеры подавали заявления с просьбой после первого же боя принять их в партию.

Командир дивизии поставил перед офицерами штаба и командирами бригад ряд дополнительных задач: спланировать огонь по конкретным целям для каждой батареи, дивизиона, на весь бригадный состав дивизии прорыва. Начальник разведотдела дивизии майор П. А. Асмоловский и его заместитель старший лейтенант С. М. Буданов собирали, обрабатывали и анализировали разведданные о противнике. На ряде участков уточнять передний край обороны и огневые точки приходилось с передового наблюдательного пункта. Этим в основном занимался С. М. Буданов с командиром взвода лейтенантом Новиковым.

Буданову удалось с наблюдательного пункта дивизии под огнем противника уточнить расположение первой траншеи противника, проходившей по трудно просматриваемому участку, дзота и двух пулеметных точек. Все это было нанесено на карту. Теперь орудия могли подготовиться к ведению огня по заранее разведанным целям.

10 января 1945 г. орудийные расчеты получили таблицы огня. Это был итог бессонных ночей штабников и опаснейшей работы разведчиков. По данным таблиц, все траншеи и опорные пункты 166-й пехотной немецкой дивизии накрывались артиллерийским и минометным огнем.

Сосредоточение армии было проведено с соблюдением самой строжайшей маскировки. Хотя самолеты противника подолгу кружили над лесом, район размещения нашей дивизии ими не был обнаружен. Началась подготовка к вводу дивизии, которая должна была действовать в центре будущего прорыва, в бой.

Ночь… Как всегда, перед боем время тянется долго. Даже бывалые солдаты заметно волнуются — то и дело крутят цигарки.

Ровно в четыре часа утра передовые батальоны пехоты провели разведку боем: преодолев минные поля, колючую проволоку и пройдя нейтральную зону, ворвались в траншеи противника и схватились с ним врукопашную. Это был трудный бой, так как его поддерживала лишь небольшая часть артиллерийских средств Но свою задачу передовые батальоны выполнили.

В 10.00 маршал Конев дал команду:

— Огонь! По полной программе!

Его слова повторили во. всех боевых подразделениях:

— По полной программе по фашистским извергам!

Вздрогнула земля за Вислой. Весь передний край заволокло дымом и гарью.

«Катюши» первыми открыли огонь по врагу. Вслед за ними вступили в бой все 285 орудий, расположенных на каждом километре вдоль линии фронта. 107 минут продолжалась артиллерийская подготовка, и в каждую из них на голову противника обрушивалось двадцать две тонны металла. Артиллерийская подготовка была настолько мощной и так дезорганизовала оборону противника, что наша пехота на первых километрах почти не встречала организованного сопротивления.

12 января наши части вышли на рубеж Янушевиче — Речице — Мацеевице — Пшиворуз — Палонки. Дальнейшее наступление войск 1-го Украинского фронта также продолжалось успешно. Рано утром 14 января передовые части переправились через реку Нида в районе Умяновице. Вместе с ними шли артиллерийские дивизионы. Путь на Ченстохов, к границе Германии, был открыт.

Серьезное сопротивление противник оказал под Краковом. В этих боях замечательный подвиг совершил командир батареи «катюш» старший сержант Карпенко. Боевая машина, в которой он находился, была обстреляна из дота. Свернув с дороги в высокий кустарник, он выстрелил в дот прямой наводкой. Дот был разрушен, но осколком снаряда был убит и наш славный артиллерист. Командир стрелкового взвода лейтенант Семенов быстро собрал группу бойцов и атаковал капонир. Бойцы ворвались в дот и обезоружили двадцать солдат жандармского полка.

Польские земли остались позади. Впереди — Германия. Части дивизии торопились к Одеру. Вот и деревня Хохлинден, в которой восточная половина — польская, а западная — уже немецкая. Деревню разделяет речушка. С волнением переступили бойцы эту условную границу.

Вот она, та земля, откуда пришли дикие орды захватчиков. Наступил долгожданный час. Дивизия вместе с другими соединениями фронта вступила в фашистское логово. Первый этап Силезской операции был блестяще завершен.

Семь оборонительных рубежей преодолела пехота при надежном обеспечении артиллерийским огнем. Были форсированы реки Нида, Шернява, Висла, Пшемша, Одер, освобождены древняя столица Полыни Краков и Домбровский промышленный район. Немецкие захватчики потеряли один из военных заводов, а также металлургические заводы, шахты и

рудники Верхней Силезии.

Позади мутные воды Одера. Повсюду на дорогах сгоревшие «тигры» и разбитые орудия.

Германия встречала наших воинов мокрым снегом с дождем. Дороги размокли, поля разбухли. Трудно стало выбирать позиции для орудий, значительно усложнилось их продвижение. Расчеты выбивались из сил. Чтобы задержать наступление наших войск, противник непрерывно поднимал в воздух авиацию. Группы из пятнадцати-тридцати самолетов висели над дорогами, подкарауливая наши колонны. Однако бесчинствовали эти воздушные пираты, базировавшиеся на аэродромах Шпроттау и Бунцлау, недолго. Бесплодные попытки остановить наше наступление привели лишь к тому, что они израсходовали остатки горючего и их самолеты стали нашими военными трофеями.

14 февраля при поддержке артиллерийского огня крышка котла в районе Бреслау была захлопнута. 31-я артиллерийская дивизия в составе войск 1-го Украинского фронта начала бои за Бреслау. В окруженном городе-крепости на левом берегу Одера сосредоточилась пятидесятитысячная фашистская армия. Сюда же сбежалось из разных провинций Восточной Германии гражданское население, здесь работали все военные заводы, лишь частично поврежденные воздушной бомбардировкой. Город был хорошо подготовлен к обороне.

Насколько тяжелыми были бои за Бреслау, свидетельствует тот факт, что окруженный в городе гарнизон немцев был разгромлен и капитулировал только 7 мая 1945 г.

Город Бреслау, раскинувшийся на берегах реки Одер, был весь в дыму от разрывов снарядов и бомб. С наблюдательного пункта дивизии можно было насчитать сотни очагов пожара, дым застилал улицы.

Бои в городе, где каждый дом превращен в крепость, очень сложны для наступающих. Успех в таком бою зависит не только от общепринятой тактики ведения боя, но и от инициативы и находчивости каждого бойца и командира. Ведение артиллерийского огня в городе с закрытых позиций особенно затруднено, а установить тяжелые орудия на прямую наводку не всегда возможно. В то же время, чтобы выбить противника из дома, стены которого достигали чуть ли не метровой толщины, необходим снаряд большой разрушительной силы. В поисках решения задачи в одной из батарей реактивных минометов воины решили выпускать мину большого калибра не из боевой машины, а самостоятельно. Реактивную мину устанавливали в оконном проеме, подводили к ней шнур с электрозапалом и били по дому,

где засел противник. Снаряд пробивал не только внешнюю, но и несколько внутренних стен. Опыт боев за Бреслау воины дивизии применяли и в боях за Берлин.

Для организации очередного удара по противнику и прорыва занятого им рубежа требовалось определить расположение переднего края немецкой обороны. Эта задача была поставлена перед помощником начальника разведки дивизии С. М. Будановым. Взяв с собой двух лучших разведчиков, Буданов под огнем противника засек и нанес на карту действующие огневые точки фашистов (пулеметные гнезда и минометные батареи), уточнил расположение немецких и своих войск и к исходу дня возвратился на командный пункт. За выполнение этого задания С. М. Буданов был награжден орденом Красной Звезды.

Наша артиллерия в боях за Бреслау проявила себя подлинным «богом войны». Можно было бы рассказать про старшину Скубей, разоружившего гарнизон немецкого дота; про офицера Погорелко, уничтожившего пулеметный расчет; про сержанта Кисилова, выбившего немцев из верхних этажей дома. Пехота, несмотря на сильную артиллерийскую поддержку, никак не могла прорваться в один из районов города. Противник стянул сюда большие силы. Собрав разведчиков, капитан Гурьянов бросился с ними в атаку, увлек за собой пехоту и занял район. Бои под Бреслау стали для наших войск школой штурма Берлина.

19 марта на огневые позиции первой и третьей батарей дивизиона капитана Шерстнева вышла большая механизированная колонна немцев. Лейтенант Яковенко подбил головную самоходку. Создалась пробка. Батареи открыли по противнику беглый огонь. Яковенко бросился к подбитой самоходке, зарядил орудие и прямой наводкой расстрелял из трофейного «фердинанда» дне фашистские самоходки. Семьдесят пять снарядов выпустил он по бросившейся врассыпную пехоте. Еще две самоходки, подбитые младшими сержантами Гредюшко и Жизазовым, остались навсегда в лощине.

6 апреля три наши бригады, влившись в общий поток наступающих войск, двинулись далее на запад, по направлению к Берлину. Шоферы писали на бортах своих машин: «На Берлин!»

В книге «Штурм Берлина» капитан М. Синочкин так писал этот марш нашей 31-й артиллерийской дивизии:

«Приказ о маневре артиллерийских частей к Берлину был получен, когда наши бригады вслед за пехотой торопились к Эльбе. Все было в движении. Противник сопротивлялся слабо, и мы уже готовились к встрече с американцами и англичанами. Берлин оставался где-то стороне. Колонны обгоняли юркие штабные машины: „Стой! Пакет командиру бригады“.

„Приказ — на Берлин!“ — решили красноармейцы, наблюдая, как шоферы разворачивают боевые машины на восток. Скоро уже все знали, почему развернулась колонна. Стихийно возникали митинги.

Марш-маневр был начат. Навстречу общему потоку пришлось двигаться до Люккау. От Люккау на север маршрут проходил по местам недавних боев гвартейцев-танкистов.

Убрали тенты с машин, проверили автоматы. Ехали настороже. И справа и слева тянулись леса Форст Барут, а в лесах было много блуждающих немцев.

Ночью за Барутом остановились. Короткий отдых. К утру в подразделениях артиллеристы читали свежий номер дивизионной газеты с лозунгом: „Вперед, на Берлин!“

Снова тронулись в путь. В три ряда шла на Берлин могучая советская техника. Тракторные поезда с орудиями большой мощности двигались по обочинам. Их обгоняли легкие ЗИС-2 с минометами на крюку. Сильные грузовики тащили гаубицы и тяжелые минометы.

Оперативные группы бригад, опередив свои колонны, уже вступили в контакт с танками генерал-полковника Рыбалко.

Танкисты ждали нашего огня для того, чтобы форсировать Тельтов-канал.

Сроков, по сути, не было. Все нужно было делать немедленно. За время операций зимы — весны 1945 г наши штабы научились организовывать работу подразделений при подготовке артиллерийского наступления. Иногда приходилось укладываться в три дня. Но тут не было дней — ни трех, ни двух. Мы располагали Всего-навсего двадцатью часами. За этот срок надо была оборудовать и занять боевые позиции, организовать наблюдение и разведку, спланировать артиллерийскую подготовку и наладить взаимодействие.

Пока командиры производили рекогносцировку, подходила материальная часть. На огневые позиции орудия становились рядом с танками.

Наступила ночь. С полным накалом работали на огневых позициях артиллеристы капитана Гурьянова и Бендера. За пять часов были отрыты окопы полного профиля.

На КП в Тельтове составляется план, по которому утром тонны металла упадут на Берлин. В основу кладется централизованный массированный огонь. Огонь направляется на военные объекты, узлы сопротивления на перекрестки улиц, станции метро и железные дороги.

К утру планирование дошло до расчетов.

Вот уже выложены и рассортированы боеприпасы согласно

таблице огня… Приготовления закончены.

— По Берлину — огонь! — скомандовал генерал-майор Краснокутский.

Было 10 часов утра 24 апреля. Сотни командиров повторили команду. Давно ждали ее солдаты, шедшие от Москвы, Сталинграда, Ленинграда и с Кавказа. Дождались!..

Снаряды прорезали воздух, пророкотали „катюши“ — артподготовка началась.

Прямо в садах Тельтова и Рульсдорфа стояли гаубицы-пушки. Война достигла сердца Германии. Страшна была врагу ее нарастающая поступь. Цивильные немцы растерянно и с опаской смотрели на наши орудия, что-то говорили друг другу, льстиво улыбались нашим бойцам: „Штарк артиллерия!“ — а артиллеристы, утирая пот с разгоряченного лица, отвечали: „То-то!“

Немецкое Логово сотрясали залпы артиллерии. 85 минут артиллерийского огня достаточно было для того, чтобы мотопехота начала бой на северном берегу канала. Вместе со стрелками двигались офицеры-артиллеристы. По их сигналам массировался огонь. Три-четыре дивизиона орудий разного калибра обрушивали свой огонь на те кварталы, где противник еще сопротивлялся. Пока одни стреляли, другие подготавливали огонь.

Бой уходил дальше. Танки вышли на улицы Целендорфа и Лихтерфельде, к железной дороге Бранденбург — Берлин. Плацдарм был захвачен.

Первый день штурма подходил к концу. Через переправы бесконечным потоком шла артиллерия, догоняя танки. Минутные остановки — и в гуще битвы слышны неторопливые солдатские разговоры.

— А пожалуй, Берлину от нас крепко досталось.

— Что и говорить!..

Стягивались силы на плацдарм. В короткие ночные часы снова заводилась пружина наступления.

Утром опять в бой. Из рук в руки передаются листовки: „Мы — в Берлине!“, „Победа близка! Сильнее удары по врагу!“»[59].

Одним из соединений, скрыто сосредоточившихся в районе западнее Зорау, был артиллерийский Силезский корпус прорыва РГК, в состав которого входили 31-я и 4-я артиллерийские дивизии.

Для осуществления боевой операции под Зорау политотделы дивизий и бригад провели большую работу, их представители постоянно находились в воинских частях.

Как всегда, на высоте оказались танкисты Рыбалко. Сметая на своем пути все заслоны, уничтожая гарнизоны немецких городов, искусным, ошеломительным маршем к 20 апреля они подошли к Большому Берлину.

Артиллерийские бригады 31-й дивизии двигались вслед за танкистами. Разведчики во главе с майором Петром Алексеевичем Асмоловским первыми из дивизии вышли на подступы к Берлину.

Итак, перед нами Берлин, город, на который Гитлер сделал свою последнюю ставку — послал на верную гибель пятьсот тысяч солдат, среди которых большую часть составляли подростки 13–16 лет.

На командном пункте дивизии в Тельтове, в одном из дачных домиков, расположилась опергруппа штаба, рядом — наша группа Политработников. Под руководством начальника оперативного отдела майора; Д. П. Уланова ведется подготовка к решительному наступлению. В основу плана положен централизованный, массированный огонь. Возможности дивизии, сосредоточенной на линии фронта протяженностью в три километра, позволяли уничтожить все разведанные и даже неразведанные цели противника.

Наступил решительный момент…

— На всю жизнь запомню ракетные установки, из которых наш первый снаряд пойдет на Берлин, — говорит командир орудия Мухамедшин.

На снарядах четко выведено: «Берлину — за Ленинград!», «От Сталинграда до Берлина!», «Смерть фашизм му!», «За Родину!».

Снаряды разорвали воздух, зашипели мины. Артподготовка началась…

В предрассветном тумане стали видны возникшие в осажденном городе пожары. Фашисты хотели тотальной войны, и они ее получили! Возмездие свершилось!

На участке нашей дивизии дела шли успешно. Мотопехота форсировала канал и очистила пустырь между заводами. На быстро возведенный паром уже въезжали танки.

Из домов, окружающих пустырь, немцы продолжали вести бешеный огонь. Они знали, что пока канал форсирован только здесь. Не дать расширить плацдарм наступления было вопросом жизни для всего южного сектора обороны.

Наши бесстрашные разведчики передавали с плацдарма все новые сообщения об объектах сопротивления врага. Дивизия обрушивала на них огневые шквалы. Мотопехота и танки продвигались вперед.

А у переправы командиры орудий упрашивали танкистов

помочь переправить их технику на другой берег.

— Орудие небольшое, а поможет крепко! — говорил командир расчета Бондарчук.

И спустя некоторое время капитан Бендер принимал уже доклад расчета:

— Орудие прибыло. Разрешите получить задачу!

Переправились первые орудия подполковника Шацило, минометы полковника Краснюкова, гаубицы полковника Товбиса. Их тащили на руках через воронки и траншеи. Бойцы быстро и умело выполняли свою работу. Плацдарм был расширен.

В северной части города все удары были направлены по рейхстагу. Там действовали войска маршала Жукова.

На Кайзерштрассе — большие каменные здания. Каждое из них — опорный пункт врага с целой системой огневых точек. Пехота залегла. На помощь пришли артиллеристы.

— Ничего, братки, вот сейчас подтянем орудие, пусть тогда прикуривают фрицы от нашего огонька!

Через улицу переброшен трос, за него взялись пехотинцы. Орудие в считанные минуты оказалось на месте. Тем же тросом перетащили снаряды. Брешь в обороне противника на Кайзерштрассе была пробита, а к утру распалась и вся оборона.

На одной из улиц наступлению мешала самоходка немцев, которая из-за угла посылала серию выстрелов, а затем пряталась в подворотне. Командир расчета старший сержант Корнилин был ранен, но не ушел в санчасть — решил разделаться с самоходкой.

Невдалеке стоял танк, у которого вышла из строя башня. Корнилин подбежал к танкисту и упросил его подбросить расчет на другой конец улицы. Расчет сел па броню, пушку прицепили к танку. Вскоре орудие стояло у перекрестка. Как только самоходка стала выползать из-за угла, расчет Корнилина всадил в борт «Фердинанда» несколько снарядов. Артиллеристы уступили дорогу пехоте.

В ночи с 29 на 30 апреля генерал-майор артиллерии Д. М. Краснокутский вызвал к себе всех офицеров штаба 31-й дивизии.

— Верховное командование поставило задачу овладеть Берлином к Первому мая, — сказал он, — преподнести нашей Матери-Родине подарок. Задача офицеров штаба проверить в штабах бригад, полков, дивизионов, батарей в составе штурмовых групп и выставленных на прямую наводку правильность планирования огня, знание огневой задачи дивизионом, батареей и расчетом орудия, оказать действенную помощь командирам всех степеней с единой целью, чтобы огонь каждого орудия бил по конкретному объекту. Учтите, наступил заключительный этап боя за логово фашистского зверя. Здесь, в Берлине, будет вбит

осиновый кол в могилу Гитлера.

Работники политотдела 31-й дивизии разъехались по бригадам, полкам и дивизионам, чтобы донести приказ Верховного командования до всего личного состава.

Начальник разведотдела 31-й дивизии П. А. Асмоловский вспоминает:

«Когда я прибыл на батарею 152-мм гаубиц, которая стояла на прямой наводке в Трептов-парке, замполит батареи капитан Розин обходил расчеты своих орудий, информировал бойцов о последних сводках Совинформбюро. Мы обнялись, поздравили друг друга со скорой победой, пожелали остаться живыми. На батарее был полный порядок, все орудия хорошо замаскированы, отрыты окопы полного профиля, из которых хорошо просматривались наспех отрытые немецкие окопы в парке и в них — немцы в касках.

На маленьком участке фронта стояла необычная тишина. Вдруг она внезапно нарушилась. На правом фланге немцы открыли огонь из всех видов разного рода оружия и минометов и поднялись в атаку. Очевидно, рассчитывали внезапно захватить нашу батарею. Пехоты впереди батареи почему-то не было, лишь один наш танк стоял за углом дома, а другой, находящийся слева от нас, был врыт в землю. Капитан Розин скомандовал огонь, и сразу же заработали первое и второе орудия и пулеметы, расположенные на флангах батареи для ее охранения. Из-за угла дома вышел танк и открыл огонь по атакующим. Атака немцев захлебнулась, они начали беспорядочно отступать, оставляя на поле боя десятки трупов»{60}.

Последний очаг сопротивления немецких захватчиков в Пройсен-парке и севернее его был также подавлен огнем артиллерийских соединений Красной Армии. Берлин пал.

Быстро проходили часы второго дня мая. Поверженный к ногам победителей, Берлин дымился многочисленными пожарами. Артиллеристы торжествовали победу. Слышались удалые переборы гармошки, верной спутницы всех маршей и боев.

Не успело затихнуть сражение на улицах Берлина, как 1-й Украинский фронт уже начал свое стремительное движение к Дрездену.

Беспрецедентный маневр огромной массы советских войск был вызван тем, что после полной капитуляции, подписанной германским командованием, остались еще вояки, не желающие прекратить сопротивление.

Одним из них был фельдмаршал Шернер. Его войска держали оборону у Ризы, у Дрездена, закрепились в Судетах, за Рудными

горами.

Дрезден был ключом к соединениям Шернера. Решением советского командования танковые и артиллерийские части, сосредоточенные в Берлине, должны были разгромить эту последнюю опору противника, заставив его признать капитуляцию.

Из Берлина на юг двинулись колонны 3-й гвардейской танковой армии и 10-го артиллерийского Силезского корпуса прорыва РГК. Маршрут нашей, 31-й артиллерийской дивизии проходил по линии Кирхайн — Тинстервальде, где находились остатки немецких групп, прорвавшихся из кольца окружения у Котбуса. 4 мая дивизия, получив приказ развернуть боевые действия, выступила маршем на Ризу.

Москва гремела салютами в честь войск, овладевших Дрезденом и Бреслау. В приказах этих дней Верховный главнокомандующий благодарил за боевые дела славную 31-ю артиллерийскую Дрезденскую орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизию прорыва РГК.

3-я танковая дивизия получила возможность маневра через Рудные горы к Праге, где началось восстание. Праге необходимо было помочь.

Яркое солнце победы сопровождало наши бригады, двигавшиеся через Лауны, Слани к Праге. Повсюду нас встречали цветами, улыбками, приветствиями:

— Наздар, Руда Армада!

Радостные лица одетых в праздничные национальные костюмы жителей города, красные флаги, вывешенные на каждом доме, — было от чего разбежаться глазам. А навстречу нескончаемым потоком двигались понурые, мутно-зеленые колонны «завоевателей». Армия Шернера начала стихийно сдаваться в плен.

Танковый марш-бросок триумфально завершился в Праге 8–9 мая 1945 г. Мир еще раз был потрясен героическими действиями и боевой мощью Советской Армии. Вместе с танковыми бригадами подоспели к Праге и наши артиллерийские полки. Радостно встречала красавица Прага своих освободителей. Красная Армия спасла город от полного уничтожения, которому его намеревались подвергнуть эсэсовцы, набившие руку на подобных преступлениях на Украине, в Белоруссии, в Польше.

Советские воины успешно выполнили свой интернациональный долг. Чехословакия вздохнула свободно. Шесть лет терзал фашизм эту страну. В северных пригородах Праги разместились бригады дивизии. Впервые не маскируясь, строгими рядами стояли наши машины и орудия.

Война в Европе закончилась.

Мои земляки — участники войны

Среди советских воинов, сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, было немало моих земляков. Расскажу о некоторых из них, отличившихся своими боевыми подвигами на фронтах.

За исключительную храбрость в боях с немецкими захватчиками были награждены Советским правительством орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза буряты генерал-майор И. В. Балдынов, полковник В. Б. Борсоев, капитан Д. Ж. Жанаев, сержант В. Х. Хантаев, старшина И. С. Иванов.

Прославленный сын бурятского народа, комсомолец 20-х годов, член партии с 1924 г., И. В. *Балдынов* в годы Великой Отечественной войны был сначала заместителем командира 55-й гвардейской Иркутской дивизии, а затем командовал 109-й стрелковой дивизией. Солдаты и офицеры дивизии под командованием Балдынова совместно с другими частями Красной Армии освободили Одессу. Осенью 1944 г. дивизия Балдынова с боями прошла Румынию и Болгарию и вступила на территорию Югославии. Участвуя в завершающих операциях по окончательному разгрому немецко-фашистских войск, 109-я дивизия освободила столицу Австрии Вену, столицу Словакии Братиславу и крупный город Чехословакии Брно.

Генерал-майор, Герой Советского Союза И. В. Балдынов за боевые заслуги и умелое руководство боевыми действиями 109-й дивизии был награжден двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, четырьмя орденами боевого Красного Знамени, орденом Кутузова II степени и многими медалями Советского Союза. Он удостоен также высших боевых наград Венгерской Народной Республики, Чехословацкой Социалистической Республики и других государств. За особые заслуги в освобождении Одессы и Будапешта он избран почетным гражданином этих городов.

С первых же дней войны сражался против немецко-фашистских войск воспитанник Военной академии имени М. В. Фрунзе полковник Владимир Бузинаевич *Борсоев*. Он участвовал в оборонительных боях на просторах Украины и в Донбассе, командовал истребительно-противотанковым полком 32-й бригады Воронежского фронта, а позднее — 11-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой. Был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды. Президент США Франклин

Рузвельт наградил его орденом «Легион заслуженных офицерской степени».

Маршал Советского Союза К. С. Москаленко писал о В. Б. Борсоеве: «В составе 1-го Украинского фронта в должности командира отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады воевал сын бурятского народа Борсоев Владимир Бузинаевич… Боевые действия бригады, которой командовал Борсоев, были широко известны на фронте. Она неоднократно отмечалась в приказах Верховного главного командования.

Мне хотелось остановиться на Карпато-Дуклинской операции. Фашистское командование хорошо понимало, что означает для него потеря позиций на Карпатах: эту естественную преграду Гитлер любой ценой хотел удержать за собой. В наступлении через Карпаты решающим моментом было овладение высотой 534, неоднократно переходившей из рук в руки. Высота окончательно была взята героическими усилиями воинов 38-й армии, куда входила и 11-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада под командованием Борсоева. Бои были исключительно кровопролитные. Много полегло здесь наших славных героев. Большие потери понесла и бригада, которой командовал В. Б. Борсоев. Гвардии полковник В. Б. Борсоев был отважным и талантливым военачальником. Советское правительство воздало должное гвардии полковнику Борсоеву, удостоив его посмертно звания Героя Советского Союза»[{61}].

8 марта 1945 г. полковник Борсоев пал смертью храбрых. Он был торжественно похоронен в Пантеоне героев на Холме славы в городе Львове, где его бригада одержала одну из замечательных побед над фашистскими захватчиками. Трудящиеся Львова объявили Борсоева почетным гражданином своего города и назвали его именем одну из улиц. Имя героя носят также улицы в городах Улан-Удэ, Усть-Ордынск, совхоз на его родине в улусе Кырма.

Среди прославленных героев Великой Отечественной войны почетное место занимает Василий Харинаевич *Хантаев*. С 1942 г. он воевал на Воронежском и 1 м Украинском фронтах в качестве командира орудия 70-й ордена Суворова артиллерийской бригады. Особенно отличился сержант Хантаев в уличных боях за Берлин. Он уничтожил из своего орудия прямой наводкой два паровоза, на которых находились автоматические пушки, шесть немецких снайперов; метким огнем расстрелял немецкую колонну, в том числе четыре бронетранспортера с живой силой, девять автомашин с боеприпасами, семь мотоциклов. В общей сложности им было уничтожено свыше трех рот вражеских солдат

и офицеров и взято в плен 49 гитлеровцев.

Командование высоко оценило подвиг артиллериста. За исключительное мужество, самоотверженное и отличное выполнение боевых заданий Указом Президиума Верховного Совета СССР В. Х. Хантаеву присвоено звание Героя Советского Союза.

Игорь Сергеевич *Иванов* служил при штабной батарее 279-го гвардейского артиллерийского полка майора Загорулько, отличался собранностью и дисциплинированностью, превосходно знал материальную часть орудия. Особо отличился Иванов при форсировании Днепра.

Представляя командира отделения разведки И. С. Иванова к званию Героя Советского Союза, майор Загорулько писал: «23 октября 1943 г., иа рассвете, немцы бросились в яростную атаку у деревни Красный Рог Брагинского района Гомельской области. Имея значительный перевес в живой силе, гитлеровцы прорвали передний край нашей обороны и обрушились на две артиллерийские батареи, которые стояли на прямой наводке. Мужественно сражались артиллеристы, но противник усиливал натиск. Создалось критическое положение. Гитлеровцы с возгласами: „Рус, сдавайся!“ — уже бежали к батарее.

— Гвардейцы не сдаются врагу, — крикнул гвардии старшина Иванов. С пистолетом в руках и с криком „ура!“ он поднял остатки своей и соседней батареи в атаку. Завязалась рукопашная. Действуя прикладом, Иванов лично уничтожил несколько фашистов. Немцы были вынуждены отступить. Воспользовавшись этим, гвардии старшина Иванов подбежал к отбитой у немцев полковой батарее и открыл беглый огонь по отступающим фашистам. Десятки гитлеровцев были уничтожены из орудия отважным разведчиком Ивановым. Один фашист взят им в плен.

Контратака немцев была отбита. Противник откатился на исходный рубеж»{62}.

За мужество и бесстрашие, проявленное в боях за Советскую Родину, орденом Славы трех степеней были награждены С. И. Батагаев, С. Х. Булутов, И. И. Быков, Б. Д. Дамчеев, И. В. Максимов, П. А. Попов, П. К. Радикальцев, Н. Ф. Суворов.

* * *

В первые дни войны из моего родного улуса Аларь ушли на

фронт 83 человека. Среди них Анатолий Шикуло, Леонид Доржиев, Владимир Антонов и Степан Угрюмов. Я встречался с ними на фронтовых дорогах.

…Старший сержант Анатолий Шикуло в конце сентября 1943 г. вместе со своим батальоном вышел к Днепру. Фашисты вели шквальный минометно-артиллерийский огонь. После полуночи батальон начал форсировать Днепр. Анатолий переправлялся на лошади.

На середине реки он был контужен, сполз с лошади, но не утонул: его по счастливой случайности вынесло на песчаную отмель. К утру батальон занял небольшой плацдарм и закрепился на нем. Анатолий ползком добрался до переднего края роты и втиснулся в маленький окоп, где уже пристроились двое солдат с ручным пулеметом. Потянулись тоскливые минуты ожидания. Все трое нервно курили, ожидая вражеской атаки.

Тишину нарушил грохот моторов. Это появились в небе немецкие бомбардировщики, которые обрушили на окопавшихся бойцов свой смертоносный груз. Все заволокло гарью. Особенно туго пришлось бойцам, находившимся на маленьком плацдарме, так как под прикрытием дымовой завесы противник открыл по ним сильный артиллерийский огонь и одновременно пустил танки. Наша артиллерия, помогая бойцам плацдарма, открыла мощный заградительный огонь с левого берега. Анатолий с друзьями огнем своего пулемета сдерживали наступающего врага.

Почти трое суток оборонял клочок земли стрелковый батальон. Фашисты, потеряв до двух десятков танков, отошли на прежние позиции. Наши части форсировали Днепр и погнали противника на запад.

Анатолий Шикуло был ранен в этих боях. Из госпиталя он попал во флот и закончил войну военно-морским офицером.

…Леонид Васильевич Доржиев воевал под Витебском и Смоленском в составе 247-й стрелковой дивизии. После первого ранения вернулся на фронт, после второго в конце 1943 г., как инвалид войны, был демобилизован.

…Владимир Антонов прибыл на фронт в составе 415-й стрелковой дивизии в первых числах ноября 1941 г., когда враг отчаянно рвался к Москве. Дивизия получила приказ сменить измотанную в боях другую стрелковую часть. Но на марше она была обнаружена противником, который скрытно обошел ее справа и слева.

Положение сложилось очень тяжелое. Выручили артиллеристы. Из дивизионных орудий они в упор били по фашистам шрапнелью. Противник откатился в траншеи, откуда его выбили наши пехотинцы и погнали дальше. Опомнившись,

враг подтянул силы. Дивизии пришлось отойти.

В этих боях участвовал и Владимир Антонов. Первый свой орден он получил в 1942 г. за бои под Воронежем, когда артиллеристы сорвали наступление немцев. Сосредоточив огонь восьми орудий, они подбили три танка, два бронетранспортера, рассеяли мотопехоту противника.

1944 год застал Антонова уже в Словакии. Враг внезапно обрушился на позиции артиллерийского полка, дивизионом которого командовал Антонов. Артиллеристы не только отстояли позиции батареи, но и сумели огнем своих пушек приостановить немецкое наступление.

Артиллеристы соседней батареи отступили и были вынуждены оставить на позиции четыре 152-мм гаубицы. Командир артиллерийской бригады приказал командиру артдивизиона немедленно выручить пушки. Антонов взялся их вытащить.

Он подобрал особо надежных ребят. Саперы разминировали полосу для продвижения тягачей и прицепили к ним тросы. Темной ночью артиллеристы двинулись в сторону вражеских позиций. Пройти нужно было примерно километра четыре.

Уже на рассвете Антонов и его группа подошли к орудиям, сняли ножами двух часовых и, подогнав тягачи, приступили к работе. Фашисты, увидев тракторы и копошащихся вокруг них солдат, решили, что это их трофейная команда приехала за русскими пушками, и не открывали огня. На предельной скорости тягачи с орудиями двинулись к своим окопам. Противник хватился, но было уже поздно. Вызволенные орудия вели огонь по их позициям.

…Степан Владимирович Угрюмов за время войны стал полковником, начальником тыла стрелковой дивизии. За боевые заслуги был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды.

* * *

Отважно сражались с немецкими захватчиками и братья Балтыровы из Алари. Гарма был снайпером, Андрей — танкистом, Антон — радистом, а Барма — разведчиком.

…До войны Гарма Балтыров работал на строительстве локомотивно-вагонного завода, затем кузнецом в колхозе «Красная Аларь».

В первые дни войны, получив известие о гибели брата Андрея, Гарма обратился в военкомат. «Прошу направить меня в действующую армию, — писал он. — Хочу мстить немцам за кровь своих братьев, за страдания народа, за поругание земли русской». Его просьба была удовлетворена.

Гарма прибыл на фронт в конце осени 1941 г. Он стал снайпером, но на первых порах ему не везло. Бывали дни, когда Гарма возвращался, даже не увидев ни одного немца. Но снайпер не унывал и продолжал охотиться за врагом.

Однажды на заре противник попытался атаковать наши позиции. Балтыров в это время находился в засаде за маленьким бугорком, откуда хорошо просматривалась вражеская оборона. Гитлеровцы, выползая из небольшой лощинки, стали по одному перебегать в окопы. Пятнадцать выстрелов — пятнадцать вражеских трупов осталось в степи. Двое суток находился Гарма в засаде, и никто из врагов даже не попытался к нему приблизиться.

Во время очередного наступления Гарма Балтыров вышел на рубеж уже со своими учениками. За эти дни он уничтожил 113 немецких солдат. Бывший охотник, Гарма обладал поразительным терпением, хорошо ориентировался на местности. За образцовое выполнение боевых заданий и отличную подготовку молодых снайперов Гарма Григорьевич Балтыров был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Шел четвертый месяц ожесточенного сражения у стен Сталинграда. В жарких схватках с врагом большую роль сыграли снайперы. В дивизии о Балтырове ходили легенды.

Как-то на переднем крае засел вражеский снайпер, он поражал каждого, хоть на мгновение поднимавшего голову из окопа. Гарма Балтыров обратился к командиру роты с просьбой разрешить ему разделаться с «кукушкой». Трое суток неподвижно на лютом морозе пролежал Балтыров на нейтральной полосе, пытаясь поймать на мушку врага. По немецкий ас, предчувствуя недоброе, сидел тихо, не показывая носа. Тогда Гарма пошел на хитрость. За ночь соорудил чучело из хвороста, надел на него свою шинель и каску, прикрепил веревку так, чтобы, дергая за нее, приводить чучело в движение. На рассвете фашист увидел на нейтральной полосе «разведчика» и выстрелил, обнаружив себя. Секунда — и Гарма уложил его на месте.

После этого случая Балтырова стали посылать на охоту только за особо опасными вражескими снайперами. И он отлично справлялся с заданиями.

Слава о ратных подвигах Гармы Балтырова пронеслась по всему фронту. Старая Русса и озеро Ильмень, Подмосковье,

Сталинград, Белгород, Харьков, Полтава — таковы вехи боевого пути снайпера 84-й стрелковой Харьковской Краснознаменной дивизии. 313 фашистских солдат и офицеров, в том числе семь гитлеровских снайперов, уничтожил Балтыров в годы Великой Отечественной войны.

Сейчас Гарма Григорьевич живет в Усть-Ордынском национальном округе, работает в строительной бригаде совхоза «Аларский». По сей день славится он как мастер на все руки: столяр, плотник, слесарь, кузнец. И, как раньше, неутомимо бродит по тайге, выслеживает соболя и бьет белку.

* * *

…В июле 1941 г. бронетанковые дивизии гитлеровцев рвались к Смоленску. Среди героев, прославившихся в это тяжелое для страны время, следует отметить и моего земляка Гуржапа Очирова.

Вот что рассказывают о нем А. Бальбуров и Д. Хилтухин в своей повести «Приказываю жить»:

«Дивизия полковника Петра Николаевича Чернышева вела ожесточенные бои за Смоленск. Бои шли без перерыва… Упорные, кровопролитные.

Зной, пыльный и душный день конца июля. Битва затихла. Только кое-где слышатся одиночные выстрелы да сорвется где-то и лихорадочно зачастит пулемет. Полковник Чернышев вызвал к себе командира 480-го стрелкового полка майора Лопатина.

— Ночью уходим, — сказал полковник. — Найдите командира, которому можно поручить арьергардные бои. Вы знаете, конечно, что значит прикрыть в такой обстановке отход дивизии.

— Такой человек есть, — глухо ответил он. — Это капитан Очиров. Бурят. Командир батальона. На него можно положиться.

— Хорошо, — согласился полковник. — Пошлите его ко мне.

Через час перед полковником Чернышевым предстал капитан Очиров. Командир дивизии молча, внимательно разглядывал вошедшего. Смуглое скуластое лицо, большие черные глаза под густыми бровями, небольшой, но крепкий подбородок — это лицо с первого взгляда вызывало невольную симпатию. От него веяло незаурядной силой и спокойной энергией.

После беседы у карты полковник выпрямился.

— Задача ясна? — спросил он.

— Так точно, товарищ полковник.

— Сколько осталось у вас человек?

— Семьдесят два.

Командир дивизии опустил голову, повернулся, ссутулившись, к бойнице. Воцарилось молчание.

— У вас есть какая-нибудь просьба? — спросил полковник, не отрывая взгляда от грязно-дымного неба, проглядывавшего в узкую щель.

— Есть.

Полковник, несколько удивленный, медленно повернулся к Очирову.

— Прошу взять этот список. Здесь имена моих бойцов.

Командир дивизии молча взял из рук капитана вчетверо сложенный лист. Минуту-вторую он, не читая, разглядывал неровные, торопливой рукой написанные столбцы имени и фамилий.

— Спасибо, капитан, — дрогнувшим голосом сказал полковник, — я сам напишу их родным. Идите»{63}.

Горсточка храбрецов почти всю ночь сдерживала яростные атаки бронированных сил немцев. Лишь немногим удалось спастись. На поле боя остались тяжело раненные капитан Очиров и рядовой Геннадий Морозов. Это произошло на границе Холм-Жирковского района Смоленской области.

Район был оккупирован немецкими захватчиками. Бывший председатель райисполкома этого района Сергей Васильевич Муравьев стал командиром партизанского отряда «Народный мститель». Партизаны этого отряда подобрали капитана Очирова и Морозова, доставили их в деревню Кожино. В этой деревне Гуржап Очиров встретил трех офицеров и нескольких бойцов своей роты. Ребята окрепли, отдохнули, а потом вышли на первую операцию отряда.

Отряд под командованием Муравьева провел несколько успешных операций. На магистрали Вязьма — Белый им было уничтожено до 70 немецких офицеров и солдат, девять автомашин с боеприпасами, в деревне Стешило — склады с боеприпасами и продовольствием, а также немецкий бомбардировщик. В селе Хмелита партизаны разгромили немецкую комендатуру и штаб полицейского гарнизона, было убито 60 карателей, сожжено сто тонн фуража и сорок автомашин. В деревнях Бараново, Глушково, Рудолево, Каменец, Пеугулино, Петраково была восстановлена Советская власть, уничтожено до 120 жандармов — карателей и полицаев. Отобранное у гитлеровцев продовольствие было роздано советским гражданам{64}.

Капитан Гуржап Очиров, ставший комиссаром отряда Муравьева, был назначен командованием партизанской бригады начальником штаба соседнего первого партизанского отряда, а в феврале 1942 г. — третьего.

Партизанские отряды, в которых действовал капитан Очиров, совершали дерзкие налеты на населенные пункты, занятые противником, взрывали мосты, пускали под откос воинские эшелоны, уничтожали склады и обозы. Летом 1942 г. отряд Очирова уничтожил немецкий гарнизон в селе Преображенское. На железных и шоссейных дорогах Смоленск — Орша, Демидов — Велиж, Смоленск — Демидов — Духозщина не было покоя немецким оккупантам. Везде их поджидали грозные бойцы партизанских отрядов.

За участие в партизанских боях Гуржап Очиров был награжден орденом Ленина. После освобождения Смоленщины от гитлеровцев Очиров был назначен начальником штаба одного из стрелковых полков Красной Армии и с ним дошел до Берлина.

* * *

…С первых же месяцев войны грудью встали на защиту Отечества посланцы партии — слушатели ленинских курсов при ЦК ВКП(б) из Бурятии. Среди них был и А. В. Башинов, военный комиссар кавалерийского полка, принимавший участие в контрнаступлении под Москвой. В мае 1942 г. командование Калининского фронта направило А. В. Башинова комиссаром в особый партизанский полк, действовавший в тылу врага на Смоленщине. Всю свою энергию и опыт Башинов отдает повышению боеспособности полка. В начале 1943 г. он был отозван из немецкого тыла и в рядах Красной Армии участвовал в боях на Орловско-Курской дуге.

…Коммунист Чимит-Цырен Доржиевич Доржиев свой боевой путь начал в 1941 г. на Северо-Западном фронте инструктором по пропаганде штаба полка связи и закончил его в Берлине старшим инструктором по организационно-пропагандистской работе, ответственным секретарем бригадной партийной комиссии.

Артиллерийская бригада, где служил Ч. Д. Доржиев, принимала участие в наступлении в районе Старой Руссы, в боях за освобождение Варшавы, в разгроме и уничтожении немецких войск в городе-крепости Познани, в прорыве укреплений врага на реке Одер, в штурме Берлина.

…Слушатель ленинских курсов Матвей Михайлович Сыденов с самого начала войны находился на ответственной политической работе в армии. Он погиб при выполнения служебного задания 13 апреля 1944 г.

…Коммунист Владимир Афанасьевич Сахьянов с сентября 1942 и до 1945 г. воевал на фронтах Великой Отечественной войны сначала помощником начальника политотдела дивизии по работе с комсомольцами, а с апреля 1943 г. — заместителем командира полка по политчасти. Сахьянов проводил большую политико-воспитательную работу среди бойцов и офицеров, уделял много внимания организационно-партийным вопросам. В бою отличался исключительной храбростью, всегда был в первых рядах наступающих.

…Всю войну на политической работе в действующей армии находился коммунист, начальник политотдела стрелковой дивизии, а затем заместитель начальника политотдела стрелкового корпуса Доржи Цыремпилович Цыремпилон.

…В 1941 г., когда над Москвой нависла угроза, тысячи москвичей добровольно ушли на защиту города. В числе первых добровольцев был сын бурятского народа коммунист Цыден Балданович Балдано — преподаватель истории 172-й московской школы. На призывной пункт вместе с ним пришли его жена Софья Зиновьевна, домашняя хозяйка, и сын Вадим шестнадцати лет. Они вступили в коммунистический батальон Свердловского района, входивший в Московскую добровольческую дивизию.

Во многих сражениях участвовал бесстрашный политрук Цыден Балдано, проявляя исключительную доблесть и мужество. За годы войны он прошел славный боевой путь от рядового бойца до командира батальона.

Мужественно сражался с врагом и Вадим Балдано. Он не раз ходил в тыл врага со специальными боевыми заданиями.

В одном строю с мужем и сыном находилась Софья Зиновьевна. В батальоне она была и телефонистской, и писарем, и санитаркой. Выносила с поля боя раненых, поражая бойцов своей отвагой и мужеством.

* * *

…С первых же дней войны отличился летчик Александр Сахилтарович Шапхаев. На его счету более ста вылетов, двадцать пять воздушных боев, три сбитых самолета; он уничтожил две

зенитные батареи, восемь пулеметных гнезд, десятки немецких солдат и офицеров. А. С. Шапхаев погиб в бою 5 июня 1943 г.

…Иван Олзоевич Тукеев, уроженец Аларского аймака, ныне генерал-майор, в составе 3-го Украинского фронта **с** боями прошел от Днепра до Дуная…

Много воинов Бурятии участвовали в великой битве на Волге в составе 321-й Гвардейской стрелковой дивизии, которая была сформирована и прошла боевую подготовку в Забайкалье.

…Маргарита Трофимовна Андреева, военврач, героически сражалась на фронтах. Доблестью и отвагой она завоевала любовь и уважение всего личного состава части.

В бою ранили командира батальона. Под огнем противника Андреева стала делать ему перевязку, но сама была ранена в ногу. Она не ушла с поля боя, продолжая оказывать помощь бойцам. И тут вторая вражеская пуля сразила отважную дочь бурятского народа. М. А. Андреева похоронена на хуторе Верхний Вязовой Ростовской области.

Смелость и отвагу проявили на фронтах Великой Отечественной войны рядовой, ныне доктор филологических наук Алексей Уланов, писатели Николай Бадмаев, Данри Хилтухин, Жамсо Тумунов, Цокто Номтоев.

…Секретарь Союза писателей Бурятии, депутат Верховного Совета Бурятской АССР Николай Бадмаевич Бадмаев служил в действующей армии минометчиком. О Бадмаеве в статье С. Трояна «Следы боев» рассказывается следующее:

«Когда Николая Бадмаева доставили в больницу, медики сразу же потребовали сделать рентгеновские снимки головы. Каково было удивление врачей, когда они увидели на изображении полости черепа, между его костной частью и головным мозгом, на глубине четырех сантиметров пулю.

И тогда ветеран войны вспомнил один из боев за освобождение города Ковеля в Западной Украине.

Жестокая схватка с озверевшими фашистами… Рукопашная, в которой отличились минометчики сержанта Бадмаева. Командир расчета поднял гранату, чтобы бросить ее в гущу врагов, и в это время пуля обожгла руку. Сержант упал, но через мгновение поднялся. Бой продолжался. Поле битвы Бадмаев покинул с помощью товарищей лишь после третьего ранения.

После госпиталя молодой солдат вернулся в родные края. Работал, учился и не подозревал, что пуля, пробившая руку и полость рта, застряла в голове»{65}.

…Врач Евгения Семеновна Вампилова-Константинова в годы Великой Отечественной войны находилась на передовых позициях Западного и Сталинградского фронтов, будучи командиром

взвода медико-санитарного батальона. Невзирая на артиллерийские обстрелы и бомбежки, она сделала свыше тысячи операций, пять раз была сама ранена. Награждена несколькими боевыми орденами и медалями.

Чем дальше отдаляет нас время от событий периода Великой Отечественной войны, тем величественнее проявляется бессмертный подвиг советского народа перед всем человечеством.

Под руководством партии вся наша страна превратилась в единый боевой лагерь. В процессе перестройки всей жизни на военный лад трудящиеся Бурятии под руководством партийных организаций проявили образцы социалистической организованности и сознательности, творческой инициативы и трудового героизма, мужества и величайшего самопожертвования во имя общей цели, стойкости и выдержки в преодолении трудностей.

Буряты героически сражались в рядах Советской Армии и самоотверженно трудились в тылу, помогая доблестным советским воинам.

В Бурятию было эвакуировано несколько цехов одного из авиазаводов, специальный цех оборонного завода, вагоноремонтный завод и другие предприятия из фронтовых городов. В короткий срок все предприятия Бурятии и эвакуированные заводы начали выпускать оборонную продукцию со значительным перевыполнением планов. Было перестроено на военный лад сельское хозяйство республики.

Страна никогда не забудет подвигов своих героев, в том числе сынов и дочерей бурятского народа, сражавшихся на фронте бок о бок с русскими братьями.

Социалистическая Бурятия

В наши дни в дружной семье народов Советского Союза Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика занимает свое достойное место. В дни шестидесятилетия создания Бурятской республики ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравили рабочих, колхозников, интеллигенцию, всех трудящихся Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. «Великий Октябрь открыл новую страницу в жизни бурятского народа, — говорилось в приветствии, — освободив его от социального и национального угнетения, создал условия для государственного, хозяйственного и культурного развития.

Под руководством Коммунистической партии Советского Союза в единой семье народов нашей Родины трудящиеся республики прошли славный путь борьбы за становление и упрочение Советской власти, осуществление крупнейших социально-экономических преобразований в городе и деревне, героически сражались на фронтах, самоотверженно трудились в тылу в суровые годы Великой Отечественной войны.

За минувшие 60 лет при бескорыстной братской помощи великого русского и других народов нашей страны Бурятия из отсталого края аратов-кочевников превратилась в высокоразвитую социалистическую республику. Здесь созданы машиностроительная, электромеханическая, горнорудная, лесная, деревообрабатывающая промышленность, многоотраслевое сельское хозяйство, непрерывно повышается материальный и духовный уровень жизни трудящихся.

Выросли национальные квалифицированные кадры рабочих, специалистов, сформировалась народная интеллигенция, коренным образом изменился социальный облик крестьянства. Из года в год растет вклад республики в общий подъем экономики и культуры Страны Советов. Сегодняшняя Бурятия — убедительное свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС, нерушимой дружбы народов социалистической Отчизны»[{66}].

Указом Президиума Верховного Совета СССР за успехи, достигнутые трудящимися Бурятии в коммунистическом строительстве, Бурятская республика награждена орденами Ленина (1959), Дружбы народов (1972 г.) и Октябрьской Революции (1973 г.).

Больших успехов добились в коммунистическом

строительстве бурятские районы Усть-Ордынского Бурятского национального округа Иркутской области, в том числе и мой родной улус Аларь Аларского района.

Усть-Ордынский Бурятский национальный округ образовался 26 сентября 1937 г. В его состав вошли Аларский, Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки (районы), которые ранее входили в Бурят-Монгольскую АССР. Образование округа соответствовало исторически сложившемуся экономическому и культурному положению бурят Иркутской области.

Коммунистам, всем трудящимся республики в начавшейся XII пятилетке предстоит решить задачи огромной значимости, в том числе на объектах, включенных в «Основные направления»: «Приступить к освоению Озерного полиметаллического месторождения, развернуть строительство Тугнуйского и увеличить мощность на 2-й очереди Гусиноозерской ГРЭС и на Улан-Удэнской ТЭЦ-2»{67}.

* * *

Искусство, литература, наука бурятского народа уходят своими корнями в далекое прошлое. Однако подлинное развитие культура бурят получила только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Прошедшие 60 лет стали временем расцвета искусства и литературы Бурятии. Только при Советской власти во всем богатстве раскрылись творческие способности людей, заблистали народные таланты. Наука и литература, национальный театр, музыка, изобразительное искусство Бурятии — все это, национальное по форме и социалистическое по содержанию, вошло в духовную сокровищницу советских народов.

Успешное развитие экономики стало здесь надежным фундаментом для подлинной культурной революции. Сегодня две трети трудового населения Бурятии имеют высшее или среднее образование. Только в Улан-Удэ 4 высших и 22 средних специальных учебных заведения, в которых обучается более 40 тысяч студентов и учащихся. Функционируют филиал Сибирского отделения Академии наук СССР с четырьмя институтами, научно-исследовательские институты сельского хозяйства и рыбного хозяйства. В республике работает большой отряд деятелей искусства — писателей, художников, композиторов, артистов.

Произведения таких бурятских писателей, как А. Вампилов,

Хоца Намсараев, Жамсо Тумунов, Исай Калашников, Николай Дамдинов, Михаил Степанов, Дамба Жалсараев, Иосиф Тугутов, Дондок Улзытуев, Константин Маланов и другие, переведены на языки многих народов страны и стран социализма. Произведения композиторов Бау Ямпилова, Жигжита Батуева и других исполняются на сценах и в концертных залах многих городов СССР.

Памятуя, что подлинная культура есть совокупность образования, коммунистического мировоззрения, высокой нравственности и эстетического воспитания, партийная организация Бурятии уделяет большое внимание развитию искусства. В республике насчитывается четыре театра. Два из них — ордена Трудового Красного Знамени Бурятский драматический театр им. Х. Намсараева, ордена Ленина театр оперы и балета — получили почетное звание академических. С неизменным успехом проходят гастроли театров республики и ансамбля «Байкал» в стране и за рубежом. Во многих странах Европы и Азии выступали бурятские актеры Лхасаран Линховоин, Лариса Сахьянова, Ким Базарсадаев. Большое значение в воспитании театральных кадров Бурятии сыграло театрально-музыкальное училище в г. Улан-Удэ, которым долгие годы руководила заслуженный Деятель искусств Е. Д. Миронская.

Подлинным праздником бурятского искусства, убедительным свидетельством расцвета культуры республики, ее плодотворных связей с культурой всех братских народов страны явились Дни литературы и искусства Бурятии в Москве, прошедшие в середине мая 1983 г.

Все это стало возможным благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики, тому огромному вниманию, которое уделяла и уделяет ранее отсталым народам нашей страны Коммунистическая партия Советского Союза.

В прошлом подавляющее большинство бурят были неграмотными. Бесправие, засилье богачей, нойонов, лам и чиновников, двойной гнет — царизма и местной буржуазии — все это не давало бурятскому народу возможности получить образование. Лишь талантливым одиночкам удалось преодолеть этот барьер и стать видными учеными и специалистами, прославившими свой народ. К таким людям относится Гомбожаб Цэбекович Цыбиков — крупнейший ученый-географ конца XIX — начала XX в.

Бурятские историки и филологи много времени уделяют изучению прошлого своей республики, стремятся поставить это прошлое на службу настоящему, с тем чтобы еще более расцветала наша советская наука. К таким исследованиям

относится, в частности, изучение востоковедами собрания буддийских канонических произведений «Ганжур» и «Данжур».

Культурное наследие Бурятии велико. Ее исследователей ждут еще новые большие открытия. Поэтому бурятские ученые, деятели науки и культуры ведут огромную работу по изучению как древней, так и современной культуры народа Бурятии, вписавшего славную страницу в общую историю культуры великого советского народа.

Путешествие в загадочную страну

Долина, окруженная невысокими горами, почти ровная и просматривается насквозь. Жилья нигде не видно, только на небольшом холмике маячит каменное строение с башенкой на плоской крыше, похожее на часовенку. По весеннему небу плывут легкие высокие облака; иногда они закрывают солнце, и на часовенку словно ложится прозрачная тень. Если подойти к строению поближе, то видно, что вокруг него непрерывно ходят люди, молча и сосредоточенно глядя себе под ноги. Некоторые шевелят губами: не то молятся, не то считают. Невдалеке пасутся лошади.

Часовенка, о которой идет речь, — это *субурган,* место погребения «святого» ламы Намха-чжялцана, современника основателя ламаизма Цзонхавы. Сооружен субурган в центре Тибета, невдалеке от Лхасы.

Существует предание, что однажды лама Намха, проходя в сопровождении своих учеников по долине, произнес:

— Я упаду и умру здесь, пусть никто не трогает моего тела с места.

Тут он действительно упал и умер.

Огорченные ученики воздвигли над ним субурган. Позднее стали говорить, что Намха упал и умер, «схватив злого духа», носителя апоплексического удара. Должно быть, спеша похоронить его, ученики все-таки сдвинули немного тело учителя. Если бы они выполнили волю ламы, дух исчез бы с лица земли. Сдвинув же его тело, они будто бы дали возможность коварному духу ускользнуть, и он, как известно, и сейчас творит свои злые дела.

Говорили также, что тот, кто желает избежать недуга, должен молча обойти субурган 108 раз. Этим как раз и были заняты те люди, о которых речь шла выше.

В это время к субургану подошли три человека. Они некоторое время рассматривали сооружение, сложив у ног дорожные котомки, затем, пошептавшись, двое стали ходить вокруг могилы, а третий, молодой человек лет двадцати шести — двадцати семи, в одеянии ламы, неторопливо пошел в сторону, изредка оглядываясь. Отойдя довольно далеко, он расположился за грудой камней в небольшой ложбинке, поглядел на небо, вытащил из-под широких складок платья фотоаппарат, пригнулся, щелкнул несколько раз затвором и поспешно спрятал аппарат на место.

Затем он вернулся к субургану, сел на камень и принял позу

благочестивого паломника, размышляющего о суете всего земного…

Его спутники закончили ходить по кругу. Все трое взяли свою поклажу и пошли в сторону монастыря Гумбум, расположенного на вершине одной из ближних гор.

Это была цель их путешествия.

Гомбожаб Цэбекович Цыбиков, молодой лама-паломник, так ловко управлявшийся с фотоаппаратом, был русским ученым. Его отправило в Тибет в 1899 г. Русское географическое общество.

В конце XIX в. Тибет был практически недосягаем для ученых Европы, так как тибетская администрация, находившаяся в зависимости от Китая, не Допускала туда лиц европейского происхождения. Так, знаменитый русский путешественник Н. Н. Пржевальский был задержан местными властями в двухстах пятидесяти километрах от Лхасы. Не повезло и другим. То, что Цыбиков бурят по национальности, облегчило дело. Он мог поехать в Тибет под видом паломника, так как буряты довольно часто совершали паломничество в центр ламаизма и даже имели в Лхасе свое землячество.

Но выбор Географического общества пал на него, конечно, не только поэтому. Молодой ученый, окончивший восточный факультет Петербургского университета, обратил на себя внимание большими способностями к языкам и любознательностью. Кроме того, он уже успел совершить поездку в Монголию и до поступления в университет изучал китайский, маньчжурский и тибетский языки.

Путешествие в Лхасу, конечно, было связано с большим риском. Если бы властям стало известно, с какой целью он едет сюда, с ним поступили бы как с государственным преступником. Тибетские чиновники были скоры на расправу.

Родился Г. Ц. Цыбиков в апреле 1873 г. в улусе Урдо-Ага Забайкальской области (ныне Агинский Бурятский национальный округ). Отец его Цэбек Монтуев был скотоводом, но знал грамоту и мог немного писать по-монгольски и по-тибетски. С пяти лет он стал учить сына всему, что знал сам. Мальчик был смышленым, и его отцу очень хотелось сделать из него ученого человека.

В 1880 г. он отдал сына в приходское училище при Агинской степной думе. Мальчик закончил его в 1884 г., за это время умерла его мать, и отец еще больше укрепился в желании послать сына учиться дальше. В Чите как раз открывалась гимназия. Бурятское население области принимало участие в пожертвованиях на ее постройку, поэтому разрешено было принять в учебное заведение четырех бурятских мальчиков.

Попасть в число «инородцев», обучающихся в гимназии, было

не так-то просто! Тем не менее молодой Цыбиков благодаря стараниям отца был принят на старшее отделение приготовительного класса. Учился он хорошо и по окончании курса по решению педагогического совета получил пособие для поступления в Томский университет. Цыбиков поступил на медицинский факультет и проучился там год, но медицина не стала его призванием.

Он вернулся домой и начал готовиться к поступлению на восточное отделение Петербургского университета. В течение года Цыбиков побывал в Урге и в Западной Монголии. Во время этих поездок он постоянно вел дневники.

Осенью 1895 г. молодой человек отправился в Петербург и поступил, как хотел, на восточный факультет университета. Учился он с большим рвением. Как-то незадолго до окончания один знакомый Цыбикову лама прислал ему описание путешествия своего коллеги в Тибет и Непал. Студент показал рукопись известному востоковеду профессору А. М. Позднееву.

Профессор ознакомился с рукописью и посоветовал Цыбикову самому поехать в Тибет после окончания университета. Позднеев рекомендовал своего ученика совету Русского географического общества, которое и субсидировало поездку. Секретарь Общества А. В. Григорьев, о котором Цыбиков всю жизнь вспоминал с благодарностью, немало сделал для того, чтобы как следует снарядить молодого ученого в экспедицию.

Цыбиков отправился сначала на родину, в Забайкалье. Там он долго и безуспешно подыскивал себе попутчиков-паломников. В конце концов в октябре 1899 г. он выехал один в Ургу. Там путешественник прожил до 25 ноября.

Русский консул Я. П. Шишмарев и секретарь консульства В. В. Долбежев снабдили его документом — «билетом на четырех языках: русском, китайском, тибетском и маньчжурском». Цыбиков нанял четырех верблюдов и в сопровождении слуги-бурята тронулся в путь.

«Пускаясь в путешествие, как простой бурят, — писал он, — я должен был считаться с предубеждениями местного населения. Поэтому нечего было и думать о собирании каких-либо естественнонаучных коллекций, съемке местности, ведении правильных наблюдений и т. и. Взятый с собой фотографический аппарат и термометр Реомюра пришлось держать под замком вплоть до Лхасы. При себе я постоянно имел только маленькую записную книжку, куда заносил ежедневно заметки, даже и в этом скрываясь от любопытных глаз»{68}.

Цыбиков был ученым, и только ученым, с этой точки зрения он и судил обо всем, что видел. Его замечания об общественной

жизни и государственном стро Тибета поражают читателя трезвостью взглядов и достоверностью характеристик.

После возвращения Цыбикова на родину, еще до выхода в свет его работы «Буддист-паломник у святынь Тибета», в Тибет удалось проникнуть англичанам. В 1903 г. английское правительство отрядило туда военную экспедицию под начальством полковника Юнгхазбенда, получившего печальную известность из-за жестокого обращения с местным населением, оказавшим захватчикам отчаянное сопротивление.

Последовавшие за армией любители приключений кинулись описывать и фотографировать Тибет. Но, несмотря на появление в западной литературе работ о Тибете, записки Цыбикова не утратили своего значения и своей актуальности: сделанные им фотографии до сих пор представляют большой интерес.

Книга Цыбикова написана простым, необычайно выразительным и емким языком. Читатель как бы путешествует вместе с ученым.

Вернемся, однако, к двум путешественникам и четырем верблюдам, которые выехали из Урги с караваном алашанских монголов, приезжавших в город для продажи риса и проса.

Первая часть пути, самая легкая, закончилась в городе Ямунь-хото, местопребывании алашанского вана.

Отсюда путешественники направились в ламаистский монастырь Гумбум, основание которого связано с именем Цзонхавы. В Гумбуме Цыбиков провел три месяца. Кроме хозяйственных дел, связанных с подготовкой к длительной поездке, он занимался и научной работой: начал изучать и переводить на русский язык тибетский труд «Ламрим», автором которого считается тот же Цзонхава. Помогал Цыбикову в этом занятии живший в монастыре бурятский лама Шагдур. Работа над «Ламримом» продолжалась и позднее — во время путешествия в Лхасу и по возвращении на родину. Перевод этого труда был опубликован спустя несколько лет во Владивостоке{69}. В издание вошли тексты на монгольском и русском языках.

За время пребывания в Гумбуме Цыбиков ознакомился с нравами местного духовенства. Он пишет, что многие ламы вообще не умеют читать, монастырские правила не отличаются особенной строгостью, женщины свободно допускаются в обитель и даже могут оставаться там на ночь, устраиваются попойки.

Три недели ушло на поездку в соседний монастырь Лавран. Путешествие туда было довольно опасным, так как на дороге пошаливали разбойники-тангуты. Слуга заявил Цыбикову, что он не поедет дальше, так как боится разбойников. Пришлось взять себе в помощники бурятского ламу, едущего в Тибет на

богомолье.

Во время пребывания в Гумбуме Цыбиков столкнулся с неизвестной ему до той поры народностью — саларами. Они — мусульмане, и поэтому Цыбиков называет их «китайскими татарами». В одной из местных саларских деревень началось последнее дунганское восстание — 1893–1894 гг.[70]. Причиной его послужило похищение жены мусульманина-салара жителем соседней китайской деревни.

«Конец смутам, — пишет Цыбиков, — положили китайские войска…» 24 апреля 1900 г. караван, к которому присоединился Цыбиков, выехал в Лхасу. День этот был специально определен по просьбе богомольцев ламами-гадателями. Собравшихся в путь было более 150 человек. По обычаю, выбрали старшину каравана — казначея одного гумбумского ламы. Все были вооружены. Началось медленное движение с пяти-шестичасовыми переходами. Дорога была трудной, людей и вьючный скот одолевали комары. Время от времени их настигали песчаные бури. Описывая одну из них, Цыбиков рассказывает:

«Ни зги не было видно. Мы слезли с лошадей, но не развьючивали животных, чтобы не потерять в песке мелких вещей. Держа животных за поводья, мы легли на землю и проспали до утра».

Местные жители рассказывали Цыбикову о русских путешественниках, проходивших через эти места, особенно часто вспоминали они Пржевальского.

В середине июля паломникам начали попадаться посты тибетских солдат, поставленных «для надзора за русскими». У монастыря Накчу-гунва было устроено что-то вроде таможни. Настоятель монастыря назначался из самой Лхасы, он выдавал разрешение путешественникам на въезд в сердце Тибета. Здесь-то и начались у Цыбикова неприятности. Начальник каравана заявил ему, будто бы едущие с ним монголы поговаривают, что среди бурят есть «один светский человек с русскими манерами». Начальник советовал, чтобы не задержали всех, дать настоятелю взятку. Намек был настолько ясен, что Цыбикову пришлось раскошелиться. Кроме того, он сам отправился к святому отцу, захватив с собой «типичнейшего из ехавших с нами бурятских лам».

Однако настоятель не обратил на обоих никакого внимания и разрешил каравану двигаться дальше. Опять начались медленные переходы. Через реки кладь и животных переправляли в кожаных лодках длиной до трех метров, люди перебирались по цепным мостам. 3 августа поднялись на перевал Го-ла, отсюда в ясную погоду уже были видны золотые крыши храмов Лхасы и дворец

далай-ламы Потала.

Цыбиков радовался не менее благочестивых богомольцев. Близка стала цель путешествия, на которое он потратил около девяти месяцев.

Версты за четыре от города их встретил монгольский лама, узнавший о прибытии каравана, где были его земляки. Он помог устроиться и бурятам. Хозяин дома, где поселили Цыбикова, лама Суходоев, сразу же занялся продажей его вьючных животных: так поступали все богомольцы, предполагавшие провести в Лхасе какое-то время. Торг велся по принятым здесь правилам: запрашивать нужно было как можно больше, покупатель же давал как можно меньше. Переговоры велись долго и сопровождались взаимными уверениями и клятвами. За животных удалось выручить их первоначальную стоимость, хотя они и прошли большой путь. Приехавшим нужно было поднести подарки местным духовным властям «под квитанцию», своеобразный вид на жительство. Кроме того, необходимо было совершить поклонение в большом храме города.

Слово «Лхаса» в переводе на русский означает «страна небожителей». Это связано с пребыванием в городе двух статуй Будды, полученных тибетским царем Сронцзан гамбо (629–711) в качестве приданого за двумя его женами — китайской и непальской принцессами. Каждая статуя имеет храм — особую святыню города.

В момент приезда каравана Цыбикова в «стране небожителей» свирепствовала оспа. Сам далай-лама уехал из города. Цыбикову болезнь была не страшна: перед поездкой он сделал прививку. На досуге Цыбиков занялся осмотром города. Издали благодаря обилию зелени и нарядных золоченых крыш город имел очень живописный вид, однако это впечатление пропадало при более близком с ним знакомстве. Улицы Лхасы были кривые, узкие и страшно грязные. Вьючные животные утопали в нечистотах. Цыбиков писал:

«Пройти по излюбленным обитателями улицам можно было, только крепко зажавши нос и пристально смотря под ноги».

Дома (большинство из них двухэтажные) строились из сырого кирпича, но нижняя часть здания, как правило, складывалась из каменных плит. Комнаты в них были маленькими и тесными. В центре города стоял храм Большого Будды с причудливой крышей и множеством пристроек. Здесь происходили собрания духовенства.

Меньший Будда разместился в северной части города. Над Лхасой, на скалистой горе, возвышался дворец далай-ламы. Когда-то он был, вероятно, феодальным замком, способным

выдерживать длительную осаду. Центральная его часть — «Красный дворец», в котором жил далай-лама со своей свитой и пятьюстами монахами. Под горой находились монетный двор, здание суда и тюрьма.

Цыбиков писал, что в центре города дома в основном принадлежали аристократам и монастырям, жители победнее селились на окраинах. Число проживающих в Лхасе, как он думал, доходило до десяти тысяч, около двух третей — женщины. К этому числу следует прибавить большое число паломников, постоянно находившихся в городе.

Так как Лхаса являлась посредницей в торговле между Индией, Китаем и Тибетом, не последнюю роль играл здесь рынок, расположенный около центрального храма. Цыбиков описывает его очень красочно, отмечая, что большая часть приказчиков в лавочках — женщины. Вообще, женщины в Лхасе ввиду их многочисленности занимались многими делами, которые в других местах вершили мужчины.

За многомесячное пребывание в Тибете Цыбиков успел хорошо изучить нравы и обычаи населения, побывать во многих храмах и на религиозных торжествах, которые здесь, в центре ламаизма, совершались довольно часто.

Кроме чисто этнографических моментов, представляющих для него особый интерес, Цыбиков затронул в сйойх записках Вопросы политического устройства и общественной жизни «страны небожителей».

Выше уже говорилось, что в то время Тибет был вассальным владением китайской империи. В столице постоянно жил китайский представитель — *амбань,* наблюдавший за действиями местного правительства. В его распоряжении находились китайские войска. Тибетским духовным и светским правителем был далай-лама.

Цыбиков сообщает биографии двенадцати далай-лам — в том виде, конечно, в каком они приведены в ламаистской литературе. Биографии эти производят довольно мрачное впечатление. Автор писал, что вокруг каждого из далай-лам с детства до самой смерти велась постоянная борьба различных политических партий и группировок. Неудивительно, что некоторые «святые» отцы умирали не своей смертью.

Во время пребывания Цыбикова в Тибете в «Красном дворце» жил тринадцатый двадцатипятилетний далай-лама Тубданг Чжамцо. Это был человек энергичный. В свое время, пытаясь взять в руки управление страной, он вступил в борьбу с регентом, правившим в период его малолетства, и тот был найден задушенным в своей комнате, где сидел некоторое время под

домашним арестом.

Одно из самых интересных мест у Цыбикова — это, безусловно, описание его аудиенции в Потале. Ее он удостоился 4 февраля 1901 г. За три дня до этого в казну было внесено через переводчика-монгола восемь ланов — сумма по тем временам немалая. Цыбиков явился в Поталу в сопровождении двух монгольских лам.

Желающим лицезреть далай-ламу пришлось просидеть несколько часов в ожидании. Это предусматривалось церемонией приема. Уже начало темнеть, когда их наконец провели в комнату, где, завернувшись в желтую шелковую ткань, на троне сидел далай-лама. Его окружала свита. Богомольцы сделали три поклона и подошли ближе, держа на вытянутых руках специальные платки (*хадаки*).

Далай-лама принял от них хадаки и благословил, прикоснувшись к темени каждого. Потом он дунул на шелковый шнур с узелком и обвил им шею Цыбикова, оплатившего всю процедуру приема. Его спутники таких шнурков не получили. Всем посетителям велели сесть на ковер и внесли чай. Далай-лама задал несколько традиционных вопросов, не требовавших ответа, о здоровье присутствующих и о путешествии.

После чая подали вареный рис. Но не успели паломники притронуться к угощению, как два здоровенных телохранителя с бичами в руках набросились на них и стали гнать к выходу с криком:

— Убирайтесь скорее!

Все выбежали в большом смятении. Цыбиков был немного шокирован подобного рода приемом, хотя и успел уже всего насмотреться за время своего путешествия. Впоследствии ему пришлось убедиться в том, что в Тибете вообще принято таким образом выпроваживать посетителей из «высоких мест».

Из записок Цыбикова становится очевидным, что посещение святынь в Лхасе, да и других монастырей, обошлось ему в немалую сумму. Повсюду приходилось делать пожертвования, к тому же надо было и угощать монастырскую братию. Цыбиков писал, что все управление, администрация и суд в стране основаны на взяточничестве. Разбирательство дел ведется с применением наказаний самого варварского характера: виновных отдавали в рабство, отсекали у них пальцы и руки, ослепляли, заковывали в колодки. Основная масса населения — крестьяне пребывали в глубокой бедности, дворянство и высшее духовенство владели большей частью земли. Огромные угодья принадлежали далай-ламе и членам его совета «Дэ-ва-шун». Низшие слои населения были совершенно бесправны и

экономически и политически, чему способствовал весь уклад жизни в Тибете. Промышленности в городах почти не было, зато процветало нищенство.

Кроме лхасских святынь Цыбиков посетил также несколько знаменитых монастырей, таких, как Брайбун и Сэра, и близлежащие юрода. Материал по этнографии, географии, истории и буддизму, собранный им за тринадцать месяцев, исключительно интересен.

Цыбиков делал также наблюдения за погодой, измерял температуру и старался как можно больше фотографировать. Последнее давалось ему с большим трудом. Иногда приходилось часами сидеть где-нибудь в укрытии, ожидая подходящего момента. «Как трудно производить наблюдения, — писал Цыбиков, — там, где боишься каждого, чтобы не заметил и не распространил молву».

Последние месяцы Гомбожаб очень тосковал по родине. Правда, он имел с ней некоторую связь: три раза получал сообщение из дому и один раз дал знать о себе через русское консульство в Урге, но всего этого, конечно, было недостаточно. Большая часть выданных Цыбикову денег ушла на покупку книг. В Тибете книгами торговали сами типографии. Продавцы раскладывали их, как и всякий другой товар, прямо на земле. Многотомные собрания сочинений можно было приобрести, только сделав на них предварительный заказ. Всего Цыбиков вывез из Тибета триста тридцать три тома различных сочинений, относящихся к религии, философии, истории, медицине и филологии. Собрание это поступило в Русское географическое общество и затем было передано им в Азиатский музей Академии наук в Петербурге. Ныне это собрание хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР.

Книги доставили Цыбикову много хлопот. Чтобы они не портились от влаги, он обертывал их сукном и зашивал в сырые воловьи шкуры; швы тюков приходилось смазывать смесью крупчатки со свиной кровью. Эти тюки Цыбиков вез на десяти яках. А ведь нужно было еще взять провизию и личные вещи. Самим путникам пришлось идти пешком.

10 сентября 1901 г. караван ученого двинулся в обратный путь, который оказался очень тяжелым. Путешественники с трудом преодолели перевал Го-ла; в это время Цыбиков почувстзовал себя плохо: его мучила одышка. В Нанку их должен был ждать подрядчик Цэнэ, заранее получивший от Цыбикова деньги за доставку каравана до Цайдама. Однако Цэнэ их не дождался и взял себе других попутчиков. Гомбожаб был в отчаянии. На последние деньги ему пришлось купить еще яков.

По дороге у его спутников украли лошадей, погода стояла невероятно холодная, в довершение всего кончилось продовольствие.

Цыбиков, давно переставший играть роль ламы, занялся охотой. Его же попутчики, самые настоящие ламы, помогали ему как могли. Но у всех у них был, видно, слишком маленький опыт в такого рода делах. Наконец застрелили старого яка. Мясо его оказалось жестким и невкусным, но все и этому были рады. Часть яков из-за истощения пришлось бросить в дороге: животным тоже не хватало пищи. Яки ложились на землю и не хотели идти дальше. Поднять их нельзя было никакими силами. Люди вымотались до последней степени.

Наконец 5 февраля караван подошел к монастырю Гумбум. Здесь у Цыбикова были друзья, у которых он мог достать денег для дальнейшего путешествия. Переезд до Урги прошел благополучно. 4 апреля путешественник был уже в русском консульстве, где его встретили друзья. Часть багажа, оставленная в пути, прибыла в Ургу только через десять дней. Книги были уложены в ящики и отправлены в Петербург, в адрес Географического общества.

Теперь можно было ехать домой!

Записи Цыбикова, очень скупого в выражениях чувств, заканчиваются словами: «27 апреля я выехал на монгольских почтовых на родину и 2 мая переступил в Кяхте границу отечества».

За свое тибетское путешествие, которое смело можно назвать научным подвигом, Цыбиков был награжден премией Н. М. Пржевальского. В его честь была выбита золотая медаль с надписью: «За блестящие результаты путешествия в Лхасу». Предварительное сообщение ученого «О Центральном Тибете» было заслушано на собрании Географического общества 7 мая 1903 г. В том же году оно было напечатано в «Известиях» Общества.

Описание путешествия Цыбикова увидело свет только при Советской власти, в 1919 г. Оно снабжено многочисленными фотографиями, сделанными автором.

Какова же была дальнейшая судьба смелого ученого? Большую часть своей жизни Цыбиков посвятил воспитанию молодежи, подготовке будущих исследователей Востока. Он преподавал монгольский и тибетский языки в Восточном институте во Владивостоке.

После Великой Октябрьской социалистической революции ученый вернулся в родные края, где принял активное участие в общественной и политической жизни.

В 1920 г. он был избран в состав Народно-революционного комитета бурят-монголов Дальнего Востока. Выполняя различные поручения ревкома, Цыбиков часто выезжал в Агинский район, где пользовался большим уважением. После образования Бурят-Монгольской АССР он принял деятельное участие в подготовке кадров национальной интеллигенции. В последние годы жизни Цыбиков преподавал в Иркутском государственном университете. Умер он в 1930 г.

В 1973 г. в связи со 100-летием со дня рождений Г. Ц. Цыбикова было принято специальное постановление Президиума Академии наук СССР о проведении в г. Улан-Удэ Всесоюзной научной конференции, посвященной памяти выдающегося ученого-востоковеда. Издательству «Наука» было поручено издать сочинения Г. Ц. Цыбикова в 2-х томах, подготовленные Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. С тех пор конференция под названием «Цыбиковские чтения» стала традиционной, и каждые два года в Улан-Удэ собираются видные советские ученые-востоковеды для того, чтобы обсудить актуальные и нерешенные проблемы. А в 1981 г. Сибирское отделение издательства «Наука» выпустило в свет двухтомник сочинений Г. Ц. Цыбикова, включающий его всемирно известную книгу «Буддист-паломник у святынь Тибета» и многие менее известные труды, ставшие библиографической редкостью.

История одной находки

В последние годы местом паломничества ученых из Читы, Улан-Удэ, Москвы и Ленинграда неожиданно сделался Бурсомон — маленькое село Красночикойского района Читинской области. Село затерялось среди непроходимых лесов и сопок Восточной Сибири, и мало кто слышал о его существовании до недавнего времени.

Красночикойский район в основном семейский (старообрядческий). Сюда, в дремучую тайгу, в XVIII в. переселились последователи протопопа Аввакума, скрываясь от религиозного гонения всесильного православия. Этот район прельстил их обилием пушных зверей, птиц, кедровых орехов. Кроме того, бескрайние лесные дебри, крутые горы и сопки надежно защищали переселенцев.

Легко догадаться, что не красоты природы привлекли сюда ученых, хотя село очень живописно, да и вообще эти края славятся своеобразной красотой. Название села начинает появляться в отчетах Академии наук СССР и на страницах газет. И это неудивительно. Здесь обнаружили хорошо сохранившуюся первую половину свода канонических буддийских текстов на тибетском языке — так называемого «Ганжура». Кроме того, здесь же были найдены отдельные тома другого свода — «Данжура».

«Ганжур» (словеса) — священная книга буддизма, авторство которой приписывалось Будде. Сто восемь томов «Ганжура» включают в себя 1161 произведение в прозе и стихах (тантры, сутры и т. п.) разнообразного содержания.

«Данжур» (пояснения) — двухсотдвадцатипятитомное собрание тибетских буддийских канонических произведений.

«Данжур» является своеобразным комментарием «Ганжура», включает сочинения разных лиц по философии, языкознанию, стихосложению, риторике, медицине, архитектуре. Из художественных произведений, входящих в «Данжур», наиболее интересны поэмы «Введение в деяния бодисатв шантидевы» и «Облако-вестник» Калидасы.

Действительными авторами всех этих сочинений были многочисленные ученые стран Востока, имена которых нам неизвестны. «Ганжур» и «Данжур» являются своеобразными энциклопедиями культурной жизни народов Востока. В этом их огромная ценность.

Оба эти свода стали известны в Восточной Сибири в конце XVII — начале XVIII в., одновременно с распространением буддизма в форме ламаизма. С появлением ламаистского

духовенства на русских территориях стали возникать дацаны (храмы) и дуганы (молельни). При них создавались небольшие библиотеки. Следует заметить, однако, что такие собрания, как «Ганжур», можно было найти лишь з очень крупных дацанах. «Ганжур», как правило печатавшийся в типографии далай-ламы, был большой редкостью и стоил огромных денег. Верующие довольствовались обычно небольшими сборниками молитв.

«Ганжур» и «Данжур» выносились из дацанов в исключительных случаях, например во время стихийных бедствий. При этом устраивались специальные богослужения — ганжурские хуралы.

Если «Ганжур» продавали, то лхасская казна не принимала русских золотых монет; их приходилось переплавлять в золотые слитки. Вес золота должен был соответствовать весу «Ганжура».

В нашей стране экземпляры «Ганжура» хранятся: один — в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, два — в Бурятском филиале Сибирского отделения Академии наук СССР, два — в Ленинградском университете имени А. А. Жданова, два — в Бурятском краеведческом музее, один — в Иволгинском дацане. В городе Элисте после Великой Отечественной войны осталось только двадцать два тома «Ганжура», которые представлены в экспозиции Музея Калмыцкой АССР.

Недавно стало известно, что ученые и краеведы Тувинской АССР в городе Кызыле нашли полный комплект «Ганжура».

В Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР находятся два экземпляра «Ганжура» и один «Данжура», привезенный пз Тибета Г. Ц. Цыбиковым в 1902 г. Современные издания «Ганжура» имеются в кабинете Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения АН СССР.

Комплекты «Ганжура» и «Данжура» хранятся также в библиотеке Монгольского ученого комитета. Об этом академик Б. Я. Владимирцов еще в 1926 г. писал:

«В прошлом году было получено известие о том, что Монгольскому ученому комитету удалось обнаружить отпечатанный в Пекине „Данжур“ на монгольском языке. Как известно, долгое время, несмотря на утверждение В. П. Васильева и монгольских источников, сомневались в том, что издание это существует. Теперь этим сомнениям положен конец: летом прошлого, 1925 года монгольский „Данжур“ был перевезен в Ургу и в настоящее время находится в библиотеке Ученого комитета… Тексты монгольского печатного „Ганжура“ оказываются в значительной мере подновленными с точки зрения языка и орфографии по сравнению с рукописным монгольским „Ганжуром“, представляющим редакцию времен Лигдан-хана

Чахарского.

Первые листы отдельных томов снабжены миниатюрами: налево — изображение Махакалы, направо — Эрлик-хана»{71}.

В свое время А. М. Позднеев писал, например, что в Монголии полные собрания «Ганжура» и «Данжура» можно найти только в хутухтинских и хошунных монастырях. Из сказанного следует, что Монгольская Народная Республика также располагает комплектами «Ганжура» и «Данжура».

Безусловно, прочтение этих древних источников специалистами должно обогатить современную науку. Поэтому понятна ценность каждого вновь найденного комплекта книги, так как разночтения в них весьма значительны.

Мне было поручено заняться розыском «Ганжура».

Я работал тогда научным сотрудником московского Музея религии и атеизма, руководил Отделом буддизма-ламаизма. «Ганжура» и «Данжура» в нашем музее не было.

Прилетев в Читу, мы с журналистом Николаем Яньковым и представителем Агинского окрисполкома Ракшей Базаровым отправились в буддийский храм Агинска, где познакомились с его богатой библиотекой. Однако следов «Ганжура» там мы не нашли.

По архивным источникам мне было известно, что буряты завезли в Россию несколько (скорее всего четыре) комплектов «Ганжура». Самыми ценными считались те, которые отпечатаны в Тибете с оригинала — древних матриц. Эти древние книги в Бурятию доставили на семнадцати верблюдах. Два комплекта «Ганжура» остались в Верхнеудинске, третий за большую сумму продали в Калмыкию, четвертый пропал. По всем данным, он должен был находиться в Забайкалье, в Агинском храме.

Библиотекарь храма подтвердил, что четвертый комплект действительно продали в Агинское, но он не был внесен в каталог и куда-то исчез.

Комплект, который был продан в Калмыкию, я нашел в Элисте. В Москве я заручился документом о передаче книг музею и хотел было ехать за ними в Калмыкию, но тут началась война. После окончания Великой Отечественной войны я с огорчением узнал, что калмыцкий комплект «Ганжура» сгорел во время пожара.

Вот почему в 1968 г. ученый мир был взволнован сенсационным открытием. В селе Бурсомон были обнаружены самые древние тома «Ганжура».

Что же обнаружили в Бурсомоне? Может быть, пятый комплект, завезенный отдельно от четырех?

«Скорее всего, — подумал я, — ламы в тревожные годы решили спрятать агинский „Ганжур“ в чикойской тайге, подальше

от глаз людских. А потом как-то так получилось, что книги навсегда осели в селе Бурсомон, где стали собственностью чикойских бурят».

На деле же все обстояло по-иному. Старожилы Бурсомона рассказали мне, как «Ганжур» попал в их село.

Еще в 1881 г. на окраине бурятского поселения стоял небольшой *дусан.* В 1900 г. он был переведен в Бурсомон. Местные буряты-богачи стремились к тому, чтобы в их дугане все было как в настоящем дацане, и не жалели денег и скота на пожертвования. К дугану было приписано около двадцати лам, которые держали хувраков-послушников, готовящихся к духовной карьере.

Среди учеников, обучавшихся у лам, особенно выделялся умом и необычайной памятью Тундуп Бологоев. Он был отдан в дуган еще мальчиком и к семнадцати годам овладел монгольским и тибетским языками, а кроме того, прошел полный курс ламаистского вероучения. Он перечитал все религиозные сочинения, собранные в дугане, но это его не удовлетворяло. Юноше хотелось продолжить образование. Однако о поступлении в Петербургский или Московский университет жителю такой отдаленной окраины не приходилось и мечтать. Оставался один путь — дальнейшее совершенствование религиозных знаний. Но даже этого нельзя было сделать в Бурсомонском дугане.

Тундуп пользовался уважением местных жителей. Он обычно принимал участие во всех праздничных богослужениях, хуралах, торжествах, и его всегда сажали на самое почетное место. Когда в Бурсомоне появлялись заезжие ламы из Монголии или Тибета или царские чиновники, молодого человека всегда знакомили с ними. Он был гордостью улуса.

Отец собирался женить Тундупа на богатой наследнице, но юношу манили далекие страны. С большим вниманием и интересом слушал Тундуп рассказы гостей, приезжающих в Бурсомон, о Тибете, Индии, Цейлоне (Шри Ланке) и других странах.

Летом 1890 г., после очередного религиозного праздника, сопровождавшегося пиром, стрельбой из лука и скачками, Тундуп решил покинуть родной улус. Он взял лучшую лошадь отца и оставил родным записку, в которой сообщал, что уезжает в Тибет.

Тундупу удалось благополучно миновать пограничные заставы, и через несколько дней он очутился в Монголии. Добравшись до Урги, Тундуп продал коня и в одеянии нищего ламы отправился на юг. По дороге он пристал к старому ламе, и они вместе отправились к границе Китая.

В пути священники совершали по просьбе населения

различные требы и собирали подаяние. Через три месяца они достигли границы, но тут пожилой лама, побаивающийся китайских дозорных и хунхузов, повернул обратно. Тундуп отправился дальше пешком один. Только через год дошел он до Тибета — заветной цели своего путешествия.

Он мечтал окончить духовное училище в резиденции далай-ламы. С толпой бродячих лам, убогих и нищих, которые шли на богомолье в Лхасу, он добрался до самого сердца Тибета, выдавая себя за местного жителя.

Тундуп приобрел друзей и устроился работать помощником ламы-типографа. Он участвовал в отборе рукописей для печати. Типография печатала их старым, ксилографическим способом, которым издавались тогда религиозные книги. Работа шла медленно. Например, на печатание «Ганжура» уходило семь-восемь лет. Тундуп хорошо знал грамоту и оказался для ламы полезным помощником. Здесь-то он и познакомился впервые с текстами «Ганжура» и «Данжура». Возможно, в это время и родилась у юноши мысль о приобретении «Ганжура» для своего дугана.

Через некоторое время Тундупу удалось стать послушником в монастыре, где он продолжил свое образование. Учиться ему пришлось целых восемнадцать лет; в этом нет ничего удивительного, так как считалось, что только на изучение «Ганжура» и «Данжура» требуется лет двадцать.

Курс обучения закончился, и Тундупу оставалось только сдать экзамен на степень ученого ламы. Он уже начал переговоры со своими друзьями в типографии о покупке одного экземпляра священной книги, как вдруг был неожиданно схвачен местными властями и посажен в тюрьму. Выяснилось, что Тундуп не тибетец, а бурят из России, и ему. скрывшему свое происхождение, чтобы поступить в монастырь, было предъявлено обвинение в шпионаже.

Проанглийская группировка, орудовавшая в Тибете, срочно организовала судебный процесс против ученого-бурята, и он был приговорен к смертной казни через повешение. Тундупа повели на казнь мимо дворца далай-ламы. Как раз в это время верховный правитель Тибета играл у ворот со своими друзьями. Такому поведению не следует удивляться: далай-лама в это время был еще очень молод.

Далай-лама обратил внимание на осужденного, расспросил его и, решив, видимо, что этот бурятский ученый может сыграть известную роль как распространитель идей ламаизма, приказал его отпустить. Он дал указание проэкзаменовать Тундупа, присвоить ему духовное звание и отправить назад в Бурятию.

Через месяц Тундуп, теперь уже дорамба-лама, был, готов к отъезду. Сначала он обошел все местные монастыри. Взяв с собой некоторое количество буддийских религиозных сочинений, он условился с друзьями; о покупке экземпляра «Ганжура». Сделка была закреплена специальным богослужением. Ее участники решили, что через год Бологоев приедет за священной книгой в город Ургу с деньгами. Друзья его тайно провезут туда книгу и передадут из рук в руки. Это был. большой риск, так как вывоз из Тибета книг по богословию, напечатанных в типографии далай-ламы, категорически воспрещался.

Тундуп возвратился **в** Бурсомон и сейчас же начал сбор средств среди верующих на покупку «Ганжура».

Летом 1909 г. буряты приехали на двадцати подводах в Ургу и привезли с собой, как рассказывают, слитков золота на тысячу рублей и серебра на семь тысяч.

Тибетские ламы доставили на верблюдах экземпляр «Ганжура» из Лхасы. В Урге, к общему удовлетворению, состоялся обмен ценностями, но Тундупу не удалось полностью расплатиться за священную книгу. Он вернулся в Бурсомон и вновь приступил к сбору средств. Полностью выкупить книгу Тундуп смог лишь в 1910 г.

Так маленький Бурсомонский дуган оказался обладателем ценнейшего источника по истории восточной: культуры.

Для хранения «Ганжура» было изготовлено два специальных шкафа с изолированными отделениями. В каждом отделении хранилось по четыре тома. Тома были обтянуты в несколько слоев разноцветным шелком. Кроме того, с обеих сторон они были обложены деревянными дощечками, стянутыми снаружи ремнями.

Тундуп, ставший настоятелем Бурсомонского дугана, как ему казалось, по праву гордился полученной «святыней». Но на святыню очень быстро стали посягать и другие ламы.

Выше говорилось, что право хранить «Ганжур» предоставлялось далеко не всем монастырям и храмам. Кроме того, большая часть томов «Ганжура» была запрещена для чтения простым мирянам.

Основываясь на этих запретах, духовенство Гусиноозерского и Цонгольского дацанов стало требовать, чтобы «Ганжур» был передан им: и дуган-де мал, да и помещение его плохо приспособлено для хранения ценной книги.

Ламам Бурсомона пришлось потратить немало сил, а благочестивым прихожанам немало денег, чтобы «Ганжур» оставили в дугане. Только в 1912 г. бурсомонцы получили наконец официальное разрешение на право хранения «Ганжура».

С этого времени Бурсомон стал местом паломничества лам и верующего населения, стекающегося сюда со всех сторон. Это приносило храму большие доходы, особенно во время ганжурских молебствий — хуралов.

Однако местным ламам пришлось потратиться на кое-какие атрибуты. В дугане устроили «тронное место», напоминавшее царское кресло, где восседали высшие ламы и царские чиновники, почтившие своим посещением село. По обе стороны от входа поставили чучела тибетского медведя и барса, купленные в Тибете вместе с «Ганжуром». Так выглядит и теперь это святилище.

Прошло несколько десятилетий. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. В Восточной Сибири произошли огромные изменения. Коснулись они и маленького Бурсомона. В 30-е годы здесь был создан колхоз.

В настоящее время в селе проживает 147 человек… Есть хороший клуб, библиотека и начальная школа. Никто из молодых жителей села, конечно, уже не верит в бога. Никто не знает тибетского языка, на котором написан бурсомонский экземпляр «Ганжура». Тем не менее все без исключения относятся к книге с огромным уважением, как к большой культурной ценности.

Бурсомонский «Ганжур» в последнее время сделался целью домогательств со стороны духовенства. Ламы из Агинского дацана Читинской области даже прислали в; село специальное письмо, прося перевезти «Ганжур» «в центр буддизма Читинской области, что принесло бы всем верующим великое счастье».

С такими же просьбами в Бурсомон обращались и ламы Иволгинского дацана. Мало того, однажды ночью некий шофер (по слухам, работник Агинского храма) пытался проникнуть в дуган и выкрасть «Ганжур». Только активное вмешательство местных жителей и милиции предотвратило хищение.

И все же экземпляр бурсомонского «Ганжура» неполный. Не хватает четырех томов. Это как раз те, которые разрешено читать по буддийским канонам не только ламам, но и простым мирянам. Видимо, кто-то забрал себе эти тома для душеспасительного чтения на дому. Жители села давно ведут розыск пропавших томов.

Наша комиссия в составе: писатель Н. Яньков, секретарь райисполкома В. А. Степных и я — выехала в Бурсомон на машине.

Балган-дуган предстал перед нами в довольно запущенном виде: навес над крыльцом рухнул, стены покосились, дранка с крыши осыпалась. Однако на дверях висел большой ржавый замок.

Нас окружила группа стариков, а вскоре подошел и председатель Шергольджинского сельского Совета Гунцурунов. Он сообщил нам, что ключ от Балган-дугана находится у дедушки Цыбнка, а тот ушел охотиться на соболя в тайгу.

Я заподозрил неладное. Подумал, не напрасно ли заехал вначале в Агинский храм, где беседовал со стариком библиотекарем? Так просто уйти в тайгу Цыбик не мог. Как сказал Яньков, охотник из него никудышный, он едва видит сквозь толстые стекла очков.

Впоследствии Н. Яньков в очерке «Ганжур» так описал этого старика: «Фанатичный страж и защитник „Ганжура“ Санжи умер еще зимой. Его сменил Цыбик — слабоголосый, робкий, маленького росточка старик. Я представляю, как нудно и долго *баабаи* {72} препирались между собой, прежде чем спихнуть ключ безответному Цыбику. Никому не хотелось брать на себя роль умершего Санжи. Служба эта была тягостной. Она не поощрялась ни со стороны светских властей, ни со стороны церкви. Она была не только голодной, но и опасной. Первый раз Санжи пытались убить лет пятьдесят назад: трое неизвестных, грозя ножами, выпытывали, в какой пади Санжи закопал книги. Второй раз это случилось недавно, три года назад: участковый милиционер и толпа стариков, прибежав ночью на крики, нашли избитого старика возле Балган-дугана в обнимку с мешком. В мешке оказались тома „Ганжура“. Но самого грабителя Санжи задержать не смог…»{73}.

Не зная, что предпринять, мы около часа простояли возле дома Цыбика.

В конце концов нам помог старик Базыр-Сада по прозвищу Пришей Кобыле Хвост. Он пошел в дом, откуда час назад ни с чем удалился председатель сельсовета, и сумел уговорить невестку Цыбика, которая через четверть часа вынесла разыскиваемый ключ.

Предоставим далее слово Н. Янькову.

«Дверь Балган-дугана, — писал он, — под рукой председателя Гунцурунова подалась с визгом старой телеги. Пахнуло кислятиной гниющих овчин, окисью меди. Щерили пыльные рты медведь и леопард, чучела которых чья-то рука подвязала к потолку возле входа. Дуган напоминал сарай, в который вывалили целый грузовик хлама и мусора. Даже в самом светлом углу — на алтаре с божествами и жертвоприношениями — скопился слой пыли толщиной в палец. Проход загромождали домашние алтари.

Председатель сельсовета извинился за грязь. Мы, пробираясь к расписным шкафам с книгами, предположили, что молельня

стоит без призора и в ней давно не молятся. Значит, и „Ганжур“ можно будет забрать в музей без лишних хлопот.

Я обратился к Гунцурунову:

— Вы не возражаете против передачи в музей „Ганжура“?

Он буркнул довольно недружелюбно:

— Если получится… — явно на что-то намекая.

Я открыл дверцу шкафа, взял один из томов, обвязанный ремнями. Чувствую, что от волнения лицо мое стало пылать, все тело дрожит мелкой дрожью, руки начинают неметь.

Сада — Пришей Кобыле Хвост — помог мне развязать ремни и стал сматывать бесконечные простыни шелка. Это заняло много времени. Между двумя досками листы длиною около метра были уложены россыпью — буддийские книги никогда не переплетают. Я долго теребил узкие листы с текстом, написанным черной тушью. Затем мысленно сравнил эти длинные узкие листы с такими же листами калмыцкого „Ганжура“ и пришел к выводу, что это листы „Ганжура“, текст которого отпечатан с очень древних деревянных матриц.

Затем обратился к присутствующим:

— Книги мы временно оставим в Бурсомоне под ответственное хранение! На передачу их ленинградскому музею потребуется решение Министерства культуры РСФСР, а также специальное решение Читинского облисполкома. А пока мы сделаем фотокопии трех листов из каждого тома. Это для того, чтобы в Академии могли удостоверить древность и подлинность „Ганжура“»{74}.

Н. Яньков был душой всей нашей экспедиции. Он был превосходным фотографом. Николай подсчитал, что из-за времени на сматывание длинных полос шелка на фотографирование уйдет дня три, а то и больше.

Яньков сразу приступил к делу, и это было ошибкой, потому что мы еще не успели представиться улусу: встреча с местными жителями в клубе была намечена только на девять часов вечера.

«В Балган-дугане было темно, тома один за другим выносили на улицу. Распаковкой занимались Сада, Гунцурунов, Степных и миловидная девушка Аранжапова, заведующая местным клубом. Я тоже принимал участие в этой работе.

С бугра было видно, как жители выходят из домов и поглядывают на наши странные, с их точки зрения, действия. К Балган-дугану поднялся согбенный от старости дед Дондок.

— О-о, какой бравый лама к нам пришел! — произнес он. — Из самой Москвы лама? Правду говорят люди?

Подошли еще трое стариков и взялись нам помотать.

Труднее всего было вновь намотать шелк на узкие длинные

пачки листов. Свертки получались безобразно пухлыми. Тут один из стариков, бывший в детстве послушником при ламе, взялся за упаковку книг. Дело сразу пошло быстрее».

Н. Яньков писал далее: «Удивляло вот что — обертка книг была разных цветов. Синяя, оранжевая, зеленая, красная, пурпурная, бордовая, желтая. Отрезы шелка были разные — старинных русских мануфактур, китайских фабрик и даже ткачей из Индии, что распознавалось по рисунку орнаментов. Были тут куски далембы{75} и даже простого ситца. Доски для книг из различных пород дерева стругали тоже разные руки. На некоторых досках строгавшие оставляли надписи. На то, что отрезы разные, а на досках есть надписи, пока что никто не обращал внимания.

Работая, мы заметили, как стол окружила толпа старух. Они сдержанно переговаривались, пока одна из них не закричала вдруг:

— Ямбар хаб?! (Что такое?!) Вы посмотрите на этих наглых людей. Что они делают? Они без спросу берут чужое имущество, срывают с дверей замки!

Старухи закричали все разом… Старики Пурба, Нима, Чижон и Дондок, прорвавшись сквозь круг, скрылись за домом Цыбика… Базыр-Сада тоже ходко побежал под бугор:

— Вон, луйбаршан (мошенник)!

Это уже относилось к Саду — Пришей Кобыле Хвост, полицa которого выглядывало из-за угла дома Цыбика. Бабка погрозила ему черной костлявой рукой, обозвав пьяницей. На крик прибежала царь-баба Аранжапова, здоровая, краснощекая и еще более голосистая. Она для начала дала затрещину дочке — завклубом, которая с быстротой молнии улетучилась. Я как-то случайно удачно сострил насчет этой воинственности, чем неожиданно развеселил старушек.

— Вы бы по правилам делали, — почти миролюбиво проворчала бабка Бадма, жена Дондока.

— Соберите в клубе улусцев, расскажите, кто, зачем и откуда. Книг-то вы все равно не получите, а потолковать полезно.

— Да-да, книг они не получат, — по-бурятски проговорила совсем старая бабка с головой, бритой наголо. — Я лучше на куски дам себя разрубить, под машину на их пути лягу.

— Мы пока что вовсе не собираемся увозить „Ганжур“, — успокоил я старух. — Просто фотокопии делаем…

Прикладывая правую руку к груди, улыбаясь и кланяясь, Вампилов извинился перед старухами, каждой на бурятском языке сказал комплимент, пригласил на девять часов вечера в клуб.

— Ужинать к нам приходите, — решительно покоренная вежливостью Вампилова, сказала бабка Бадма. — Все приходите!

Затем мы между собой затеяли разговор. Я сказал, что крыша сгнила, стены дугана вот-вот рухнут. „Ганжур“ в опасности, а они его руками и зубами держат! Что это такое!

— Я-то уж какое время по долгу службы смотрю на эту картину, — сказал Степных, — и тоже каждый раз удивляюсь. Музейным работникам куда ни шло, но ведь и ламам дают от ворот поворот! Сами тоже не пользуются этими книгами — никто не кумекает по-тибетски.

— В городе Ленинграде есть памятник царю Петру. Вещи есть, которые он держал в руках. Вдруг бы кто вздумал увезти память о царе в другой город? Однако взбунтовались бы ленинградцы! В улусе Дунда-Шергольджин тоже был свой мастер. „Ганжур“ — память о нем, Тундупе Бологоеве. Старики вечером сами скажут»{76}.

Вечером в клубе собрался весь улус. Комиссия отметила, что условия хранения «Ганжура» в Бурсомоне, к сожалению, не отвечают необходимым требованиям. Деревянное здание бывшего дугана покосилось и обветшало. В помещении сыро и холодно. Собрание вынесло постановление: пока вопрос о судьбе «Ганжура» будет решаться, просить райисполком выделить средства для капитального ремонта помещения дугана. Ответственность за сохранность «Ганжура» была возложена на сельсовет и специальную группу, выделенную общим собранием. Никто без разрешения этой группы не должен был входить в дуган.

Таким образом, охрану культурной ценности взяла на себя общественность.

Сейчас в одной из комнат Дома культуры Бурсомона — народный музей, где представлены на обозрение посетителей древние тома «Ганжура» и «Данжура».

Балган-дуган отремонтирован. Рядом с дуганом в закрытом сарае размещена большая хурдэ{77}, реставрированная мастерами села Бурсомон. Словом, бурсомонцы приступили к созданию своего музейного комплекса.

Как же идет изучение «Ганжура»?

В Москве, в Институте востоковедения, составлен тибетско-русско-английский словарь с санскритским эквивалентом, начатый еще покойным профессором Ю. Н. Рерихом, который в свое время подчеркивал, что буряты, приобретя «Ганжур» и «Данжур», тем самым сделали большое дело — обогатили российское востоковедение буддийской энциклопедией. Ныне эти бесценные источники послужат основой для развития науки буддологии и индо-тибетской медицины.

Надо учесть, что буддология — одна из областей в исследовательской деятельности Института востоковедения. В институте готовится издание буддийского терминологического словаря «Источник мудрецов», необходимого для перевода «Данжура» на монгольский язык.

Ученые-востоковеды, тибетологи и буддологи, должны раскрыть тайны содержания «Ганжура» и «Данжура» и сделать их доступными для широкой научной общественности.

Особенно большой интерес представляют содержащиеся в них сведения по медицине. Тибетская медицина вообще привлекает к себе большой интерес как ученых, так и широкой публики. Она доказывает, что человеческий организм обладает необходимыми силами для борьбы с любым недугом. Вот что писала об этом группа советских ученых: «К индо-тибетской медицине мы проявили повышенный интерес, вдобавок заранее подогретый многочисленными сенсационными сообщениями, которые то и дело появляются на страницах популярных и даже специальных журналов. Все мы достаточно наслышаны о чудесах тибетского врачевания — операциях „третьего глаза“ (делая трепанацию черепа в области лба, человеку высвобождают „третий глаз“, скрытый будто бы внутри мозга, после чего оперированный приобретает необычные логические и телепатические способности), операциях по изменению „кислородного режима“ мозга, в результате которых люди довольствуются якобы 20–25 минутами сна в сутки, и т. п. Ходят легенды о феноменальном „сверхоздоровлении“ и без того феноменально здоровых людей, о хорошо поставленной парапсихологии… Нам не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть эти впечатляющие сведения, но не в них дело. Тибетская медицина интересна и без сомнительных чудес»{78}.

Тибетской медициной много занимался Андрей Тимофеевич Трубачеев. Задолго до революции он окончил Томский университет и стал одним из первых бурятских врачей с высшим образованием.

Андрей Тимофеевич был народным комиссаром здравоохранения Бурятии. Улан-Удэнская кумысолечебница — единственный в республике туберкулезный санаторий такого типа — была создана А. Т. Трубачеевым. Он же создал первые на территории Бурятии районные больницы, родильные дома и диспансеры. В 30-е годы в бывшем монастыре в селе Троицком по инициативе А. Т. Трубачеева был открыт первый в восточносибирском крае детский санаторий. Неутомимый и энергичный врач добился открытия детского туберкулезного санатория иод Улан-Удэ, костнотуберкулезного санатория

недалеко от курорта «Аршан».

Беседуя с Андреем Тимофеевичем, я навсегда запомнил его пространный ответ на мой вопрос о тибетской медицине. Точнее говоря, это были его размышления вслух: он хорошо знал многих представителей этой медицины и всю жизнь интересовался ею. Да оно и понятно. Ведь Трубачеев начал свою деятельность во время полного засилья в бурятских степях буддийских дацанов, где изучали тибетскую медицину.

Трубачеев всегда делал различие между ламами-тунеядцами, которых еще Николай Бестужев назвал страшной язвой на теле бурятского народа, и эмчи-ламами — лекарями, не отправлявшими никаких религиозных служб. Эти люди только именовались ламами, а на деле были великими тружениками, проводившими все свое время за собиранием лекарственных трав. В поисках трав они порой забирались на головокружительные вершины, проникали в глухие дебри тайги. Давно известно, что природа свои сокровища прячет в самых труднодоступных местах — есть лекарственные растения, ценимые дороже золота. Вы знаете, как добывают знаменитое мумиё? Его находят только на огромной высоте, на скалах, доступных до прихода человека лишь орлам.

«— К тибетской медицине надо относиться уважительно, — говорил Андрей Тимофеевич в беседе с А. Бальбуровым. — Уже одно то, что ей около трех тысяч лет, говорит само за себя. Собственно, эта медицина лишь условно может быть названа тибетской. В действительности она впитала в себя лучшие достижения медиков Индии, Китая, Цейлона, Бирмы, Непала, Монголии и других буддийских стран. Существует ошибочное мнение о том, что научная медицина — это только та, которая существует в Европе. Кстати, последней не более трехсот лет. Мы не можем разделять той точки зрения, будто бы неевропейская медицина ненаучна. Громадный опыт человечества, всю свою историю боровшегося с болезнями, достоин самого внимательного и пристального изучения. Смешно отвергать медицину Востока, которая вошла в быт народов, представляющих собой большую половину человечества, медицину, которая развивалась в странах древнейшей цивилизации. Спору нет, достижения современной медицины в странах Европы велики, особенно в области хирургии и микробиологии. Но мы даже не представляем себе, что кроется в арсенале средств, накопленных трудом десятков и сотен поколений талантливых врачей Востока.

Андрей Тимофеевич говорил тихо, чуть глуховатым голосом, не торопясь, обдумывая и взвешивая каждое слово:

— В системе подготовки врачей на Востоке вы можете обнаружить поразительные вещи. Речь идет о направленном обучении. Когда-нибудь, на мой взгляд, с соответствующими коррективами и мы придем к этому. Врач внимательно и в течение продолжительного времени присматривается к ребятишкам и в результате отбирает себе одного из них в качестве хуварака, или ученика. Мальчишке этому шесть-семь лет. Он обучается у своего эмчи-ламы столько, сколько нужно для изучения и запоминания свойств лекарственных растений. А их насчитывается до десяти и более тысяч. Заметьте, что тибетская медицина не признает лекарств, пригодных к всеобщему употреблению. Каждый организм — это обособленный мир, учат тибетские медики. Организм уникален. Как из всего громадного количества людей на планете Земля нельзя найти двух абсолютно одинаковых лиц, так же нельзя найти два совершенно одинаковых организма. Отсюда следует, что в странах Востока принято лечить конкретную болезнь в конкретном организме…

Я укажу вам только на два феноменальных достижения тибетской медицины. Первое — это такое доскональное знакомство с анатомией человеческого тела, когда врач знает свыше трех тысяч точек на теле, куда можно вводить иглу без повреждения тканей. Иглоукалывание — одна из загадок восточной медицины. Ему, очевидно, принадлежит большое будущее в лечении разного рода заболеваний нервного происхождения. Второе — виртуозное владение техникой массажа. Врачи восточной медицины делятся обычно на эмчей и домчей. Первые имеют дело с изготовлением лекарства из различных трав и другого лекарственного сырья, вторые же — с лечением больных без употребления лекарств, с помощью различных природных средств — термальных вод, грязей и массажа. Меня знакомили с домчи, которые умели посредством глубокого внутреннего массажа прерывать беременность, излечивать аппендицит, выправлять ненормальное положение желудка. Такой врач может проводить нужное воздействие на кору головного мозга через черепную коробку, он умеет массировать любой внутренний орган. Это результат многотысячелетнего опыта. Все это надо изучать и изучать, и ко всему этому нельзя относиться снисходительно с позиций европейской научной медицины.

А вы знаете, откуда взялось такое отношение к восточной медицине? Есть две причины. Первая — все те же колонизаторские устремления европейцев, выработавших целую идеологию культуртрегерства по отношению к странам Востока, идеологию, говорящую о том, что все в этих странах варварское,

низшее, менее развитое. Вторая — то, что в этих странах Европы медицина, а в особенности фармацевтика давно уже стала предметом и объектом коммерции»{79}.

Многое из того, о чем говорил и мечтал Андрей Тимофеевич, сейчас уже претворено в жизнь.

В статье «Джудши раскрывает тайны» А. Соколов писал: «В Бурятии доныне сохранилось немало произведений, написанных древнетибетскими, монгольскими и бурятскими врачевателями, в том числе описание многих лекарственных средств, а также рецептурные справочники. Здесь еще живы лекари, прошедшие в свое время школу народной медицины. Наконец, на территории автономной республики имеется большинство тех самых растений, что использовались в древней медицине. Кстати, они изучались прежде. Ленинградский профессор А. Г. Гаммерман посвятила этому делу десятилетия, провела их химические и фармакологические исследования. Итоги работы обобщены в изданном в; 1963 г. „Словаре тибето-латино-русских названий лекарственного растительного сырья, применяемого в тибетской медицине“»{80}.

В 1968 г. при Институте общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР была создана группа по изучению наследия индо-тибетской медицины. В ее состав вошли востоковеды — филологи, медики, ботаники, а также знатоки восточных языков и тибетской медицины.

Начинать пришлось с поисков в государственных, фондах и частных библиотеках. Удалось найти четыре ксилографа, заключающие в себе основной трактат индо-тибетской медицины — «Джуд-ши» (или «Чжудши») («Сущность целебного, или Четыре основы восьмичленного тайного учения»).

О последних результатах работы группы ученых Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР корреспондент «Правды» А. Старухин писал:

«На обложке трактата надпись: „Сущность целебного, или Четыре основы восьмичленного тайного учения“. „Чжуд-ши“, как полагают, исполнилось 25 веков. Кандидат филологических наук, заведующий лабораторией источниковедения Бал-Доржи Бадараев ищет ключ к разгадке словосочетаний и фраз единого последовательного учения восточных эскулапов. Древней медицине иногда приписывают чудодейственность и исключительность. Конечно, это преувеличение. Однако искусство врачевателей, за тысячелетия впитавшее опыт разных народов, безусловно, достойно внимания специалистов.

Заинтересовало оно и бурятских ученых. Был создан отдел биологически активных веществ, который состоит из двух

лабораторий — источниковедения и экспериментальной фармакологии. Первой рабочей темой отдела стало описание традиционных фармакологических и лечебных средств, применяемых в индо-тибетской медицине.

В чем же тайна „Чжуд-ши“? Прежде всего трактат и пояснения к нему значительны по объему: 156 глав, 47 разделов, 224 подраздела, около 14 тысяч строк. К тому же вопросы и ответы изложены в стихотворной форме.

Трактат оказался отнюдь не популярным рассказом о достижениях древней медицины. Текст очень сложен, завуалирован аллегориями, символическими названиями и терминами. Целебные растения названы именами зверей и птиц, частями их тела. Трудно понять описания действий врачевателей. Даже органы человеческого организма обозначены символами. За этим просматривается явное стремление автора или авторов утаить свой профессиональный опыт. Когда речь заходит, например, о конкретном методе лечения или составлении лекарственного препарата, следует разочаровывающая фраза: „Спроси учителя, учитель тебе расскажет“. Спросить, к сожалению, некого. Ясно, почему столь тщательно оберегалась методика врачевания: медицина носила кастовый характер, соприкасалась с религией и развивалась в затворнической атмосфере буддийских храмов…

Страницы трактата „заговорили“ не сразу, а лишь когда ученые смоделировали систему написания „Чжуд-ши“, нашли ключ к дешифровке рукописи.

В отдел входит, например, группа технологии лекарственных растений. Без целебных трав, органического и минерального сырья невозможно представить древнюю медицину. Между тем опыт такой „естественной“ фармакопеи, если его разгадать, поможет шире применять эффективные лекарственные препараты органического происхождения. Они, как известно, отличаются незначительной токсичностью, а подчас и вообще безвредны для организма.

— Мы получаем расшифрованные рецептурные прописи. Наша задача — найти, подобрать заменители тем: растениям, что названы в рецептах, аналогичные по свойствам и произрастающие в Забайкалье, — рассказывает руководитель группы Ц. А. Найдакова. — Весной мы снарядим экспедиции по заготовке растений. Наиболее сложный процесс — обработка трав…

Препараты, о которых говорится в трактате, состоят из множества компонентов с неожиданным их сочетанием.

— В некоторых случаях древняя медицина не лишена мистического налета. И только эксперимент, практическая

апробация способны привести к истине, — говорит заместитель заведующего отделом И. О. Убашеев.

Результаты уже есть. В семи случаях из десяти найдены равноценные заменители лекарственного сырья, названного в прописях „Чжуд-ши“. Из древней книги, к примеру, взяты сведения о понижающем кровяное давление шлемнике байкальском, о корневищах бадана, обладающих дубящими свойствами. Всего в отделе изучаются свойства 180 видов растений.

Приступили к работе группы моделирования и экспериментальной терапии, гематологии, биоэнергетики, химии природных соединений, медико-биологического комментирования…

Эти названия говорят о направлениях деятельности исследователей. Они имеют в своем распоряжении современные приборы для экспериментов. Обнадеживающие результаты дают первые опыты на животных.

Как видим, факты более чем впечатляющие»{81}.

Науке пока известен единственный экземпляр «Джуд-ши», который находится в Бурятском краеведческом музее имени М. Хангалова в Улан-Удэ. Этот экземпляр никогда прежде не переводился и не расшифровывался.

Ю. Н. Рерих в свое время предполагал, что автором «Джуд-ши» является некий Цожед-шонну. «Джуд-ши» состоит из следующих четырех глав: 1) «Главная основа — введение в медицину»; 2) «Повествовательная основа»; 3) «Основа терапии и хирургии»; 4) «Прибавочная основа».

По заданию ЮНЕСКО сейчас подготовлено к печати своеобразное иллюстрированное приложение к «Джуд-ши», которое можно назвать своего рода атласом индо-тибетской медицины. В нем 77 листов размером 65 на 80 сантиметров, каждый из которых почти сплошь покрыт рисунками.

Восточная медицина еще только открывает свои возможности для европейских врачей. Ее опыт тщательно анализируется и изучается. Большая работа в этом направлении, особенно в области иглоукалывания, проводится во Вьетнаме.

На древней земле Вьетнама

В сентябре 1957 г. я приехал в Демократическую Республику Вьетнам{82} с заданием оказать вьетнамским товарищам, которые вели тогда бои не на жизнь, а на смерть с американским империализмом, помощь в организации Музея революции по образцу нашего Музея Революции в Москве.

ЦК Партии трудящихся Вьетнама во главе с товарищем Хо Ши Мином придавал большое политическое значение созданию Музея революции, справедливо полагая, что этот музей будет играть огромную роль в деле воспитания трудящихся. Его предстояло открыть в Ханое.

Благодаря вьетнамским друзьям я быстро акклиматизировался в новой обстановке. Кроме переводчика ко мне прикрепили научного сотрудника будущего музея товарища Тыонга, специалиста по новой истории Вьетнама. Затем к нам присоединился профессор Лить Хок и еще несколько товарищей. Министерство культуры поставило перед нами следующие задачи: изучить историко-революционные материалы, памятники материальной культуры на территории страны, связанные с ее революционным прошлым, экспонаты соответствующей тематики в Историческом музее и фондохранилищах провинций.

На основе всего этого можно было составить тематическую структуру и экспозиционный план нового музея.

Нам пришлось много работать в архивах, знакомиться с литературой, издававшейся в разное время во Вьетнаме и за границей, с произведениями искусства.

В колониальный период во Французском Индокитае было несколько музеев: в Сайгоне, Дананге, Ханое, Пномпене, Вьентьяне. Колонизаторы собирали и показывали по преимуществу различные этнографические и археологические материалы. Экспонаты музеев были малодоступны местному населению.

С первых дней своего существования молодая Вьетнамская республика сделала все, чтобы сохранить памятники национальной культуры и искусства. На это и ориентировал работников культуры товарищ Хо Ши Мин. Поэтому первое, чем мы занялись с вьетнамскими товарищами, было изучение музейных экспонатов, прежде всего в Историческом музее в Ханое.

Правительство ДРВ разработало к этому времени законодательство по охране памятников культуры, была проведена национализация ценнейших частных коллекции

предметов искусства. Исторический музей был превращен в основное государственное хранилище. Расположенное в центре города, на самом берегу реки Хонгха, здание музея поразило меня своим своеобразием. Трехэтажное восьмигранное сооружение венчала трехъярусная крыша, над которой возвышался барабан с пирамидальным завершением. Музей оборудован с учетом тропического климата. Все стенды установлены в центре зала, вдали от окон, с тем чтобы на них не падали солнечные лучи. Экспозиционные залы первого и второго этажей не имеют перегородок. Окна в здании большие, между ними под потолком — маленькие окошечки, создающие дополнительную систему вентиляции. В музее всегда прохладно, даже тогда, когда на улице 37–39 °С. Площадь его — около 5000 квадратных метров; экспозиции размещены по двенадцати тематическим разделам.

Особенно поражают коллекции керамических и деревянных изделий вьетнамцев. Макеты крепостей и храмов дают представление об архитектуре. В запаснике Исторического музея мы отобрали около 10 тысяч экспонатов.

Мы посетили и юбилейную выставку, посвященную десятилетию Демократической Республики Вьетнам, которая тоже дала нам много интересного материала для будущего музея.

Затем мы ознакомились с историческими памятниками Ханоя, наиболее интересными для изучения истории страны: северными воротами крепости — помещением, в котором размещался один из подпольных центров компартии Индокитая в 1930–1931 гг.; «Пагодой на одном столбе Дьен-Бо (Мот-Кот)»; центральным стадионом; сквером Ли-Ланг; башней-крепостью (1812); театром на берегу реки Хонгха; центральным рынком «Донг-Суан»; национальными театрами «Золотой колокол столицы», «Золотая птица феникс» и «Золотая орхидея»; старинными воротами ремесленного квартала; храмом «Белой лошади»; пагодой Ли-Куок-Ши XII в.; статуей короля Ле Лоя; храмом Нефритовой горы; башней Черепахи; Центральной библиотекой; зданием Государственного театра; Историческим музеем; Музеем революции; Геологическим музеем; Народным театром и некоторыми другими.

Почти на каждой улице Ханоя возвышается храм: всего их в городе насчитывается более четырехсот. Несколько десятков из них взяты под охрану государством как памятники старины, например «Храм литературы», посвященный Конфуцию, «Пагода на одном столбе».

Один из интереснейших памятников Ханоя — пагода Дьен-Бо (Мот-Кот), которая была возведена в 1049 г. Внешний вид этой

постройки поражает своей красотой: изящный павильон выступает из воды, точно цветок лотоса. Он поставлен на круглую каменную колонну, поднимающуюся из водоема.

Следуя вьетнамским традициям, здания размещаются среди красивых ландшафтов, гармонически сочетаясь с природой.

Очень интересен с этой точки зрения «Храм литературы» (Конфуция) в Ханое. Расположен он у живописного озера, от которого, минуя традиционный портик главного входа, посетитель проходит цепь дворов и парков с красивыми водоемами и павильонами. Сам храм размещается в четвертом дворе. Интерьер его поражает своей художественной отделкой: колонны покрыты красным лаком, расписаны под золото, на деревянных деталях богатая резьба.

Историческим памятником является также и резиденция первого президента ДРВ Хо Ши Мина. Это большое здание, построенное еще французской колониальной администрацией. Внутри многочисленные залы — для приемов, служебные, торжественные, а также различные подсобные помещения. Большая усадьба дворца огорожена массивной чугунной оградой с орнаментом на ней. Во дворе разбит прекрасный сад с разнообразной тропической растительностью. В этом саду растет священное дерево бодхи из Индии, которое было подарено Хо Ши Мину делегацией буддистов в 1958 г.

Ранее во дворце президента жил глава французской колониальной администрации. Домик Хо Ши Мина был расположен в саду возле дворца. Он ничем не отличался от жилья среднего служащего государственных учреждений Ханоя. Ранним утром Хо Ши Мин наравне с работниками резиденции занимался поливкой деревьев в саду и уборкой усадьбы.

Товарищ Ле Лием, заместитель министра культуры, сказал нам, что правительство приняло решение об ускорении строительства нового здания Музея революции. Пока же для него будет предоставлено временное помещение и оказана необходимая помощь квалифицированными кадрами.

Для пополнения экспозиции и изучения местных фондов мы должны были отправиться в экспедицию по стране. Наш маршрут пролегал через Тханьхоа, Хатинь, Донгхой и Виньлинь. Кроме отбора экспонатов на нас возлагались обязанности по оказанию помощи парткомам и отделам культуры в организации местных музеев и охране памятников государственного значения.

Мы выехали в город Тханьхоа, центр одноименной провинции. Город выглядел очень красивым. По архитектуре он напомнил мне приволжские города Калининской и Горьковской областей.

Провинция Тханьхоа очень разнообразна по своим природным условиям: поросшие тропическими лесами горы, огромные массивы рисовых полей, морской берег с пляжами.

В 1957 г. в Тханьхоа было много ремесленных предприятий, выращивались такие промышленные культуры, как джут, конопля и другие. Были перестроены и значительно расширены оросительные системы и насосные станции. Экспедиция энергетиков, состоящая из советских и вьетнамских специалистов, изучила энергетические ресурсы страны. При помощи советских специалистов в Баньтхать была построена гидростанция. В этом строительстве принимали участие советские инженеры-электрики М. П. Кипарисов, В. И. Кабанов и другие. Ими было подготовлено много электриков, техников, монтажников и строителей ГЭС. Сейчас их ученики трудятся на новых стройках ДРВ. У Тханьхоа и провинции интересное историческое прошлое. Тханьхоа — центр бронзовой культуры Донгшон. Бытовые предметы, предметы культа, статуи и статуэтки, бронзовые барабаны, ружья, различные мечи и сабли, инкрустированные и с золотыми насечками, — все эти богатейшие памятники материальной и духовной культуры, найденные археологическими экспедициями, были впоследствии опубликованы русским ученым В. В. Голубевым.

В. В. Голубев прожил в Ханое около двадцати пяти лет, покинув Россию еще до революции. Археолог и востоковед, человек высокой культуры, он много путешествовал, участвовал в археологической экспедиции в Индию, и можно без преувеличения сказать, что в 30-х годах являлся одним из крупных археологов во Вьетнаме. Голубев проводил аэрофотосъемку для нужд археологии, исследовал развалины Ангкора в Кампучии. В 1935 г. Французская Академия удостоила его специальной премии за археологические исследования в Индокитае. Голубев не забывал свою родину. Находясь многие годы вдали от нее, он интересовался всем, что происходило в России. Во время Великой Отечественной войны он горячо приветствовал победы Советской Армии, гордился тем, что члены его семьи находились в ее рядах.

Среди находок, сделанных в Тханьхоа, мне особенно запомнились предметы из бронзы, в том числе курильница-носорог, слон и лошадь, статуя Будды Куан-ам (IX–XIII вв.), а также ваза, найденная в Тханьхоа (I в. н. э.). Все эти предметы свидетельствуют о высокой культуре древнего Вьетнама.

Венцом всех находок в Тханьхоа явилась обнаруженная в 1958 г. мумия женщины. Она была перевезена в Ханой, в Музей древней истории, и там тщательно обследована учеными

Вьетнама и других социалистических стран.

Большой вклад в развитие исторической науки Северного Вьетнама внес советский ученый, доктор исторических наук П. И. Борисковский, который жил и работал в ДРВ в 1960, 1961 и 1963 гг. При его участии в провинции Тханьхоа, на горе До, проводились археологические раскопки. Вьетнамскими археологами, работавшими под руководством П. И. Борисковского, было доказано, что на территории Вьетнама люди обитали еще в начале палеолита.

Существенный вклад в археологические исследования в ДРВ внес Исторический музей в Ханое, а также музеи и комитеты культуры провинций ДРВ, которые много сделали по сбору и научной обработке археологических коллекций, а также по их экспонированию и привлечению к ним внимания народных масс.

Из Тханьхоа мы выехали в город Винь, а оттуда направились на родину Хо Ши Мина — в деревню Кимлиен, находящуюся на юге провинции Нгеан.

Не успели мы выйти из машины, как нас окружили дети, а за ними не спеша потянулись со всех сторон взрослые, жители села. Среди них были дядя Хо Ши Мина и другие его родственники.

Нас привели в беседку, усадили вокруг круглого стола, угостили бананами, апельсинами и обязательным для вьетнамцев чаем. Крестьяне рассказали нам о делах в селе, о жизни и быте его тружеников.

…Простенький домик, покрытый пальмовыми листьями, как и все крестьянские дома. Здесь Хо Ши Мин жил с родными, делившими с ним все жизненные невзгоды. В доме скромная обстановка.

Участие в борьбе за свободу своего народа было традицией в их семье. Отец Хо Ши Мина много раз выступал против произвола французских колонизаторов, за что был сослан на юг страны.

Архивные документы и книги рассказывают о том большом пути, который прошел помощник повара, корабельный стюард, прежде чем он стал президентом ДРВ.

Нгуен Тат Тхань — так его назвали, когда он появился на свет 19 мая 1890 г. в деревне Кимлиен. Пятнадцати лет Хо Ши Мин покидает родное селение. Ему было немногим более двадцати лет, когда он под именем Ба нанялся помощником кока на французский парусник «Латуш-Тревиль» и после долгих странствий попал в Лондон, где работал у Эскафье, знаменитого французского кулинара.

Зимой 1913 г. Хо Ши Мин устроился сначала в одну из школ расчищать снег, потом работал истопником. Затем мыл посуду в

отеле «Карлтон». Его часто видели в Гайд-парке, где он сидел с книгами, записной книжкой и карандашом. Помимо английского языка он изучал историю колониальных народов.

После окончания первой мировой войны Хо Ши Мин отправился в Париж, где стал работать ретушером. Еще дома он изучал китайский язык и письменность и писал кисточкой. Это помогло ему быстро освоить искусство ретуши. В разгар туристского сезона он подрабатывает, рисуя и продавая сувениры.

Первой французской газетой и, пожалуй, в то время единственной, опубликовавшей статью Хо Ши Мина, была «Попюлер», которую редактировал социалист Шарль Лонге, зять Карла Маркса. Хо Ши Мин посетил Лонге, и в первый раз в жизни он услышал слова «дорогой товарищ».

Хо Ши Мин начал с заметок. Затем овладел журналистикой. Ему много помогал Монмуссо — редактор газеты «Ви увриер» («Рабочая жизнь»), органа прогрессивных профсоюзов. Хо Ши Мин писал и новеллы, которые печатала «Юманите».

Хо Ши Мин принимает деятельное участие в организации Союза колониальных стран в Париже, ставившего себе задачей объединение колониальных народов Азии и Африки. Он создает газету «Пария» и сам редактирует ее, пишет яркий памфлет, разоблачающий режим французских колонизаторов в его родном Вьетнаме, рассказывает о жертвах и страданиях своего народа в период первой империалистической воины, клеймит алчных и жестоких вьетнамских администраторов. Хо Ши Мин вступает во Французскую коммунистическую партию. Он тщательно изучает документы Коммунистического Интернационала и знакомится с его деятельностью. В атом ему помогли его друзья — Марсель 1\а-шен и Клод Вайян-Кутюрье.

В 30-х годах Хо Ши Мин учился в Москве, в аспирантуре Коммунистического университета трудящихся Востока.

…Проехав по бамбуковому мосту через маленькую речку, мы оказались в городе Винь. Он очень красив в архитектурном отношении. Большие дома, театр, высшее педучилище, радиоузел, промышленные предприятия, мастерские, учреждения. В плане это квадрат с пагодой в центре.

Провинция Нгеан и город Винь славятся превосходными апельсинами. Здесь выращивают также кофе. По мнению знатоков, кофе из Виня имеет особый аромат. Напиток из него получается черный как смола.

Мы посетили здесь памятник героям первых Советов Вьетнама. Революционное движение в провинции Нгеан достигло высшей точки в сентябре 1930 г., когда в уездах провинций Нгеан и Хатинь под руководством коммунистов были созданы народные

Советы. Советы провели ряд демократических преобразований, основными из которых были раздел помещичьей земли, ликвидация подушного и рыночного налогов, создание народного суда.

Нгеан — одна из самых больших провинций ДРВ с населением более полутора миллионов человек. Здесь кроме вьетнамцев живет около пятнадцати национальных меньшинств. Провинция граничит с Лаосом. Через ее территорию проходят все важные шоссейные дороги страны. В Нгеане производят спички, сигареты, мыло, тростниковые маты, джут для плетения мешков, гончарные изделия.

С 1958 г. в городе Винь работает музей «Совет Нгетинь», организованный при содействии Музея революции Вьетнама. Экспозиция его отражает основные этапы национально-освободительного движения с 1885 по 1959 г. Экспонаты рассказывают об образовании в конце 1929 г. во Вьетнаме трех коммунистических групп. 3 февраля 1930 г. на съезде, созванном в Гонконге по инициативе представителя Коминтерна Хо Ши Мина, было достигнуто объединение этих групп и создана Партия трудящихся Вьетнама (ПТВ), которая до марта 1951 г. называлась Коммунистической партией Индокитая (КПИК).

1930–1931 годы были годами мощного национально-освободительного движения во Вьетнаме. Непосредственной причиной его явилось резкое ухудшение положения широких народных масс в результате экономического кризиса. Фотографии и документы рассказывают о том, как 1 мая 1930 г. вьетнамский народ впервые в истории страны отметил День международной солидарности трудящихся. В этот день бастовали рабочие железной дороги, Те-Лона, спичечной фабрики в Бен-Тхюи, крестьяне окрестных деревень. Во время забастовки помимо лозунгов, требующих повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, уменьшения налогов, вьетнамские трудящиеся выступили с политическими лозунгами о прекращении террора и оказании помощи семьям погибших во время восстания.

Американские агрессоры уничтожили здание музея в Вине, театр и пагоду. Однако трудящиеся провинции Нгеан и города Винь ведут большие восстановительные работы. Уже действуют около трехсот механических мастерских, небольшие электростанции, производится бумага, цемент, добывается уголь. Работает фармацевтическая фабрика.

Из Виня наша экспедиция направилась в провинцию Хатинь. Здесь мы встретились с краеведами, художниками, работниками культуры, познакомились с фондохранилищами, в которых

обнаружили много интересующих нас предметов. Мы произвели отбор экспонатов для Музея революции. Побывали и в приморских поселках.

Покинув Хатинь, мы отправились в Донгхой — город, построенный руками вьетнамских умельцев из белого камня. Это центр провинции Куангбинь, которая дает стране основные продукты сельского хозяйства. На территории провинции растут ценные породы деревьев: камфорное, красное, розовое, железное, сандаловое, тиковое и бамбук. В провинции до 90 процентов крестьянских хозяйств объединены в кооперативы. Один из них называется «Вьет Со», что означает «Вьетнам — Советский Союз».

Далее наш путь лежал в город Хокса провинции Виньлинь. В 1957 г. Виньлинь уже считалась провинцией сплошной грамотности. Там успешно развиваются промышленность, сельское хозяйство.

Жители Виньлиня мужественно отражали атаки американских агрессоров. Зенитчики уничтожили не один американский самолет Б-52, весящий до двухсот тонн.

Первое судно американцев вьетнамская батарея, расположенная на побережье Виньлиня, потопила в феврале 1965 г., позднее были повреждены еще восемь кораблей, в том числе крейсер «Провиденс».

По возвращении из экспедиции мы приступили к составлению тематической экспозиции будущего Музея революции. Она была утверждена в сентябре 1958 г. на Секретариате ЦК Партии трудящихся Вьетнама.

В решении Центрального Комитета было сказано, что экспозиция музея должна размещаться в тридцати залах и состоять из четырех тематических отделов, характеризующих историю Вьетнама, начиная с далекого прошлого до оккупации страны французскими колонизаторами; революционное движение в стране; «войну сопротивления»; борьбу против американских империалистов, аграрную реформу в стране, экономику и культуру Вьетнама после войны.

Над созданием музея по указанию ЦК Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ трудилась большая группа специалистов, художников и работников различных министерств республики.

Решено было вначале создать экспозицию в нескольких залах нового здания, которые уже были отделаны. В пяти залах должна была разместиться выставка, включающая классические произведения вьетнамской литературы, в частности сборники стихов, учебники, философские сочинения, медицинские и военные изданий, живопись, скульптуру, произведения народного

творчества, экспонаты, отражающие историю происхождения вьетнамского народа, борьбу за независимость против французских колонизаторов, революционную борьбу и строительство новой жизни.

К 5 января 1959 г. выставка была готова к открытию. В этот день, рано утром, в музей приехал товарищ Хо Ши Мин и пробыл с нами до самого вечера. Он побывал почти во всех залах. Сначала он осматривал выставку один, затем прошел по музею вместе с нами. Тогда-то мне и посчастливилось побеседовать с ним.

Поздоровавшись со мной, Хо Ши Мин спросил:

— На каком языке будем говорить?

— Конечно, на русском, — ответил я.

— На русском языке я говорю медленно, и на это уйдет много времени. Давайте-ка так: и по-русски, и по-вьетнамски. У вас хороший переводчик, он нам поможет!

Окончив осмотр, Хо Ши Мин заявил:

— Музей революции — это живая летопись.

Накануне открытия музея он выступил на митинге, посвященном успешному завершению основных работ. Обращаясь к присутствующим, товарищ Хо Ши Мин сказал:

— Все государственные работники, члены партии и беспартийные, а особенно молодежь, посещая музеи, увидят, как гибли революционеры за дело нашего народа, как партия, преодолевая трудности, привела революцию к победе. Представленный здесь материал, документы будут вселять в каждого человека веру в партию и в наш прекрасный революционный строй.

На открытии Музея революции Фам Ван Донг, премьер-министр ДРВ, записал в почетной книге посетителей:

«Открытие музея является победой, имеющей важное значение для вьетнамского народа в процессе трудной, мужественной и победоносной революционной борьбы».

В одном из залов музея разместился отдел, посвященный революционной деятельности Хо Ши Мина. Здесь хранится редкая фотография, запечатлевшая Хо Ши Мина с К. Е. Ворошиловым, которая была сделана в 1924 г. в Советском Союзе.

В музее представлена диорама пещеры Бакпо в джунглях, откуда товарищ Хо Ши Мин руководил революционным движением.

Героическая борьба народа против американской агрессии также нашла свое отражение на стендах музея.

С началом американских бомбардировок территории Северного Вьетнама работники министерства культуры ДРВ,

музеев, культпросвета, искусства и театров стали выезжать в воинские части.

Наши вьетнамские друзья, несмотря на грозную военную обстановку, перестроили всю культурную работу в стране применительно к этим условиям. Литература снова обратилась к жанрам очерка и репортажа, в которых рассказывалось о героизме и самоотверженной борьбе народа и армии, отстаивающих завоевания революции. Повести Нгуен Динь Тхи «В огне» (1965, русский перевод 1967) и «Линия фронта проходит в небе» (1967, русский перевод 1968) рассказывали о мужестве и стойкости бойцов Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама. Написаны они были в огне войны.

Мы посетили еще Хайфон, второй после Ханоя город Северного Вьетнама. Советские специалисты приводили в порядок Хайфонский порт, производили его реконструкцию, углубляли фарватер и очищали акваторию от затонувших кораблей. Теперь это первоклассный морской порт Юго-Восточной Азии, куда заходят суда многих стран мира. Через Хайфонский порт проходит основная масса товаров, импортируемых и экспортируемых республикой морским путем.

Хайфон расположен на берегу живописного Тонкинского залива. Курорт Дошон и необычайно красивый залив Халонг были в свое время любимым местом отдыха французских колонизаторов, которые занимали центр города с белокаменными жилыми домами, гостиницами, ресторанами, барами, игорными заведениями.

В 1959 г. мы помогли хайфонцам организовать городской музей, где было представлено много подлинных документов и фотографий, рассказывающих об истории города и его жизни после освобождения.

Хайфон не склонил головы перед американскими агрессорами. Хайфонцы сумели отстоять свой город, и поддержала их великая дружба советского и вьетнамского народов.

Библиография

Ленин В. И. Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта. — Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 271–274.

Ленин В. И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. — Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 241.

Ленин В. И. Телеграмма Реввоенсовету Восточного фронта, 14 февраля. — Полное собрание сочинений. Т. 50, с. 255.

Ленин В. И. Телеграмма М. В. Фрунзе. — Полное собрание сочинений. Т. 51, с. 80.

Ленин в творчестве народов Бурятии. Улан-Удэ, 1969.

Агалков В. Т. Организация ревкомов в Восточной Сибири в 20–21-м году. — «Труды Иркутского университета». Т. 21, 1958.

Бадиев А. А. Бурятия шагает в коммунизм. Улан-Удэ, 1973.

Балтахинов П. С. Улан-Удэ, 1977.

Бальбуров А. Двенадцать моих драгоценностей. М., 1975.

Бальбуров А. У нас в Бурятии. Улан-Удэ, 1969.

Бальбуров А. Мы живем за Байкалом. М., 1967.

Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954.

Бартанова А. А. Образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ, 1964.

Бартанова А. А., Миронов Н. А., Нелюбина Г. Г. Борцы за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1967.

Без них мы не победили бы. М., 1975.

Бестужев Н. А. Гусиное Озеро. — Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск. 1927.

Битва на Курской дуге. М., 1975.

Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926.

Бойцы революции. Иркутск, 1980.

Болдырев В. Г. Директория. Колчаковские интервенты. Новониколаевск, 1925.

Борисковский П. И. На раскопках во Вьетнаме. Л., 1966.

Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М. — Л., 1966.

Борьба за власть Советов. Иркутск, 1957.

Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918). Улан-Удэ, 1957.

Борьба с контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 1922.

Борьба продолжается. Иркутск, 1982.

Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Улан-Удэ, 1975.

Бурятия славит Октябрь. Улан-Удэ, 1967.

Бурятская краснознаменная. Улан-Удэ, 1968.

Бурят-Монголия в борьбе за Советы (сборник воспоминаний и документов). Иркутск, 1933.

В семье единой братской. Улан-Удэ, 1983.

Вампилов А. Избранное. М., 1975.

Вампилов А. Белые города. М., 1979.

Вампилов А. Дом окнами в поле. Иркутск, 1982.

Вампилов Б. Барон в павлиньих перьях. — «Наука и религия». 1977. № 2.

Вампилов Б. Боец культурного фронта. — «Агитатор». 1972, № 13.

Вампилов Б. В музее вьетнамской революции. — «Проблемы востоковедения». 1970, № 3.

Вампилов Б. Н.,,Рерих Ю. Н. Виктор Викторович Голубев, — «Проблемы востоковедения». 1959, № 3.

Вампилов Б. Н. Живая летопись. — СССР — ДРВ. М., 1975.

Вампилов Б. Н. Музейное строительство в Демократической Республике Вьетнам. — По зарубежным музеям. М., 1965.

Вампилов Б. Н. Книги не исчезают. — «Вокруг света». 1973, № 9.

Вампилов Б. На древней земле Вьетнама. — «Байкал». 1972, № 6.

Вампилов Б. Н. Шаманизм. — «Наука и религия». 1962, № 7.

Вампилов Б. И., Чернышева Н. Ф. Еще один экземпляр «Ганжура». — «Народы Азии и Африки». 1969, № 6.

Вампилов Б., Карнаухов Г. Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги. — «Литературная Грузия». 1982, № 11, с. 137–159.

Варненска Моника. Мост на реке Бенхай. М., 1967.

Василевский А. Дело всей жизни. М., 1976.

Вендрих Г., Кудрявцев Ф. Иркутск. Иркутск, 1971.

Вожаки комсомола. М., 1978.

Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопримечательностей. Ч. III–IV. СПб., 1799.

Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX века. Улан-Удэ, 1957.

Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1956.

Гирченко В. П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933.

Гирченко В. П. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1940.

*Гирченко В. /*7. Этапы революционного движения в Бурятии (1917–1918). Верхнеудинск, 1927.

Гирченко В. П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX века о бурят-монголах. Иркутск, 1939.

Годы огневые. Красноярск, 1962.

Городовиков О. И. В боях и походах. М. — Л„1939.

Греве Вильям. Американская авантюра в Сибири (1918–1920), М., 1932.

Гречко А. А. Годы войны. М., 1976.

Гудошников М. Сибирь. М… 1932.

Демидов А. О творчестве А. Вампилова. — *Вампилов А.* Избранное. М., 1975.

Дворянов Н. В. В тылу Колчака. М., 1966.

Доржиев Ж. Д., Кондратьев А. М. Путь в Тибет. М., 1973.

Дубина И. Д. Партизанское движение в Восточной Сибири. Иркутск, 1967.

Дунаевский А. М. Иду за Гашеком. Иркутск, 1972.

Егунов Н. В. И. Трубачсев. Улан-Удэ, 1981.

Енисеев С. И. В семье народов равноправных. Иркутск, 1972.

Ербанова С. Басаев Г. Д. М. Н. Ербанов. Улан-Удэ, 1972.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. I–II. М., 1975.

Жуковская Н. Л. Из истории религиозного синкретизма в Забайкалье. — «Советская этнография». 1965, № 6.

Женщины советской Бурятии. Улан-Удэ, 1969.

Жиркова Д. С. 50 лет в партии Ленина. Якутск, 1976.

Забелин П. Литературный разъезд. Иркутск, 1974.

История гражданской войны. Т. 2. М., 1947.

История Бурятской АССР. Т. II. Улан-Удэ, 1959.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ, 1954.

История СССР. Т. I. М., 1983.

История советского общества. М., 1971.

К столетию со дня рождения профессора Г. И. Цыбикова. Улан-Удэ, 1976.

Кандидов Б. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932.

Кардашев В. Рокоссовский. М., 1972.

Кармен Р. Л. Вьетнам сражается. М., 1958.

Кислое А. Н. Разгром Унгерна. М., 1964.

Китайский С. Поле соажения. Иркутск, 1977.

Кожевин В., Секерин В. Василий Букатый. Красноярск, 1977.

Кожевин В. Подвиг красногвардейцев. Улан-Удэ, 1982.

Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., 1970.

Комуниверситет трудящихся Востока. Ч. 2, 3, 4. М., 1929.

Котов М., Лясковский В. На Южном фронте. Ростов, 1976.

Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1968.

Кочетов А. Н. Ламаизм. М., 1973.

Кротов В. Л. Чоновцы. М., 1974.

Кузьмин Г. В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. М., 1977.

Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977.

Майоров А. И. Утро моей республики. Иркутск, 1975.

Михайлов Т. М. Бурятское шаманство и его пережитки. Иркутск, 1962.

Мхитарян С. А. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме. М., 1967.

Назаров В. Н. От Курской дуги до Курляндии. М., 1976.

Намсараев Х. Н. На утренней заре. Улан-Удэ, 1950.

Найдаков В. Ц. Традиции и новаторство в бурятской советской литературе. Улан-Удэ, 1976.

Новокшонов И. М. В степи. М., 1928.

Новокшонов И. М. Вокруг ареста Колчака. М., 1931.

Новокшонов Н. М. Застрельщики. Свердловск, 1934.

Новокшонов И. М. Партизанские были. Свердловск — Москва, 1939.

Новокшонов И. М. Потомок Чингисхана. Улан-Удэ, 1969.

Ордена Ленина Забайкальский. М., 1980.

Партизаны Прибайкалья. Улан-Удэ, 1957.

Петров Л. А. Доржи Банзаров. Иркутск, 1975.

Петров П. У. Разгром пепеляевской авантюры. Якутск, 1955.

Плечом к плечу. М., 1965.

Помус М. И. Бурят-Монгольская АССР. М., 1937.

Попов В. Декабристы К. П. Торсои и братья Бестужевы по воспоминаниям селенгинской бурятки Жигмыт Анаевой. — «Жизнь Бурятии». 1926.

Постышев П. П. Гражданская война в Сибири (воспоминания). Харьков, 1928.

Потанина А. В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. М., 1905.

Промптов Ю. В центре Азиатского материка. М., 1950.

О браках среди бурят-буддистов и шаманистов Иркутской губернии. — «Сибирский архив», № 7, 1914.

Осодоев М. Зов. М., 1982.

Очерки истории бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970.

Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1940.

Родимцев А. И. Твои, отечество, сыны. Киев, 1974.

Рождение бурятской комсомолии. Улан-Удэ, 1968.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968.

Румянцев Г. Н. Аларская летопись. — «Записки БМ НИИКЭ». Вып. IX. Улан-Удэ, 1949.

Санжиев Б. С. Ярослав Гашек в Восточной Сибири. Иркутск, 1961.

Семичев Б, В, Г. Ц. Цыбиков — исследователь Тибета. Улан-Удэ, 1957.

Смирнов И. Н. Конец борьбы с колчаковщиной, — «Пролетарская революция». 1926, № 1 (48).

Соколов М. Очерк экономического быта инородцев ведомств: Куйтинского, Ныгднского и Аларского. — «Вопросы колонизации», № 2.

Соколовская С. Солдаты революции. Новосибирск, 1982.

Сокгоев А. Б, Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ, 1976.

Солодянкина А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960.

Сосновский В. И. К вопросу об образовании бурятской народности. — «Бурятоведение». 1928, № IV (8).

Сын народа. Улан-Удэ, 1971.

Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб., 1912.

Трибунский И. П. Годы двадцатые. Черемхово, 1968.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958.

Турунов А. Н. и *Бегман В. Д.* Революция и гражданская война в Сибири. Новосибирск, 1928.

Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. М., 1923.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957.

Хаптаев П. Т. Бурят-Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск, 1947.

Хороших И. П. Остатки далекого прошлого Аларской степи. — «Известия ВСОРГО». Т. 51, 1926.

Цыбиков Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.

Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.

Цыбиков Г. Ц. Лам-Рим Чен-По. — «Известия Восточного института». 10-й год. 1908–1909.

Чудинова К. П. Юности прекрасное начало. М., 1976.

Шалашников М. Мы были такими. Иркутск, 1976.

Шаракшинова Н. И. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975.

Шерхунаев Р. А. Певец земли Бурятской. Иркутск, 1973.

Шерхунаев Р. А. Антишаманские мотивы в бурятском устном народном творчестве. Иркутск, 1963.

Шинкарев Л. Сибирь (откуда она пошла и куда она идет). Иркутск. 1974.

Шмелев В, И. Горянки Сибири до революции. Новосибирск, 1927.

Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии. Улан-Удэ, 1972.

Щапов А. П. Бурятская улусно-родовая община. — Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937.

Элиасов Л. Е. Байкальские предания. Улан-Удэ, 1966.

Юность бурятской комсомолии. Улан-Удэ, 1964.

Якушкин Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М. Л., 1928.

Яньков Николай. Ганжур. — «Вокруг света». 1971, № 4.

Яньков Николай. Тибетский доктор. — «Вокруг света». 1973, № 8.

Японская интервенция в Сибири. Чита, 1922.

Периодика

Правда, 28.08.1946.

Правда, 30.08.1946.

Правда, 2.06.1976.

Правда, 31.05.1982.

Правда, 2.07.1983.

Литературная газета, 23.11.1983.

Е. И. Аюева, Г. М. Карнаухов
Послесловие

Автор настоящей книги Базыр Николаевич Вампилов бил среди первых комсомольцев Бурятии. В марте 1920 г. он вступил в РКСМ и вскоре был избран секретарем одной из первых комсомольских ячеек в бурятских улусах Иркутской губернии. Боец частей особого назначения (ЧОН), руководитель Аларского комитета бедноты, один из организаторов первого в Аларском аймаке товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ), бывший председатель Аларского булучного Совета, Б. Н. Вампилов еще в период становления Советской власти проявил большие организаторские способности.

В 30-е годы Б. Н. Вампилов — член пропагандистской группы ЦК ВКП(б) в Восточной Сибири, член бюро и заведующий Отделом агитации и пропаганды Улан-Удэнского ГК ВКП(б), член ЦИК Бурят-Монгольской АССР, член партколлегии Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Бурят-Монгольской АССР, а позже ответственный секретарь партколлегии КПК при ВКП(б). Затем он работает в Центральном музее истории религии и атеизма СССР и ведет научную работу, специализируясь на изучении истории восточных культур, ламаистской религии и шаманизма.

Б. И. Вампилов — активный участник Великой Отечественной войны, прошедший славный путь от Курской дуги до Берлина и Праги. Он был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», орденами: Отечественной войны 1-й степени, Отечественной войны 2-й степени, медалями: «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией» и др.

После окончания войны Базыр Николаевич свыше тридцати лет работал в Министерстве культуры РСФСР, из них более двух лет находился в командировке в Демократической Республике Вьетнам (ныне — СРВ).

Б. Н. Вампилов — автор ряда работ, опубликованных в научных сборниках и журналах «Вокруг света», «Байкал», «Наука и религия».

Предлагаемая читателю книга написана в автобиографическом и историко-этнографическом плане. Она рассказывает о тяжелой судьбе бурятского народа до революции, страдавшего от двойного гнета — местных богачей, купцов и нойонов и царской администрации,

о пагубном влиянии на него трех религий: христианства, ламаизма и шаманизма,

В книге ярко показано классовое расслоение, имевшее место в бурятских улусах до Великой Октябрьской социалистической революции, которою с радостью встретили трудящиеся-буряты.

События, о которых рассказывается в книге Б. Н. Вампилова, проходят на широком историческом фоне. Это были годы революционного подъема, начавшегося еще в период первой мировой войны и приведшего к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Это были годы гражданской войны, борьбы против колчаковщины, интервенции и банд «кровавого барона» Унгерна. Восстановительный период и социалистическое строительство в аймаках бурятских национальных округов и Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики, годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны и мирного послевоенного строительства — таков широкий диапазон повествования Б. Н. Вампилова.

Восточная Сибирь, и в частности Иркутская губерния, при царизме была одним из районов каторги и ссылки. В 1900 г. в Иркутской губернии находилось в ссылке 71,8 тыс. человек, или 14,2 % всего населения губернии[1].

Иркутская политическая ссылка имеет длительную историю. Первым отбывал семилетнюю ссылку в Илимском остроге А. И. Радищев. После восстания на Сенатской площади в 1825 г. сюда были сосланы декабристы, в 1823 г. — поляки-повстанцы, в конце 40-х годов прошлого столетия — М. В. Буташевич-Петрашевский и его единомышленники Ф. Н. Львов и Н. А. Спешнев, несколько позднее — М. А. Бакунин, в 1863 г. — снова поляки-повстанцы, в 70-х и 80-х годах — значительная группа землевольцев и народовольцев, а в 90-х годах появились первые ссыльные марксисты: А. И. Богданов, Н. Е. Федосеев и др.[2].

Население Бурятии всегда тепло относилось к ссыльным. А ссыльные, в свою очередь, особенно политические, вели большую пропагандистскую работу среди бурят, помогали в борьбе против царизма. Об этом подробно рассказывает и Б. Н. Вампилов. Страницы его книги, повествующие о связях политических ссыльных Михаила Кобзева и Иннокентия Хрусталева с крестьянами Алари, читаются с большим интересом. Работа политических ссыльных среди бурятского населения не пропала даром. Под влиянием революции 1905–1907 гг. пролетариат Бурятии, беднейшее крестьянство, интеллигенция составили ядро оппозиционных сил царизму. Расширялся масштаб подпольной работы, росла армия политических борцов, сыгравших впоследствии решающую роль в борьбе против контрреволюции.

Трудящиеся-буряты, особенно из улусов правого и левого Приангарья, сразу же после победы революции п Иркутской губернии в декабре 191? г., когда были созданы первые органы Советской власти, приняли активное участие в защите завоеваний революции. При Центросибири была создана бурятская группа во главе с первой бурятской коммунисткой М. М. Сахьяновой; большинство группы составляли буряты-коммунисты. Главными задачами этой группы стали организация первых советских учреждений в бурятском Приангарье и привлечение к работе в них бедняцко-батрацких масс бурятского населения.

Бурятские коммунисты в этот период вели непримиримую, принципиальную борьбу против кулаков, нойонов, ламаистского духовенства.

18 ноября 1918 г. власть в Сибири была в руках «верховного правителя» Колчака. Начался период дикого произвола и жестоких репрессий. Относительно мирная и спокойная жизнь в селах, городах, деревнях и улусах была грубо нарушена колчаковскими чиновниками, действовавшими совершенно бесконтрольно. К власти в Бурятии вновь пришли кулаки, эсеры, меньшевики и всякие деклассированные элементы.

Началась систематическая мобилизация в колчаковскую армию. Но уже с 1919 г. появились дезертиры, не желавшие идти в армию Колчака. Они укрывались по глухим деревням, жили в таежных зимовьях.

Партия и правительство проводили большую работу по укреплению подпольных большевистских организаций в Сибири. Организации Иркутска, Черемхова, Тайшета посылали своих представителей в деревни и села поднимать население на борьбу с колчаковщиной.

Колчаковские власти отвечали жестокими репрессиями: казнями, расстрелами и массовыми, повальными арестами. Кровавые расправы колчаковцев отталкивали от них все слои общества, даже их союзников. Колчаковцы могли опираться теперь только на оголтелых контрреволюционеров, бандитствующие элементы и преступников. А эта опора была ненадежной.

В городах и селах Сибири рождалась огромная ненависть к Колчаку. Земля горела под ногами его приспешников. В Бурятии росли и крепли подпольные большевистские организации. Тайга стала союзником народных мстителей — партизан, делала их неуловимыми.

Для армии Колчака таежная тропа превратилась в страшного врага, где из-за каждого дерева можно было ждать выстрела или удара в спину. Летом 1919 г. в Приангарье началась активная

партизанская война. В каждой партизанской группе, в каждом отряде появились представители большевистских комитетов, цементировавшие партизанские силы и направлявшие их деятельность на борьбу за восстановление Советской власти.

Из таежных зарослей Саянских гор вышли партизаны Н. А. Каландарашвили. Начали организованную борьбу па берегах верхней Ангары отряды Рютина и Карнаухова. Встало под знамена партии и революции население бурятских улусов Приангарья — партизанские отряды во главе с Балтахиновым. На железной дороге, в районе Нижнеудинск — Тайшет — Шитка, активизировались партизанские отряды Баерского и Шиткинского фронтов. В низовьях Ангары действовал отряд Бурлова. Подняли восстание против колчаковцев солдаты карательного отряда Мамаева, и под руководством большевика Д. Е. Зверева выступили партизанские отряды и группы Степана Романова и Василия Перфильева.

Уже с середины лета 1919 г. партизанская борьба получила такой размах, что из партизанских отрядов были образованы полки, дивизии, а затем Северо-Восточный фронт Сибири.

События развивались с такой молниеносной быстротой, что за каких-нибудь полгода политическая активность трудящихся достигла небывалого уровня, гигантское партизанское половодье залило всю Сибирь, мощное партизанское движение во взаимодействии с войсками Восточного фронта к концу 1919 г. окончательно разгромило колчаковщину.

Победа над колчаковщиной и восстановление в Иркутской губернии Советской власти поставили перед партийными организациями губернии, уездов, районов и аймаков много неотложных и трудных задач по строительству мирной жизни. Для этого периода было характерно укрепление влияния партийных организаций среди трудящихся, рост их рядов.

При Иркутском губкоме РКП (б) была создана Бурятская секция. Основной ее опорой стала Ангарская аймачная партийная организация. Бурятская секция РКП (б) и аймачные комитеты уделяли большое внимание правильной расстановке сил, использованию, выдвижению и подготовке кадров. Организовывались и работали кружки политграмоты, был утвержден перспективный план учебы коммунистов н актива: коммунисты-буряты посылались на учебу в Иркутск, Москву и Ленинград.

Бурятские коммунисты возглавили широкое народное движение за создание национальной государственности, организацию местных органов власти, они обогащались опытом во всех областях общественно-политической жизни. С помощью

губернской партийной организации бурятские коммунисты провели немало важных мероприятий по приобщению местного населения к строительству новой жизни.

Партийная организация Бурятии выдвинула в эти бурные годы из своей среды таких крупных партийных и государственных деятелей, как М. М. Сахьянова, М. Н. Ербанов, С. Х. Николаев, В. И. Трубачеев, М. М. Амагаег, И. С. Архинчеев, Г. Г. Данчинов, Ф. М. Осодоева, А А. Маркизов, Д. Д. Доржиев и др.

Уже в первой половине 1920 г. в губернии, в том числе в национальных бурятских округах, были решены вопросы административного устройства. В частности, была создана советская система управления аймаками. В административном отношении аймаки делились на хошуны, хошуны — на булуки. В аймаках были созданы аймачные, в хошунах — хошунные и в булуках — булучные ревкомы. Большую помощь бурятским аймакам оказывала Черемховская партийная организация.

В ноябре — декабре 1920 г. были проведены выборы в Советы, а 20–21 декабря — первые съезды Советов рабочих и крестьянских депутатов в Ангарском и Эхирит-Булагатском аймаках. Советы приступили к решению самой неотложной и самой сложной задачи — к восстановлению народного хозяйства, развитию сельского хозяйства, национально-культурному строительству.

В 1920 г. с территории Монголии в Бурятию проникли отряды ставленника Колчака — «кровавого барона» Унгерна. Совместно с частями 5-й армии трудящиеся Бурятии, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, разгромили банды Унгерна, потерпевшего окончательное поражение на территории Монгольской Народной Республики.

В конце 1920 — начале 1921 г. в Иркутской губернии и бурятских аймаках резко обострилась классовая борьба. В различных местах вспыхнули кулацко-белогвардейские мятежи и возникли контрреволюционные банды: Замащикова — в Голумети и окружающих ее местностях, Донского, Чернова и Степанова — в Заангарье, Боханском аймаке и в других местах. В борьбе против контрреволюционных выступлений и буржуазных националистов укрепились низовые партийные ячейки, кадры коммунистов и актив получили твердую закалку и необходимый опыт.

Большую роль сыграли при этом, как справедливо подчеркивает Б. Н. Вампилов, отряды частей особого назначения, формировавшиеся из партийных, комсомольских, сельских и поселковых активистов и поддерживаемые всем бедняцко-батрацким населением и большинством середняков. Все это привело к тому, что уже в конце 1921 — начале 1922 г. многие

контрреволюционные очаги были разгромлены, обезврежены и бандитское движение в Иркутской губернии, в том числе и в бурятских аймаках, пошло на убыль.

Партийные организации уделяли большое внимание вовлечению в общественно-политическую жизнь женщин-бурятoк. Руководили этой работой бурятские партийные ячейки, женский отдел Иркутского губкома РКП (б). В 1921 г. было создано бурятское бюро при этом отделе, которое возглавила одна из передовых женщин-бурятoк — М. В. Сагадарова, а затем В. М. Тарантаева.

В первых рядах борцов за восстановление Советской власти в Иркутской губернии стояла молодежь, В феврале — марте 1920 г, начали возникать первые комсомольские ячейки в Иркутске, Черрмхове, Слюдянке, Балаганском уезде, Алари, Бохане, Бодайбо.

С 29 апреля по 4 мая 1920 г. была проведена первая губернская конференция комсомола. 78 делегатов от 41 комсомольской организации представляли 2500 комсомольцев Приангарья и Прибайкалья. Многие комсомольцы принимали участие в уничтожении кулацких контрреволюционных банд в бурятских улусах Приангарья.

Комсомольские ячейки под руководством партийных организаций вели активную борьбу за молодого человека, борьбу против пережитков мещанства, имевших в то время довольно широкое распространение.

Большую роль в экономическом и социально-политическом развитии Бурятии сыграло образование в 1923 г. Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики и несколько позднее Усть-Ордынского Бурятского национального округа в Иркутской области и Агинского Бурятского национального округа в Читинской области.

Национальное самоопределение бурятского народа, осуществление основных принципов ленинской национальной политики нашей партии, всесторонняя помощь русского народа бурятскому народу привели к коренным изменениям в экономике, быте и культуре Бурятии. За годы Советской власти в республике и округах была создана оснащенная современной техникой промышленность, построено много предприятий, высокого развития достигло сельское хозяйство. Колхозы и совхозы превратились в крупное, высокоэффективное социалистическое хозяйство.

Во время Великой Отечественной войны бурятский народ, как и весь народ нашей страны, встал на защиту ее от немецко-фашистских захватчиков. Б. Н. Вампилов воскрешает яркие

эпизоды борьбы с врагом, он рассказывает о бурятах-воинах, многие из которых стали Героями Советского Союза и награждены орденами и медалями.

За годы Советской власти в Бурятии была осуществлена подлинная культурная революция. Ликвидирована неграмотность и малограмотность населения, осуществлено всеобщее среднее образование, создана сеть средних и высших учебных заведений широкого профиля.

Осуществлены коренные преобразования быта бурятского населения: возведены современные, благоустроенные дома в городах и сельской местности. Дворцы культуры, клубы, библиотеки, предприятия торговли и бытового обслуживания.

До революции бурятский народ и представления не имел о театре. Ныне в столице Бурятии Улан-Удэ созданы Театр оперы и балета, Бурятский театр драмы, Русский драматический театр, Государственная филармония. Бурятский ансамбль песни и танца «Байкал» получил мировое признание.

Поистине «эпохой возрождения» можно назвать рассвет изобразительного искусства Бурятии. В произведениях бурятских живописцев широко показаны картины созидательного труда и нового быта. Характерная для них реалистическая направленность определилась с самого начала под влиянием русской демократической культуры. Значительное место в изобразительном искусстве занимает тема Великой Отечественной войны. Подвиги бурятского народа на фронте и в тылу нашли свое отражение и в художественной литературе Бурятии. Широкую известность получили стихи поэтов Д. Хилтухина, Ц. Намтоева, рассказы участников войны Ж. Тумунова и В. Комякова. Писатель-фронтовик Ж. Тумунов написал документальную повесть «В сторону заката солнца» и рассказ «Комбат», в которых раскрыл образы сильных, мужественных людей на войне.

Тема Великой Отечественной войны многогранна. До сих пор о ней мало написано самими ее участниками (не профессиональными писателями). Тем ценнее представляется нам книга Б. Н. Вампилова, в которой значительное место уделено описанию событий и фактов, происходивших на фронте, а также сражений, в которых он принимал участие непосредственно как политработник Советской Армии.

Е. И. Аюева, Г. М. Карнаухов,

члены Иркутской секции Историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Фото

Артистки Ханойского кукольного театра на первом всевьетнамском празднике физкультуры и спорта

Традиционный танец народностей, живущих на плато Тэйнгуэн

Тямская башня в Нячанге (провинция Фукхань)

Вьетнамские студентки

В ханойском парке им. В. И. Ленина

Улица-парк в Хошимине

Хошимин

Алтарь буддийской святой во вьетнамском храме

Юная скрипачка

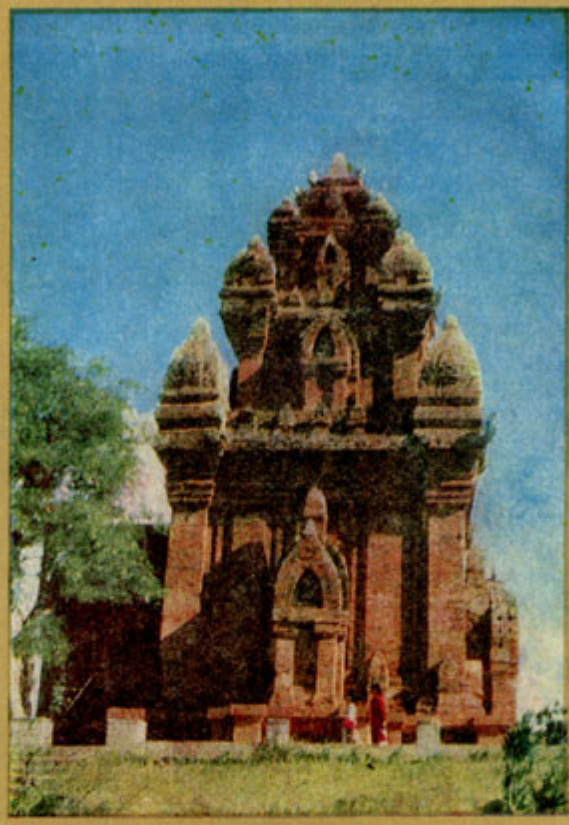
РАССКАЗЫ О СТРАНАХ ВОСТОКА

Б. Н. Вампилов

ОТ АЛАРИ ДО ВЬЕТНАМА

1 руб.

Предлагаемая читателю книга написана в автобиографическом и историко-этнографическом плане.

События проходят на широком историческом фоне. Это годы революционного подъема, начавшегося еще в период первой мировой войны и приведшего к победе Великого Октября, гражданской войны, борьбы против колчаковщины, интервенции и банд «кровавого барона» Унгерн[illegible]да и социалистического стр[illegible]ках.

Отдельная [illegible]. Н. Вампилова в социалис[illegible]

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. Н. Вампилов
ОТ АЛАРИ ДО ВЬЕТНАМА
2-е издание, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986
ББКл8
В16

Редакционная коллегия
К. В. Малаховский (председатель), *Л. Б. Алаев, Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Литературная запись Ю. О. БЕМА
Ответственный редактор С. Д. ДЫЛЫКОВ

Вампилов Б. Н.
В 16 От Алари до Вьетнама. Послесл. Е. И. Аюевой и Г. М. Карнаухова. 2-е изд., испр. и доп. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

237 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»),

Книга Б. Н. Вампилова представляет собой воспоминания автора о своем детстве, учебе, участии в гражданской и Отечественной войнах, а также о своей работе но Вьетнаме. Кроме того, автор дает основанное на документальном материале описание путешествия Г. Цыбикова в Тибет, рассказывает о поисках рукописей «Ганжура» и «Данжура» в Бурятии.

В 1905020000-211 64–88
013(02)-86

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980; с изменениями 1986.

Базыр Николаевич Вампилов
ОТ АЛАРИ ДО ВЬЕТНАМА

2-е издание, исправленное и дополненное

Утверждено к печати Редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *Н. Л. Скачко*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *А. В. Шандор*

ИБ № 15533

Сдано в набор 10.06.36. Подписано к печати 04.11.86. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Вкладка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. и. л. 12,6 + 0,42 вкл. Усл. кр. — отт. 14, 7. Уч. — изд. л. 14.02. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5780. Зак. № 639. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука» 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

comments

Комментарии

1

См.: *Л. Е. Элиасов*. Байкальские предания. Улан-Удэ, 1954, с. 220–222.

2

Нойон — чиновник, в ведение которого входило управление инородцами. — *Здесь и далее примеч. авт.*

3

Сын бывшего генерал-губернатора Сибири, один из руководителей движения декабристов, П. И. Пестель, в 1826 г. был приговорен царским правительством к смертной казни. Отец приехал проститься с сыном и в присутствии жандармов стал осыпать его «бранью и упреками, желая показать свое верноподданничество. Отеческое увещевание он заключил вопросом:

— И чего ты хотел?

— Это долго рассказывать, — отвечал глубоко оскорбленный сын. — Я хотел, между прочим, чтобы и возможности не было для таких генерал-губернаторов, каким Вы были в Сибири» (История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954, с. 220–225).

4

Тайша — титул главы степной думы у бурят в царской России.

5

Ч. Цыдендамбаев. Доржи — сын Банзара. Улан-Удэ, 1969.

6

Бурхан — статуэтка буддийского божка.

7

Тайлаган — жертвоприношение духам — «хозяевам» местных гор, рек, озер и ключей, устраивавшееся родом или союзом родов.

8

Обо (дословно «куча, груда, насыпь») — место, где совершался религиозный обряд, посвященный «хозяину» местности.

9

Хибэр — самогонный аппарат.

Тэрлик — халат *(бурят.)*.

П. В. Забелин. Литературный разъезд. Иркутск, 1974, с. 38–46.

Имеются и другие версии гибели А. Вампилова, но я лично придерживаюсь этой.

13

В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 197–198.

История Бурятской АССР. Т. II. Улан-Удэ, 1959.

15

Николаев Семен Хабалович (1898–1922) — один из активных деятелей Советской власти и основателей большевистской организации в Бурятии. Член РКП(б) с 1918 г. Будучи учащимся Иркутской учительской семинарии, вступил в нелегальный кружок, где изучал революционную литературу. Позднее поступил в учительский институт и принял участие в работе марксистской группы студентов. Наиболее активная революционная деятельность С. Х. Николаева развернулась после Февральской революции. Ом вел непримиримую борьбу с бурятскими националистами, эсерами, разоблачал их как защитников буржуазии. С падением Советской власти на территории Иркутской губернии он вернулся в Аларский аймак и с местными большевиками развернул среди населения подпольную партийную работу против колчаковщины. В конце 1919 г. С. Х. Николаев вместе с В. И. Трубачеевым организует Кондойскую коммунистическую ячейку, избирается ее секретарем, потом председателем Кондойского подпольного комитета. В мае 1920 г. его направляют в Забайкалье, где он работает в Дальбюро ЦК РКП(б), а в 1921 г. — в Дальневосточном секретариате Коминтерна. Осенью 1921 г. С. Х. Николаев командируется на учебу в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в Москву. В 1922 г. славный сын бурятского народа умер от туберкулеза легких (см.: Борцы за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1967, с. 191–192).

16

Сагадарова Мария Владимировна (1901–1926) — уроженка Голуметского района Иркутской губернии. В период колчаковщины вступила в члены Черемховской подпольной организации Коммунистического союза молодежи. В 1920 г. стала членом РКП (б), оказывала содействие в подавлении кулацко-белогвардейского мятежа в селе Голуметь. После окончательной победы Советской власти в Бурятии включилась в работу среди тружениц Боханского, Аларского и Эхирит-Булагатского аймаков, организуя хошунные и аймачные конференции и совещания женщин, позднее была назначена заведующей женотделом Бурятского обкома РКП (б) (см.: Борцы за власть Советов в Бурятии, с. 226).

17

Доржиев Дажуп Дансаранович (1899–1937) — уроженец улуса Бурково Балаганского уезда Иркутской губернии. В декабре 1919 г. вступил в партизанский отряд Черемховского рабочего батальона, в рядах которого сражался против колчаковцев. После захвата власти большевиками в Аларском хошуне вступил в партизанский отряд Смолина и участвовал в борьбе против бандитизма, в частности в ликвидации кулацко-белогвардейского мятежа в селе Голуметь. С 1921 г. находился на советской и партийной работе — сначала инструктором Черемховского и Аларского райкомов партии, потом заведующим орготделом Аларского айкома РКП (б). В апреле 1929 г. Д. Доржиева выдвигают на пост председателя Совета Народных Комиссаров Б-МАССР. В этой должности он работает до конца жизни (см.: Борцы за власть Советов в Бурятии, с. 110).

18

Манзанов Евгений Данилович (1900–1918) — уроженец улуса Аларь Иркутской губернии. Еще будучи учащимся реального училища в Иркутске, включился в активную революционную деятельность в качестве члена социалистической группы учащейся молодежи. Во время летних каникул он организовал в родном улусе культурно-просветительный кружок для молодежи, поскольку тогда не было никаких молодежных организаций, а молодежь имела в большинстве своем не более как начальное образование и культурный уровень ее был низким. Он написал сам устав кружка, проводил читки литературных произведений, беседы на элементарные научно-популярные темы.

В составе красногвардейского отряда 718-й дружины он участвует в декабре 1917 г. в подавлении восстания юнкеров в Иркутске, в 1918 г. вступает в ряды РКП(б) и становится адъютантом иркутского губернского комиссара. С этого периода начинается его бурная деятельность по укреплению органов Советской власти в Иркутске и в Иркутской губернии. Работая под руководством одного из старейших и опытных большевиков, Н. А. Гаврилова, Манзанов принимает участие в деятельности различных комиссий и комитетов в области революционного переустройства городских и губернских административно-хозяйственных и общественных органов и организаций. После падения Советской власти в Иркутске Манзанов возвращается на родину, в Аларь, откуда был вынужден бежать в связи с приходом карателей. Только в 1966 г. удалось выяснить, что Евгений Манзанов был предан писарем земской управы в селе Брянка Мухоршибирского района и застрелен белогвардейцами. В улусе Аларь одна из улиц названа его именем (см.: Борцы за власть Советов в Бурятии, с. 165).

19

Ербанов Михей Николаевич (1889–1938) — член нелегального Иркутского губкома партии, принимал активное участие в формировании партизанских отрядов во главе с Бахпновым, Трубачеевым, Лосовым, Балтахиновым, Помытовым, которые оперировали на территории современных Аларского и Боханского районов. О М. И. Ербанове старый большевик К. П. Чудинова вспоминает: «Я работала с Михеем Николаевичем в иркутском подполье. События, которые я описываю, происходили весной 1919 г. у меня на квартире, в деревне Мельннково, где находилось нелегальное паспортное бюро…

В мае 1919 г. партия послала меня в Читу, где я должна была информировать читинское подполье о положении Советской России, о продвижении Красной Армии, преследующей колчаковскую армию, о работе иркутских подпольщиков, а также добыть паспортные бланки с печатями и штампами читинских властей… Елена Бердникова сказала, что нашла очень подходящую кандидатуру для работы в паспортном бюро подполья. Это был Михей Ербанов…

Партия доверяла Михею. Уже осенью 1919 г. он стал членом губкома. Работа в подполье в первые годы становления Советской власти, организация бурятской секции коммунистов и бурятской автономии требовали большой смелости и умения быстро ориентироваться в трудной и сложной обстановке…» (*К. П. Чудинова*. Сын народа. Улан-Удэ, 1971).

20

Хабаев Иннокентий Петрович (1891–1937) — уроженец улуса Куйта Иркутской губернии. В декабре 1919 г. участвовал в ликвидации хошунной земской управы. Вошел в состав Аларского хошревкома, позднее был председателем ревкома. В 1922–1937 гг. И. П. Хабаев работал заместителем наркома юстиции, прокурором Бурятии, директором Института культуры, председателем Главсуда республики (см.: Борцы за власть Советов в Бурятии, с. 265).

21

Чайванов Владимир Николаевич (1877–1964) — участник трех революций. В 1905 г., будучи учащимся Иркутской гимназии, стал членом марксистского кружка. Позднее учился на юридическом факультете Московского университета. Из-за участия в революционных выступлениях был вынужден уйти из университета и закончил свое образование в Томске. Вернувшись в Иркутск, В. Н. Чайванов проводит большую работу по усилению большевистской организации Восточной Сибири, участвует в разгроме колчаковцев. В 1918 г. партия направила Чайванова в Монголию для организации большевистского подполья. Он создает в г. Урге несколько революционных групп и партизанских отрядов. В 1920 г. Чайванов становится первым советским генеральным консулом в Монголии, а затем работает в ВЧК г. Иркутска. Вскоре по вызову Ф. Э. Дзержинского В. Н. Чайванов приезжает в Москву, где работает в качестве Управляющего делами ВЧК-ОГПУ, а затем начальника административно-финансового управления ВСНХ. Последние годы жизни Чайванов работал над книгой о революционных событиях в Иркутске 1905–1907 гг.

П. Т. Хаптаев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964, с. 193–201.

23

Каландарашвили (Каландаришвили) Нестор Александрович (1876–1922) — уроженец села Шемокмеди Озургетского уезда Грузии. Родился в бедняцкой семье. Окончил гимназию в г. Кутаиси. Учился в Тифлисской учительской семинарии, откуда был исключен за проведение революционной пропаганды среди крестьян и солдат. Член РКП(б) с 1921 г. В годы гражданской войны Каландарашвили — член штаба Прибайкальского фронта, командир Первого Иркутского кавалерийского дивизиона, командующий Троицкосавскнм фронтом. В 1919 г. Каландарашвили возглавляет партизанский отряд и ведет бои с белогвардейцами в районе станции Зима и в пределах Иркутской губернии. Командует Верхоленским партизанским фронтом. В 1920 г. направляется на японо-семеновский фронт и наносит вместе с частями Народно-революционной армии поражение семеновским войскам под станцией Гонготы. В августе 1920 г. встречается с В. И. Лениным. 5 апреля 1921 г. Каландарашвили назначают командиром корейских войск, действовавших на территории Дальневосточной республики. В октябре того же года его вторично принимал В. И. Ленин. (Подробнее об одном из выдающихся организаторов и командиров партизанского движения в Сибири, П. А. Каландарашвили, см.: *М. В. Церетели*. Народный герой Нестор Каландарашвили. Тб., 1965.)

24

Сибирь. Сибирский революционный комитет (Сибревком). — I Сборник документов и материалов. Новороссийск, 1959, с. 117–118.

25

Политцентр — контрреволюционная организация, за спиной которой стояли интервенты. См.: *Н. Д. Шулунов*. Становление Советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 годы). Улан-Удэ, 1972, с. 33–34.

В. Кожевни, В. Секерин. Василий Букатый. Красноярск, 1977.

И. М. Новокшонов. Память павших за Октябрь. М., 1926.

28

Так звали в отряде одного из членов политцентра.

29

Эта телеграмма, как выяснилось впоследствии, сыграла очень большую роль в поимке и аресте Колчака.

30

«В связи с деятельностью интервентов в Сибири не могу не привести любопытный факт, — писал Г. Х. Эйхе, — касающийся одной из главных фигур интервенции. Я имею в виду французского генерала Жанена — главнокомандующего всеми союзными оккупационными войсками в Сибири. Удирая от Красной Армии, он вез большой груз — около трехсот тщательно упакованных и усиленно охраняемых ящиков. Что же в них находилось? Военные трофеи, архисекретные документы? Ничего подобного. В ящиках были царские реликвии. Колчак в свое время создал большую комиссию для выяснения обстоятельств казни царя и его семьи. Попутно комиссия занималась сбором царских реликвий. Нашлись ловкие люди, которые за солидные деньги поставляли Жанену принадлежавшие якобы царской семье предметы обихода. Самой большой сенсацией в этой коллекции был мизинец от женской руки с перстнем, объявленный «экспертами» пальцем бывшей царицы. Кстати, французское правительство отказалось принять все собранное Жаненом. Не вышло у него ничего и в Англии. Тогда Жанен обратился к бывшему великому князю Николаю Николаевичу — дяде Николая II. Но и тот не пожелал иметь дела с незадачливым генералом-коммерсантом» (*Г. Х. Эйхе.* На главном направлении. — Разгром Колчака. М., 1969, с. 165).

31

Из колчаковщины. М., 1931, с. 26–48.

В Кожевин, В. Секерин. Василий Букатый. Красноярск, 1977, с. 56.

И. Тугутов. На четырех ветрах. Улан-Удэ, 1965, с. 362–369.

34

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. XXXV, № 51.

И. Н. Бурсак. Сын народа. Улан-Удэ, 1971, с. 38.

36

Олембур — азартная карточная игра.

И. И. Трибунский. У трудных дней пощады не проси. Иркутск, 1982, с. 3, 32.

38

Тарантаева Вера Максимовна (р. 1903) — уроженка Балаганского уезда Иркутской губернии. Родилась в бедняцкой бурятской семье. Ее отец был убит бандой Улаханова. В 1920 г. Тарантаева возглавила Малышевскую ячейку РКСМ, в 1925 г. вступила в члены ВКП(б).

С 1924 по 1927 г. С. Я. Ербанова (Малахирова) находилась на руководящей комсомольской работе в аймачном, а затем в областном комитете ВЛКСМ Бурятии. Она продолжительное время работала заместителем председателя Госплана Бурятской республики.

С. Я. Ербанова. Первые шаги, — Рождение бурятской комсомолии. Улан-Удэ, 1968.

41

У. Грэвс. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М., 1932, с. 63.

42

В. И. Ленин. Телеграмма ЦИК'у Советов Сибири, — Полное собрание сочинений. Т. 50, с. 56.

43

В. И. Ленин. Директивы Владивостокскому совету. — Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 216.

Агинская правда, 25.11.1980.

Сибирь. 1978, № 5, с. 116.

46

Правда. 30.VIII.1946.

Безбожник. 1925. № 9.

А. И. Кислов. Разгром Унгерна. М., 1964, с. 13.

49

«Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 15.XI.1921, № 9–10.

Байкал. 1977, № 6, с. 130–131.

51

Там же.

Северная Азия. Кн. 2. \\Б. м.//, 1928, с. 78.

А. И. Майоров. Утро моей республики. Иркутск, 1975, с. 116.

Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970, с. 473.

55

Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943) — академик, уроженец Читы, родился в семье ссыльного поселенца. Один из участников рабочего движения в России.

В 1898 г. вступил в члены РСДРП. Входил в состав Читинского комитета. В 1903–1905 гг. — член Петербургского комитета партии. В 1905 г. вел партийную работу в Одессе, Гуле, Костроме, Нижнем Новгороде, Ярославле, в 1906 и 1907 гг. — в Москве, Петербурге, на юге России. За революционную деятельность Е. М. Ярославский неоднократно подвергался арестам. В 1907 г. был приговорен к каторге и через пять лет отправлен на поселение в Якутск. В июле 1917 г. Е. М. Ярославский вернулся из ссылки в Москву. Участвовал в работе VI съезда РСДРП (б), был одним из руководителей вооруженного восстания в октябре 1917 г. в Москве.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской воины работал в политорганах Красной Армии, находился на партийной работе в Сибири и на Урале.

На VIII и IX съездах партии Е. М. Ярославский избирался кандидатом, а на X и XI съездах членом ЦК РКП(б). В 1921 г. был избран секретарем ЦК РКП (б), а на XVIII съезде — членом ЦК ВКП(б). В 1937–1943 гг. — депутат Верховного Совета СССР.

См.: В пламени сражений. М., 1943, с. 34–44.

М. И. Соболев. Воспоминания. Рукопись. Архив автора.

Военно-исторический журнал. 1973, № 12.

Штурм Берлина. М., 1948, с. 195–197.

П. А. Асмоловский. Воспоминания. Рукопись. Архив автора.

61

Гвардии полковник Борсоев. Улан-Удэ, 1970, с. 5.

62

Копия представления майора Загорулько хранится в личном архиве автора.

63

Африкан *Бальбуров*, Данри *Хилтухин*. Приказываю жить. Улан-Удэ, 1971, с. 10–13.

С. В. Муравьев. Воспоминания. Рукопись. Архив автора.

Известия, 22.01.1975.

Правда. 2.07.1983.

Правда. 9.03.1986.

Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.

69

Г. Ц. Цыбиков. Лам-Рим Чен-По. Владивосток, 1910–1913.

70

Восстание народов Северо-Западного Китая против маньчжурской династии.

Б. Я. Владимирцов. Монгольский «Данжур». — Доклады Академии наук СССР. 1926, с. 31–34.

старики

Н. Яньков. Ганжур. — Вокруг света. 1971, № 4, с. 59.

Там же.

75

Далемба — китайская хлопчатобумажная суровая ткань, очень прочная. — *Примеч. Н. Янькова.*

Н. Янько в. Ганжур, с. 60–63.

Хурдэ — молитвенная мельница.

См.: *Б. Н. Вампилов*. Это безбрежное морс знаний. — Вокруг света. 1971, № 4, с. 65.

79

Африкан *Бальбуров*. Двенадцать моих драгоценностей. М., 1975, с. 177–179.

Правда. 8.06.1974.

81

Правда. 10.02.1978.

82

Ныне Социалистическая Республика Вьетнам.

notes

Примечания

1

Сибирская ссылка. Т. 1. М., 1927.

2

Там же, с. 8.